

**МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Кафедра психологии и педагогики

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Часть I

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Пособие

**Минск
2007**

УДК 159.9(07)

ББК 88я7

О 75

Рекомендовано научно-методическим советом агрономического факультета БГАТУ

Протокол № 3 от 3 мая 2007 г.

Составитель – старший преподаватель кафедры педагогики *Е.А. Поддубская*

Рецензенты: канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики и проблем развития образования БГУ *В.В. Чет*;
преподаватель кафедры педагогики и психологии ИПК и ПК
БГПУ им. М. Танка *В.В. Родыгина*

О 75   **Основы** психологии и педагогики : пособие : в 2 ч. Ч. I. Основы общей психологии / сост. Е.А. Поддубская. – Минск : БГАТУ, 2007. – 164 с.

ISBN 978-985-6770-80-0 (Ч. I)

ISBN 978-985-6770-76-3

Предназначено для студентов дневной и заочной формы обучения и слушателей Института повышения квалификации и переподготовки кадров АПК.

УДК 159.9
ББК 88я7

ISBN 978-985-6770-80-0 (Ч. I)

ISBN 978-985-6770-76-3

© БГАТУ, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение в психологию	
Ю.Б. Гиппенрейтер. Общее представление о психологии как науке....	4
Ж. Годфруа. Чем занимаются психологи.....	16
Развитие психики	
А.Р. Лурия. Инстинктивное поведение животных.....	26
В. Морозов. Этот удивительный дельфин.....	37
Л. Фирсов. Обезьяны, берущие палки.....	46
Личность	
А.Н. Леонтьев. Индивид и личность.....	57
В.Н. Мясищев. Понятие личности в аспектах нормы и патологии.....	65
Познавательная и эмоционально-волевая сфера личности	
А. Журавлев. Какого цвета звук А!.....	71
Е. Головаха, А. Кроник. Психологическое время: удивительные свойства сжиматься и прерываться.....	76
В. Пекелис. Феноменальная память.....	87
В. Зинченко. Искусственный интеллект – глазами психолога.....	95
Д. Айян. 10 способов освободить ваш творческий гений.....	100
Б. Додонов. Эмоция как ценность.....	107
А. Курпатов. Средство от депрессии.....	112
Индивидуально-психологические особенности личности	
С.Л. Рубинштейн. Темперамент и характер.....	122
Б.М. Теплов. Способности и одаренность.....	154

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ

Ю.Б. Гиппенрейтер

Общее представление о психологии как науке¹

В системе наук психологии должно быть отведено особое место, и вот по каким причинам.

Во-первых, это наука о самом сложном, что пока известно человечеству. Ведь психика — это «свойство высокоорганизованной материи». Если же иметь в виду психику человека, то к словам «высокоорганизованная материя» нужно прибавить слово «самая»: ведь мозг человека — это самая высокоорганизованная материя, известная нам.

Знаменательно, что с той же мысли начинает свой трактат «О душе» выдающийся древнегреческий философ Аристотель. Он считает, что среди прочих знаний исследованию о душе следует отвести одно из первых мест, так как «оно — знание о наиболее возвышенном и удивительном».

Во-вторых, психология находится в особом положении потому, что в ней как бы сливаются объект и субъект познания.

Чтобы пояснить это, воспользуюсь одним сравнением. Вот рождается на свет человек. Сначала, пребывая в младенческом возрасте, он не осознает и не помнит себя. Однако развитие его идет быстрыми темпами. Формируются его физические и психические способности; он учится ходить, видеть, понимать, говорить. С помощью этих способностей он познает мир; начинает действовать в нем; расширяется круг его общения. И вот постепенно, из глубины детства, приходит к нему и постепенно нарастает совершенно особое ощущение — ощущение собственного «Я». Где-то в подростковом возрасте оно начинает приобретать осознанные формы. Появляются вопросы: «Кто я? Какой я?», а позже и «Зачем я?». Те психические способности и функции, ко-

---

¹ Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию / Ю.Б. Гиппенрейтер. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – С. 7–19.

торые до сих пор служили ребенку средством для освоения внешнего мира — физического и социального, обращаются на познание самого себя; они сами становятся предметом осмысления и осознания.

Точно такой же процесс можно проследить в масштабе всего человечества. В первобытном обществе основные силы людей уходили на борьбу за существование, на освоение внешнего мира. Люди добывали огонь, охотились на диких животных, воевали с соседними племенами, получали первые знания о природе.

Человечество того периода, подобно младенцу, не помнит себя. Постепенно росли силы и возможности человечества. Благодаря своим психическим способностям люди создали материальную и духовную культуру; появились письменность, искусство, наука. И вот наступил момент, когда человек задал себе вопросы: что это за силы, которые дают ему возможность творить, исследовать и подчинять себе мир, какова природа его разума, каким законам подчиняется его внутренняя, душевная, жизнь?

Этот момент и был рождением самосознания человечества, т. е. рождением *психологического знания*.

Событие, которое когда-то произошло, можно коротко выразить так: если раньше мысль человека направлялась на внешний мир, то теперь она обратилась на саму себя. Человек отважился на то, чтобы с помощью мышления начать исследовать само мышление.

Итак, задачи психологии несоизмеримо сложнее задач любой другой науки, ибо только в ней мысль совершает поворот на себя. Только в ней научное сознание человека становится его *научным самосознанием*.

Наконец, *в-третьих*, особенность психологии заключается в ее уникальных практических следствиях.

Практические результаты от развития психологии должны стать не только несоизмеримо значительнее результатов любой другой науки, но и качественно другими. Ведь познать нечто — значит овладеть этим «нечто», научиться им управлять.

Научиться управлять своими психическими процессами, функциями, способностями — задача, конечно, более грандиозная, чем, например, освоение космоса. При этом надо особенно подчеркнуть, что, *познавая себя, человек будет себя изменять*.

Психология уже сейчас накопила много фактов, показывающих, как новое знание человека о себе делает его другим: меняет его отношения, цели, его состояния и переживания. Если же снова перейти к масштабу всего человечества, то можно сказать, что психология — это наука, не только познающая, но и *конструирующая, создающая* человека.

И хотя это мнение не является сейчас общепринятым, в последнее время все громче звучат голоса, призывающие осмыслить эту особенность психологии, которая делает ее наукой *особого типа*.

В заключение надо сказать, что психология — очень молодая наука. Это более или менее понятно: можно сказать, что, как и у вышеупомянутого подростка, должен был пройти период становления духовных сил человечества, чтобы они стали предметом научной рефлексии.

Официальное оформление научная психология получила немногим более 100 лет назад, а именно, в 1879 году немецкий психолог *В. Вундт* открыл в г. Лейпциге первую лабораторию экспериментальной психологии.

Появлению психологии предшествовало развитие двух больших областей знания: естественных наук и философии; психология возникла на пересечении этих областей, поэтому до сих пор не определено, считать психологию естественной наукой или гуманитарной. Из вышесказанного следует, что ни один из этих ответов, по-видимому, не является правильным. Еще раз подчеркну: это — наука особого типа. Перейдем к следующему пункту нашей лекции — вопросу **о соотношении научной и житейской психологии**.

Любая наука имеет в качестве своей основы некоторый житейский, эмпирический опыт людей. Например, физика опирается на приобретаемые нами в повседневной жизни знания о движении и падении тел, о трении и инерции, о свете, звуке, теплоте и многом другом.

Математика тоже исходит из представлений о числах, формах, количественных соотношениях, которые начинают формироваться уже в дошкольном возрасте.

Но иначе обстоит дело с психологией. У каждого из нас есть запас житейских психологических знаний. Есть даже выдающиеся житейские психологи. Это, конечно, великие писатели, а также некоторые (хотя и не все) представители профессий, предполагающих постоянное общение с людьми: педагоги, врачи, священнослужители и др. Но, повторяю, и обычный человек располагает определенными психологическими знаниями. Об этом можно судить по тому, что каждый человек в какой-то мере может *понять* другого, *повлиять* на его поведение, *предсказать* его поступки, *учесть* его индивидуальные особенности, *помочь* ему и т. п.

Давайте задумаемся над вопросом; чем же отличаются житейские психологические знания от научных?

Я назову вам пять таких отличий.

Первое: житейские психологические знания конкретны; они приурочены к конкретным ситуациям, конкретным людям, конкретным задачам. Говорят, официанты и водители такси — тоже хорошие психологи. Но в каком смысле, для решения каких задач? Как, мы знаем, часто — довольно прагматических. Также конкретные прагматические задачи решает ребенок, ведя себя одним образом с матерью, другим — с отцом, и снова совсем иначе — с бабушкой. В каждом конкретном случае он точно знает, как надо себя вести, чтобы добиться желаемой цели. Но вряд ли мы можем ожидать от него такой же проницательности в отношении чужих бабушки или мамы. Итак, житейские психологические знания характеризуются конкретностью, ограниченностью задач, ситуаций и лиц, на которые они распространяются.

Научная же психология, как и всякая наука, стремится к *обобщениям*. Для этого она использует *научные понятия*. Отработка понятий — одна из важнейших функций науки. В научных понятиях отражаются наиболее существенные свойства предметов и явлений, общие связи и соотношения.

Научные понятия четко определяются, соотносятся друг с другом, связываются в законы.

Например, в физике благодаря введению понятия силы И. Ньютону удалось описать с помощью трех законов механики тысячи различных конкретных случаев движения и механического взаимодействия тел.

То же происходит и в психологии. Можно очень долго описывать человека, перечисляя в житейских терминах его качества, черты характера, поступки, отношения с другими людьми. Научная же психология ищет и находит такие обобщающие понятия, которые не только экономизируют описания, но и за конгломератом частных позволяют увидеть общие тенденции и закономерности развития личности и ее индивидуальные особенности. Нужно отметить одну особенность научных психологических понятий: они часто совпадают с житейскими по своей внешней форме, т. е. попросту говоря, выражаются теми же словами. Однако внутреннее содержание, значения этих слов, как правило, различны. Житейские термины обычно более расплывчаты и многозначны.

Однажды старшеклассников попросили письменно ответить на вопрос: что такое личность? Ответы оказались очень разными, а один учащийся ответил так: «Это то, что следует проверить по документам». Я не буду сейчас говорить о том, как понятие «личность» определяется в научной психологии, — это сложный вопрос, и мы им специально займемся позже, на одной из последних лекций. Скажу только, что определение это сильно расходится с тем, которое было предложено упомянутым школьником.

Второе отличие житейских психологических знаний состоит в том, что они носят *интуитивный* характер. Это связано с особым способом их получения: они приобретаются путем практических проб. Подобный способ особенно отчетливо виден у детей. Я уже упоминала об их хорошей психологической интуиции. А как она достигается? Путем ежедневных и даже ежечасных испытаний, которым они подвергают взрослых и о которых послед-

ние не всегда догадываются. И вот в ходе этих испытаний дети обнаруживают, из кого можно «вить веревки», а из кого нельзя.

Часто педагоги и тренеры находят эффективные способы воспитания, обучения, тренировки, идя тем же путем: экспериментируя и зорко подмечая малейшие положительные результаты, т. е. в определенном смысле «идя на ощупь». Нередко они обращаются к психологам с просьбой объяснить психологический смысл найденных ими приемов.

В отличие от этого научные психологические знания *рациональны* и вполне *осознанны*. Обычный путь состоит в выдвижении словесно формулируемых гипотез и проверке логически вытекающих из них следствий.

Третье отличие состоит в способах передачи знаний и даже в самой *возможности их передачи*. В сфере практической психологии такая возможность весьма ограничена. Это непосредственно вытекает из двух предыдущих особенностей житейского психологического опыта — его конкретного и интуитивного характера. Глубокий психолог Ф.М. Достоевский выразил свою интуицию в написанных им произведениях, мы их все прочли — стали мы после этого столь же проникательными психологами? Передается ли житейский опыт от старшего поколения к младшему? Как правило, с большим трудом и в очень незначительной степени. Вечная проблема «отцов и детей» состоит как раз в том, что дети не могут и даже не хотят перенимать опыт отцов. Каждому новому поколению, каждому молодому человеку приходится самому «набивать шишки» для приобретения этого опыта.

В то же время в науке знания аккумулируются и передаются с большим, если можно так выразиться, КПД. Кто-то давно сравнил представителей науки с пигмеями, которые стоят на плечах у великанов — выдающихся ученых прошлого. Они, может быть, гораздо меньше ростом, но видят дальше, чем великаны, потому что стоят на их плечах. Накопление и передача научных знаний возможна благодаря тому, что эти знания кристаллизуются в понятиях и законах. Они фиксируются в научной литературе и передаются с

помощью вербальных средств, т. е. речи и языка, чем мы, собственно говоря, и начали сегодня заниматься.

Четвертое различие состоит в методах, получения знаний в сферах житейской и научной психологии. В житейской психологии мы вынуждены ограничиваться наблюдениями и размышлениями. В научной психологии к этим методам добавляется *эксперимент*.

Суть экспериментального метода состоит в том, что исследователь не ждет стечения обстоятельств, в результате которого возникает интересующее его явление, а вызывает это явление сам, создавая соответствующие условия. Затем он целенаправленно варьирует эти условия, чтобы выявить закономерности, которым данное явление подчиняется. С введением в психологию экспериментального метода (открытия в конце прошлого века первой экспериментальной лаборатории) психология, как я уже говорила, оформилась в самостоятельную науку.

Наконец, *пятое* отличие, и вместе с тем преимущество, научной психологии состоит в том, что она располагает обширным, разнообразным и подчас *уникальным фактическим материалом*, недоступным во всем своем объеме ни одному носителю житейской психологии. Материал этот накапливается и осмысливается, в том числе в специальных отраслях психологической науки, таких, как возрастная психология, педагогическая психология, пато- и нейропсихология, психология труда и инженерная психология, социальная психология, зоопсихология и др. В этих областях, имея дело с различными стадиями и уровнями психического развития животных и человека, с дефектами и болезнями психики, с необычными условиями труда — условиями стресса, информационных перегрузок или, наоборот, монотонии и информационного голода и т. п., — психолог не только расширяет круг своих исследовательских задач, но и сталкивается с новыми неожиданными явлениями. Ведь рассмотрение работы какого-либо механизма в условиях развития, поломки или функциональной перегрузки с разных сторон высвечивает его структуру и организацию.

Приведу короткий пример. Вы, конечно, знаете, что у нас в г. Загорске существует специальный интернат для слепоглухонемых детей. Это дети, у которых нет слуха, нет зрения и, конечно, первоначально нет речи. Главный «канал», через который они могут вступать в контакт с внешним миром, — это осязание.

И вот через этот чрезвычайно узкий канал в условиях специального обучения они начинают познавать мир, людей и себя! Процесс этот, особенно вначале, идет очень медленно, он развернут во времени и во многих деталях может быть увиден как бы через «временную лупу» (термин, который использовали для описания этого феномена известные советские — ученые А.И. Мещеряков и Э.В. Ильенков). Очевидно, что в случае развития нормального здорового ребенка многое проходит слишком быстро, стихийно и незамечено. Таким образом, помощь детям в условиях жестокого эксперимента, который поставила над ними природа, помощь, организуемая психологами совместно с педагогами-дефектологами, превращается одновременно в важнейшее средство познания общих психологических закономерностей — развития восприятия, мышления, личности.

Итак, обобщая, можно сказать, что разработка специальных отраслей психологии является Методом (методом с большой буквы) общей психологии. Такого метода лишена, конечно, житейская психология.

Теперь, когда мы убедились в целом ряде преимуществ научной психологии перед житейской, уместно поставить вопрос: а какую позицию научные психологи должны занять по отношению к носителям житейской психологии?

Предположим, вы окончили университет, стали образованными специалистами-психологами. Вообразите себя в этом состоянии. А теперь вообразите рядом с собой мудреца, необязательно живущего сегодня, древнегреческого философа, например. Этот мудрец — носитель многовековых размышлений людей о судьбах человечества, о природе человека, его проблемах, его счастье. Вы — носитель научного опыта, качественно другого, как мы только что видели. Так какую же позицию вы должны занять по отноше-

нию к знаниям и опыту мудреца? Вопрос этот не праздный, он неизбежно рано или поздно встанет перед каждым из вас: как должны соотноситься в вашей голове, в вашей душе, в вашей деятельности эти два рода опыта?

Я хотела бы предупредить вас об одной ошибочной позиции, которую, впрочем, нередко занимают психологи с большим научным стажем. «Проблемы человеческой жизни, — говорят они, — нет, я ими не занимаюсь. Я занимаюсь научной психологией. Я разбираюсь в нейронах, рефлексах, психических процессах, а не в "муках творчества"».

Имеет ли эта позиция некоторые основания? Сейчас мы уже можем ответить на этот вопрос: да, имеет. Эти некоторые основания состоят в том, что упомянутый научный психолог вынужден был в процессе своего образования сделать шаг в мир отвлеченных общих понятий, он вынужден был вместе с научной психологией, образно говоря, загнать жизнь *in vitro*, «раззять» душевную жизнь «на части». Но эти необходимые действия произвели на него слишком большое впечатление. Он забыл, с какой целью делались эти необходимые шаги, какой путь предполагался дальше. Он забыл или не дал себе труда осознать, что великие ученые — его предшественники вводили новые понятия и теории, выделяя существенные стороны реальной жизни, предполагая затем вернуться к ее анализу с новыми средствами.

История науки, в том числе психологии, знает немало примеров того, как ученый в малом и абстрактном усматривал большое и жизненное. Когда И.П. Павлов впервые зарегистрировал условно рефлекторное отделение слюны у собаки, он заявил, что через эти капли мы, в конце концов, проникнем в муки сознания человека. Выдающийся советский психолог Л. С. Выготский увидел в «курьезных» действиях типа завязывания узелка на память способы овладения человеком своим поведением.

О том, как видеть в малых фактах отражение общих принципов и как переходить от общих принципов к реальным жизненным проблемам, вы нигде не прочтете. Вы можете развить в себе эти способности, впитывая лучшие образцы, заключенные в научной литературе. Только постоянное внима-

ние к таким переходам, постоянное упражнение в них может сформировать у вас чувство «биения жизни» в научных занятиях. Ну а для этого, конечно, совершенно необходимо обладать житейскими психологическими знаниями, возможно более обширными и глубокими.

Уважение и внимание к житейскому опыту, его знание предостерегут вас еще от одной опасности. Дело в том, что, как известно, в науке нельзя ответить на один вопрос без того, чтобы не возникло десять новых. Но новые вопросы бывают разные: «дурные» и правильные. И это не просто слова. В науке существовали и существуют, конечно, целые направления, которые заходили в тупик. Однако прежде чем окончательно прекратить свое существование, они некоторое время работали вхолостую, отвечая на «дурные» вопросы, которые порождали десятки других «дурных» вопросов.

Развитие науки напоминает движение по сложному лабиринту со многими тупиковыми ходами. Чтобы выбрать правильный путь, нужно иметь, как часто говорят, хорошую интуицию, а она возникает только при тесном контакте с жизнью.

В конечном счете, мысль моя простая: научный психолог должен быть одновременно хорошим житейским психологом. Иначе он не только будет малополезен науке, но и не найдет себя в своей профессии, попросту говоря, будет несчастен. Мне бы очень хотелось уберечь вас от этой участи.

Один профессор сказал, что если его студенты за весь курс усвоят одну-две основные мысли, он сочтет свою задачу выполненной. Мое желание менее скромно: хотелось бы, чтобы вы усвоили одну мысль уже за одну эту лекцию. Мысль эта следующая: *отношения научной и житейской психологии подобны отношениям Антея и Земли; первая, прикасаясь ко второй, черпает из нее свою силу.*

Итак, научная психология, *во-первых*, опирается на житейский психологический опыт; *во-вторых*, извлекает из него свои задачи; наконец, *в-третьих*, на последнем этапе им проверяется.

А теперь мы должны перейти к более близкому знакомству с научной психологией.

Знакомство с любой наукой начинается с определения ее предмета и описания круга явлений, которые она изучает. Что же является **предметом психологии**? На этот вопрос можно ответить двумя способами. Первый способ более правильный, но и более сложный. Вторым — относительно формальный, но зато краткий.

Первый способ предполагает рассмотрение различных точек зрения на предмет психологии — так, как они появлялись в истории науки; анализ оснований, почему эти точки зрения сменяли друг друга; знакомство с тем, что, в конечном счете, от них осталось и какое понимание сложилось на сегодняшний день.

Все это мы будем рассматривать в последующих лекциях, а сейчас ответим кратко.

Слово «психология» в переводе на русский язык буквально означает «наука о душе» (гр. *psyche* — «душа» + *logos* — «понятие», «учение»).

В наше время вместо понятия «душа» используется понятие «психика», хотя в языке до сих пор сохранилось много слов и выражений, производных от первоначального корня: одушевленный, душевный, бездушный, родство душ, душевная болезнь, задушевный разговор и т. п.

С лингвистической точки зрения «душа» и «психика» — одно и то же. Однако с развитием культуры и особенно науки значения этих понятий разошлись. Об этом мы будем говорить позже.

Чтобы составить предварительное представление о том, что такое «психика», рассмотрим психические явления. Под психическими явлениями обычно понимают факты внутреннего, субъективного опыта.

Что такое внутренний, или субъективный, опыт? Вы сразу поймете, о чем идет речь, если посмотрите «внутрь себя». Вам хорошо знакомы ваши ощущения, мысли, желания, чувства.

Вы видите это помещение и все, что в нем находится; слышите, что я говорю, и пытаетесь это понять; нам может быть сейчас радостно или скучно, вы что-то вспоминаете, переживаете какие-то стремления или желания. Все перечисленное — элементы вашего внутреннего опыта, субъективные или психические явления.

Фундаментальное свойство субъективных явлений — *их непосредственная представленность субъекту*. Что это означает?

Это означает, что мы не только видим, чувствуем, мыслим, вспоминаем, желаем, но и *знаем*, что видим, чувствуем, мыслим и т. п.; не только стремимся, колеблемся или принимаем решения, но и *знаем* об этих стремлениях, колебаниях, решениях. Иными словами, психические процессы не только происходят в нас, но также непосредственно нам открываются. Наш внутренний мир — это как бы большая сцена, на которой происходят различные события, а мы являемся одновременно и действующими лицами, и зрителями.

Эта уникальная особенность субъективных явлений открываться нашему сознанию поражала воображение всех, кто задумывался над психической жизнью человека. А на некоторых ученых она произвела такое впечатление, что они связали с ней решение двух фундаментальных вопросов: о предмете и о методе психологии.

Психология, считали они, должна заниматься только тем, что переживается субъектом и непосредственно открывается его сознанию, а единственный метод (т. е. способ) изучения этих явлений — самонаблюдение. Однако этот вывод был преодолен дальнейшим развитием психологии.

Дело в том, что существует целый ряд *других форм проявления психики*, которые психология выделила и включила в круг своего рассмотрения. Среди них — факты поведения, неосознаваемые психические процессы, психосоматические явления, наконец, творения человеческих рук и разума, т. е. продукты материальной и духовной культуры. Во всех этих фактах, явлениях, продуктах психики проявляется, обнаруживает свои свойства и поэтому через них может изучаться. Однако к этим выводам психология пришла не

сразу, а в ходе острых дискуссий и драматических трансформаций представлений о ее предмете.

В нескольких последующих лекциях мы подробно рассмотрим, как в процессе развития психологии расширялся круг изучаемых ею феноменов. Этот анализ поможет нам освоить целый ряд основных понятий психологической науки и составить представление о некоторых ее основных проблемах. Сейчас же в порядке подведения итога зафиксируем важное для нашего дальнейшего движения различие между психическими явлениями и **психологическими фактами**. Под психическими явлениями понимаются субъективные переживания или элементы внутреннего опыта субъекта. Под психологическими фактами подразумевается гораздо более широкий круг проявлений психики, в том числе их объективные формы (в виде актов поведения, телесных процессов, продуктов деятельности людей, социально-культурных явлений), которые используются психологией для изучения психики — ее свойств, функций, закономерностей.

Ж. Годфруа

Чем занимаются психологи²

Введение

Название «психология» все еще окутано завесой тайны для тех, кому не приходилось соприкасаться с этой наукой. Однако число студентов, впервые приступающих к изучению психологии с целью приподнять эту завесу, достаточно велико. Они надеются таким образом глубже познать себя, а главное — овладеть методами, позволяющими лучше понимать других людей и в конечном итоге воздействовать на них.... мы показали, по каким направлениям развивалась психология в XX веке, и обрисовали трудности, с которыми приходится сталкиваться при попытках понять природу человека и происхо-

---

² Годфруа, Ж. Что такое психология : в 2 т. Т.1 / Ж. Годфруа. – Москва : Мир, 1992. – С. 101–110.

ждение различных форм его поведения. Кроме того, мы старались устранить или, по крайней мере, сгладить представление о психологе как о врачевателе души, умеющем глубоко проникать в мысли и чувства людей, способном ясно понять их тайные замыслы, а, прежде всего, помочь им изменить свою судьбу.

Этот портрет очень мало соответствует действительности. Несомненно, есть люди, как женщины, так и мужчины, изначально обладающие особым «даром» контактности и непринужденного общения, что позволяет им выслушивать других и оказывать им известную моральную поддержку или подводить их ближе к ответам на те или иные вопросы. Но как объективно установить, можно ли считать удовлетворение, получаемое «клиентом» от такого общения, показателем какого-то реального, а не воображаемого успеха? Сколько приходится на одного психолога, достойного этого звания, шарлатанов в этом деле, чья «профессия» находится под защитой закона лишь в немногих странах?

Психология, как мы видели, может продвигаться вперед только при условии методичного исследования механизмов, лежащих в основе поведения; только применение научного метода позволяет получить такие сведения, и объективно оценить результаты того или иного воздействия. А единственную гарантию серьезного проведения такой работы дает солидная подготовка психолога. Эта подготовка может, однако, осуществляться разнообразными способами, подчас весьма далекими от того, каким они должны быть по представлениям широкой публики.

Психологи, как и представители других наук, делятся на две категории: одни заняты поисками новых знаний, а другие — их применением. Первые интересуют теоретические аспекты; они наблюдают изучаемые явления в естественной обстановке или в лаборатории, стараются интерпретировать полученные результаты и систематизировать их, с тем, чтобы создать схемы, объясняющие поведение. Именно к ним относится главным образом все то, что говорилось до сих пор.

Психологи второй категории более многочисленны. Это к ним непосредственно обращаются люди, которые с трудом приноравливаются к различным сторонам повседневной жизни, как интеллектуальным, так и эмоциональным. Некоторые из этих психологов, кроме того, призваны помогать своими советами при организации управления различными видами человеческой деятельности. В своих действиях они опираются на накопленные теоретические знания и в своей повседневной практике проверяют обоснованность этих знаний и выявляют в них слабые места.

Психология и ее разделы

Прежде чем приступить к рассмотрению теоретической психологии и используемых в ней методов исследования, мы остановимся на той категории психологов, с которой чаще всего можно встретиться в повседневной жизни, т. е. на психологах-практиках.

Прикладные области

Среди психологов, непосредственно обслуживающих своих ближних, одни занимаются проблемами отдельных людей в случаях эмоциональных или социальных кризисов, другие стремятся помочь решению проблем, возникающих в области образования или производственной деятельности, третьи создают программы для привлечения внимания людей к различным общественным мероприятиям или непосредственно участвуют в таких мероприятиях. Некоторые работают в собственных частных кабинетах, а другие — в школьных управлениях, в общественных, правительственных или частных учреждениях. Кроме того, нельзя забывать о всех тех, кто преподает психологию в средних специальных учебных заведениях, институтах и университетах, иногда совмещая это с научно-исследовательской работой или с помощью обществу.

Мы вкратце опишем функции некоторых из этих профессиональных психологов.

Клинический психолог

Его роль не следует путать с ролью *психиатра*. *Клинические психологи* работают главным образом в больницах и центрах психического здоровья или в консультационных кабинетах. Чаще всего они имеют дело с людьми, которые жалуются на состояние тревоги, выражающееся в функциональных расстройствах эмоционального или сексуального плана, или же на трудности в преодолении неурядиц повседневной жизни. Психолог должен уяснить себе проблему путем бесед с пациентом или психологического обследования, с тем, чтобы выбрать и, в конечном счете, применить наиболее подходящую терапию.

Психолог-консультант

Главная задача психолога-консультанта состоит в том, чтобы помочь людям, не нуждающимся в *психотерапии*; к нему в основном обращаются с проблемами, касающимися отношений между людьми, чаще всего супружеских или семейных. В таких случаях он должен облегчить налаживание конструктивного диалога между супругами или между родителями и детьми, с тем, чтобы они могли разрешить свои проблемы.

Сексолог пытается оказать помощь людям, озабоченным сексуальными проблемами. В зависимости от серьезности этих проблем он может либо просто помочь клиенту осознать какие-то психологические барьеры, либо — в случае более сложных дисфункций психологического происхождения — предложить соответствующее лечение.

Большую работу проводят и *психологи-консультанты*, участвующие в работе различных центров по предупреждению самоубийств и разного рода организаций по борьбе с наркоманией или преступлениями против личности, жертвами которых чаще всего оказываются женщины и дети. Роль такого психолога состоит в том, чтобы помочь обществу осознать возникшие проблемы, нацелиться на них и постараться решить.

Школьный и промышленный психолог

Эти психологи-консультанты, работающие в двух разных областях, выполняют в сущности довольно сходные функции: помогают учащимся или служащим выбрать специальность или работу, наиболее соответствующую их интересам и способностям. Чаще всего их рекомендации — бывают основаны на результатах собеседований или психологических *тестов*.

Школьному психологу иногда приходится оказывать психологическую поддержку учащимся, у которых возникают трудности, связанные с процессом адаптации; психолог либо помогает учащемуся разрешить свои проблемы, либо рекомендует соответствующую психотерапию.

Что же касается *промышленного психолога*, то ему иногда поручают организацию программ обучения, направленных на повышение производительности труда и чувства сопричастности к делу предприятия у служащих и рабочих. Он может выступать также в роли консультанта как рабочих, так и предпринимателей и играть важную роль в разрешении конфликтов между ними.

В будущем его все чаще и чаще будут привлекать к пробуждению добросердечия у людей при распределении работы и разделении времени, связанных с реорганизацией деятельности предприятий.

С другой стороны, накопление знаний о мотивациях потребителей приводит к тому, что управляющие предприятиями по производству и торговле потребительскими товарами обращаются к психологам за помощью в стремлении создать оптимальные условия для продвижения товаров на рынок, для рекламы и наилучшего использования торговых площадей.

Педагогический психолог и психолог-эргономист

Если роль школьного или промышленного психолога состоит главным образом в том, чтобы помочь индивидууму приспособиться к школьной или производственной среде, то в функции педагогического психолога и психолога-эргономиста, напротив, входит улучшение условий обучения или труда,

с тем, чтобы они как можно лучше соответствовали потребностям и способностям учащихся или рабочих.

Педагогический психолог занимается разработкой наиболее эффективных методов обучения: в частности, он использует при этом открытия когнитивных психологов и теоретиков, занимающихся исследованием процессов обучения.

В последнее время некоторые педагогические психологи стали специализироваться в области «управления классом», помогая преподавателям выработать в себе такие психологические и социальные навыки, которые позволяют создать в школе приятную и продуктивную атмосферу.

Со своей стороны *психологи-эргономисты* на основе накопленных знаний о поведении людей дают рекомендации конструкторам машин и иных устройств, с которыми будут иметь дело рабочие. В этом смысле психолог-эргономист должен одинаково хорошо судить о наилучшем расположении как рычагов управления ротационной машиной, так и кнопок и циферблатов на приборной доске в кабине пилота или же уметь оценивать интенсивность шума и освещенность, приемлемые для человека в данных условиях.

Другие разделы практической психологии

В различные области человеческой деятельности все больше и больше проникают и психологи других специальностей.

Психология рекламы занимается оценкой нужд или ожиданий потребителей, создавая, если представится случай, спрос на подлежащий сбыту продукт, будь то зубная паста или избирательная программа политического деятеля.

Юридическая психология стремится гуманизировать взаимоотношения между исправительными учреждениями и заключенными или между последними и их семьями. Знания о поведении человека, которыми владеют специалисты, дают им возможность помогать судам назначать преступникам такие меры наказания, которые способствовали бы их возврату в общество.

Военная психология разрабатывает главным образом способы совершенствования методов командования или укрепления связей между разными группами. Она занимается также изучением методов, применяемых партизанами, и способов внедрения в войска агентов противника.

Психология религии пытается понять и объяснить поведение верующих в целом или представителей различных сект.

Экологическая психология занимается изучением наиболее эффективных способов улучшения условий в населенных пунктах и различных местах, где протекает деятельность человека. Особое внимание она уделяет проблемам шума, загрязнения среды токсичными веществами и накопления отходов, характерного для нашего общества потребления.

Существуют также специалисты по *психологии творчества*, стремящиеся понять опыт художника и его формирование у индивидуума. Во всех этих областях трудно отделить теоретиков от практиков; нередко одни и те же люди изменяют и свои взгляды на данную проблему, и используемые методы в зависимости от получаемых результатов.

Область научных поисков

Каждый день выявляются новые факты, применяются новые методы, создаются и испытываются новые способы оценки результатов. Из них лишь немногие сразу находят себе применение, тогда как другие остаются в тени или же вообще забываются в зависимости от моды или потребностей общества. Назначение науки — накапливать факты независимо от того, как их можно будет использовать. Пути познания неисповедимы.

Психологические исследования могут проводиться в рамках ряда типичных тем: психическое развитие индивидуума, базовые свойства личности и ее эволюция, социальные и межличностные взаимодействия.

Все это вполне четко очерченные разделы, знание которых будет обогащаться данными исследований, проводимых по большей части «в естественной обстановке».

Проводятся также фундаментальные исследования, не относящиеся к какой-либо конкретной области психологии. Их проводят чаще всего в лаборатории, используя обычно экспериментальный метод, на котором — мы остановимся в конце этой главы. Разнообразие изучаемых тем и новизна гипотез определяются при этом любознательностью, воображением и изобретательностью исследователей, а также свободой, которую предоставляет руководитель своим сотрудникам.

Генетическая психология

Ученые, занимающиеся генетической психологией, пытаются понять, как происходит психическое развитие человека с первых часов его жизни и до смерти.

До недавнего времени главное внимание уделялось детству и отрочеству, которые казались основными этапами в развитии человека. Однако постепенно центр тяжести все больше перемещался на аспекты жизни, связанные со зрелостью, старостью и приближением смерти — этапами, которые в не меньшей мере порождают кризисы и напряженность у людей соответствующих возрастов. Вскоре появился также целый ряд исследований, показавших, что девять месяцев внутриутробной жизни — очень важный этап психологического развития; значительная часть восприятий младенца и его связей с миром зарождается еще в утробе матери.

Психология личности

Представители этой области психологии чаще всего относят себя к тому или иному из направлений. В зависимости от того, будет ли это бихевиоризм, психоанализ или гуманистическое направление, роль каждого конкретного фактора в становлении различных свойств личности оценивается по-разному.

Так, например, развитие жестокости у ребенка одни считают результатом подражания «моделям» — взрослым людям или персонажам телевизионных пе-

редач, тогда как, по мнению других это «разрядка» накапливаемых напряжений или же синдром «трудного» ребенка, психическое развитие которого тормозится.

Число таких примеров, касающихся принятия мужских или женских ролей, сексуальных ориентаций, отклоняющихся форм поведения или любых других аспектов личности, можно умножить.

Социальная психология

Область социальной психологии уже была нами ранее очерчена. Чтобы дать представление о сложности взаимоотношений, складывающихся между людьми, достаточно добавить, что социальная психология выработала целый ряд своих собственных методов, для применения которых нередко требуется немалая изобретательность. В этом можно убедиться на примере эксперимента, проведенного Милгрэмом.

Фундаментальные исследования

Узнав о психологах, занятых фундаментальными исследованиями, люди, озабоченные проблемой рентабельности, всегда задают себе вопрос: зачем это нужно?

Наиболее многочисленные исследования касаются главным образом таких явлений, как научение и его законы, действие мотивационных факторов, развитие таких когнитивных процессов, как восприятие, память, мышление, речь или решение задач. Некоторая доля (5–10 %) исследований проводится исключительно с целью углубить наши знания о поведении.

Для некоторых исследований необходимо применение особых методов или высокая квалификация, и поэтому ими занимаются более узкие специалисты.

Так, *психофизиология* изучает физиологические и биохимические изменения, происходящие в нервной системе. Она пытается установить связь между ними и различными аспектами человеческой активности: функционированием памяти, регуляцией эмоций, сном и сновидениями. Методы исследований здесь весьма разнообразны — от вживления электродов в головной

мозг до использования приборов, измеряющих частоту сердечных сокращений, регистрирующих электрическую активность головного мозга или кожные реакции и т. п.

Психофармакология призвана испытывать лекарственные вещества и активные факторы, синтезируемые в фармакологических лабораториях, с тем, чтобы описать их воздействия на поведение подопытных животных. Лишь после проведения бесчисленных испытаний и анализа полученных результатов то или иное вещество может быть передано для испытаний на людях и только затем выпущено в продажу.

Зоопсихология использует методы, принятые в психологии, чтобы дополнить данные эталонов о поведении различных видов животных. Она старается лучше понять то, что составляет специфику человеческой природы, устанавливая родственные связи человека с животным миром.

Что касается *парапсихологии*, то здесь исследователь слишком часто бывает вынужден работать на самой границе официально признаваемой науки. Цель его состоит в том, чтобы проверить, существуют ли в действительности те психологические явления, которые невозможно объяснить на современном уровне наших знаний. Если есть возможность, он пытается выявить элементы, позволяющие найти место этих проявлений в рамках нормальной жизнедеятельности организма, и установить условия, в которых они возникают. При проведении экспериментов в области парапсихологии следует тщательнейшим образом выверять методологию и проявлять крайнюю осторожность в интерпретации результатов.

В этих специализированных разделах фундаментальных исследований все чаще и чаще можно встретить психологов, занятых проблемой *искусственного интеллекта*. Они пытаются методом моделирования на вычислительной машине лучше понять, как происходит процесс мышления у человека, а также использовать машину для развития у работающих на ней детей новых навыков мышления и исследования задач.

РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ

А.Р. Лурия

Инстинктивное поведение животных³

...У животных, обладающих центральной нервной системой (построенной по типу цепочки нервных ганглиев) можно наблюдать и гораздо более сложные формы поведения, которые вызываются относительно элементарными сигналами, но разворачиваются в виде сложных программ, которые приводят к высокой степени целесообразным дифференцированным актам. Интерес этих сложных форм поведения заключается не только в их высокой целесообразности, но и в том, что эти программы наследственно закреплены, что животное, которое их выполняет, не нуждается в специальном обучении, но рождается с относительно готовыми программами поведения, которые представляют значительную сложность. Иногда эти наследственные программы видового поведения являются настолько сложными, что создают впечатление разумных видов приспособления животных к окружающей среде; поэтому у некоторых исследователей возникла тенденция толковать их как разумные интеллектуальные формы поведения животных и приписывать таким животным разум, близкий к человеческому.

Под инстинктом принято понимать, как это формулируют некоторые авторы, «целесообразное поведение при отсутствии сознания цели». Иначе говоря, речь идет здесь о тех сложных наследственно запрограммированных формах целесообразного поведения, посредством которых животное без специального обучения начинает приспосабливаться к условиям окружающей среды. Эти формы поведения преобладают на ранних этапах развития беспозвоночных, например у насекомых эти формы поведения являются основными, и иногда почти что единственными; у других животных — низших по-

---

³ Лурия, А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2006. – С 35–61. (Серия «Мастера психологии»)

звоночных — остаются преобладающими и только постепенно уступают свое место более сложным индивидуально изменчивым формам поведения, вырабатываемым в процессе прижизненного обучения.

...Позвольте привести один факт.

Для того, чтобы сохранить пищу на зиму и закрыть вход в свою нору, дождевой червь очень часто втаскивает в свою нору листья, которые остаются там и которыми червь может питаться в течении довольно длительного периода. Исследователи обратили внимание на удивительный факт: втаскивая в нору лист, червь всегда берет его за передний конец; казалось бы, во всех возможных способах он выбирает наиболее целесообразный способ введения листа в узкое отверстие норы. Казалось бы, червь различает форму листа и использует его острый конец, позволяющий ему провести нужную операцию самым экономным путем. Интересно, что еще Дарвин, этот тончайший наблюдатель, анализируя такое поведение, пришел к мысли, что и у червя наблюдается разумная форма поведения, в основе которой, видимо, стоит соответствующий «расчет», делающий это поведение самым целесообразным. Можем ли мы согласиться с этим? Естественно, что такое предположение вряд ли может показаться убедительным: при такой простой нервной системе, о которой шла речь, вряд ли можно думать о каких либо аналогах сложного процесса восприятия и тем более — сложного разумного поведения. Однако, как расшифровать те механизмы, которые лежат в основе таких форм целесообразного действия.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, ученые провели ряд остроумных исследований, которые показали, что целесообразное поведение червя, втаскивающего лист в нору за узкий конец, на самом деле гораздо проще, чем это кажется, и что оно детерминировано гораздо более элементарными и вполне понятными для нас факторами.

Прежде всего — нужно ответить на вопрос: существует ли у червя восприятие формы? Для того, чтобы проверить это, один из исследователей провел очень остроумный опыт: он взял лист и вырезал из него кусочек, по форме на-

поминающий лист, только так, что в этом кусочке острый конец был обращен вниз, а тупой конец — вверх. Если целесообразное поведение червя определяется восприятием форм, то теперь червь будет втаскивать в нору кусок листа тоже за острый конец, и та часть листа, которая раньше была обращена к основанию, сейчас превратится в предпочитаемый червем конец. Результаты этих опытов были удивительны: червь всегда втаскивал в нору вырезанный из листа кусочек за тупой конец, а не за острый. Значит, в основе действия червя лежало не восприятие форм листа, а какой-то другой фактор.

Возникает вопрос, может быть, в основе этих действий червя лежат какие-то химические сигналы? Вы помните, как хорошо развиты у червя эти химические рецепторы расположены на переднем конце его тела. Чтобы проверить это предположение, была проведена еще одна серия остроумных опытов; она принадлежит исследователю Мангольду. Этот исследователь взял палочки одинаковой толщины и смазал один конец эмульсией, полученной из верхней (острой) части листа, а другой конец — эмульсией, полученной из нижней (тупой) части листа. Оказалось, что в этом случае червь брал эти палочки всегда за тот конец, который был смазан эмульсией из острой части листа. Значит, в острой части листа были какие-то химические вещества, которые являлись сигналом для червя к тому, чтобы брать лист за острый конец. Если в контрольных опытах оба конца палочек смазывались нейтральной желатиной, такая избирательность исчезала, и червь втаскивал палочки в нору то за один, то за другой конец.

Следовательно, можно предполагать, что целесообразное поведение червей вовсе не является реакцией на форму листа, а скорее реакцией на химические вещества, которые отличают вершину листа от его основания. Таким образом, целесообразное поведение червя, втягивающего лист в норку именно за верхний конец, ничего общего не имеет ни с восприятием формы, ни с разумными расчетами червя. Это поведение определяется гораздо более простыми факторами и прежде всего химическим чувством, и сложное поведение возникает как результат относительно простых сигналов. Вы видите,

сколько остроумия пришлось проявить исследователям, чтобы отвести неправильное предположение о сложной «разумной» деятельности червя и чтобы свести ее к гораздо более простым и понятным формам.

Если у червя, описанные формы врожденного поведения, являются еще относительно простыми, то у высших беспозвоночных, например, насекомых — наследственно запрограммированные формы поведения приобретают несравненно более сложный характер и становятся действительно удивительными по своей сложности и дифференцированности. Как мы уже говорили, эти формы поведения являются ведущими формами у беспозвоночных; они могут служить наиболее яркими примерами того, что обычно называется «инстинктивным» поведением, и на их анализе стоит подробно остановиться.

В чем же заключается основной принцип организаций этих сложных форм поведения, достигающих предельного развития у насекомых? Этот принцип заключается в следующем: в процессе эволюции какими-то ближе еще неизвестными путями (может быть, путем мутации, может быть, иными путями) создаются как более соответствующие условиям существования этих животных — форма строения их тела и форма их поведения.

Крыло мухи или бабочки является идеальным прибором для полета. Хоботок пчелы является идеальным прибором для того, чтобы добывать нектар цветов; как известно длина хоботка такова, что он приспособлен как раз для добывания нектара из всех растений, которыми питаются пчелы. Строение тела у любого насекомого поражает своей целесообразностью и приспособленностью к условиям его существования. Такое целесообразное строение тела результат законов эволюции и отбора, изученных Дарвиным. Такие же целесообразные и приспособленные к условиям среды характером отличается не только строение тела беспозвоночных, но и программа их поведения.

Следовательно, у разбираемых нами животных наследственно закрепленными являются не только такие признаки, как строение крыла, строение хоботка, строение ноги и т. д., но и целый ряд форм поведения. Вот эти сложные наследственно заложенные формы поведения, одинаковые у всех

представителей данного вида, с которыми животные рождаются, но которые являются очень сложными, а иногда производят впечатление разумных, и называются инстинктами.

... Теперь-то и возникает самая большая проблема, каким образом формируются эти сложнейшие формы поведения? Что лежит в их основе, что их вызывает? Чем они отличаются от подлинных разумных форм поведения? И, наконец, как эти врожденные формы поведения относятся к индивидуально изменчивым формам поведения животных? Эти вопросы я и попытаюсь осветить в дальнейшем изложении, хотя заранее хочу предупредить, что из этих вопросов решена лишь только основная небольшая часть, поэтому многие проблемы из организации инстинктивных программ поведения (например, перелет птиц) до сих пор остаются не раскрытыми в науке.

Обратимся к тем данным, которыми сейчас располагает наука для того, чтобы хотя бы немного осветить эту удивительную область.

...Сложные виды инстинктов возникают, конечно, не у медузы или морской звезды; их еще нет у животных с сетевидной нервной системой; они еще только намечаются у животных с элементарными формами ганглионарной нервной системы (например, у червей). Лишь сложно построенная ганглионарная нервная система является аппаратом, который позволит осуществлять описанные выше наследственно запрограммированные формы поведения.

Рассмотрим некоторые данные о строении ганглионарной нервной системы насекомых (пчелы, мухи, бабочки, жуки).

Остановимся на строении нервной системы пчелы и попытаемся найти в нем ответ на некоторые вопросы в механизме инстинктивного поведения.

Известно, что нервная система пчелы состоит из цепочки нервных узлов, расположенных по всей длине ее тела. Однако, эти узлы неодинаковые; узлы, расположенные на головном конце тела и тесно связанные с периферийными экстерорецепторами — имеют гораздо более крупные размеры и гораздо более сложное строение.

Рассмотрим их организацию подробнее.

Известно, что на переднем головном конце тела пчелы расположены рецепторы, значительно более дифференцированные и сложные, чем те рецепторы, которыми располагает червь. У пчелы есть, по сути говоря, все те органы чувств, которые есть у человека, а кроме того, есть и некоторые органы чувств, которых нет у человека. На передней части головы расположены обонятельные органы пчелы, включенные в усики, причем эти усики пчелы являются органами двойного значения: это орган для ощупывания и орган для обоняния. Комбинация этих двух рецепторов в органе дает возможность говорить о том, что пчела имеет своеобразные «топохимические» органы, которые отражают как форму предмета, так и его запах. Поэтому некоторые исследователи говорят о том, что пчела может воспринимать «круглый» запах и «угловатый» запах, получая одновременно и химические и топологические сигналы. Пчела обладает тончайшим обонянием, которое позволяет ей различать запах на длинном расстоянии. Тонкость обоняния пчелы проявляется, например, в том, что она может различать запах померанцевого масла, выделяя его из 140 других запахов.

У пчелы есть орган вкуса, причем вкусовые рецепторы расположены в хоботке, во рту, в ножках. Тонкость вкусовых ощущений меняется у пчелы в зависимости от ее состояния. Голодная пчела или бабочка различает очень тонкую концентрацию раствора сахара, а сытая пчела различает только более концентрированный.

У пчелы есть слуховые и вибрационные органы, воспринимающие колебания большого диапазона частот, причем эти органы слуха и вибрации расположены в перепонках, которые натянуты на ножки. Возможно, что насекомые различают гораздо более тонкие колебания звуковых волн, чем человек. Человек различает колебания частотой от 20 до 20 тысяч в секунду, а насекомые, по всем данным, реагируют и на ультразвуковые колебания. Возможно, что восприятие ультразвука этими тимпанальными перепончатыми органами создает у насекомых возможность локации, т. е. позволяет облететь в темноте те объекты, на которые они могли бы натолкнуться. Кстати, имен-

но так и действует летучая мышь, которая может миновать все препятствия в темноте, потому что она обладает локационным аппаратом, позволяющим использовать для этой цели восприятие ультразвуковых волн.

У насекомых есть, наконец, и в высшей степени развитое зрение. Глаза насекомых, в отличие от глаз позвоночных, состоят из многих тысяч отдельных ячеек, каждая из которых свою световую точку, разлагая образ на массу отдельных элементов так, как это делается, например, в телевидении.

Таким образом, у насекомых есть все органы чувств, которые есть и у высших животных, и, вероятно, еще некоторые нам неизвестные органы. Возбуждения, возникающие в этих органах, передаются затем в передний ганглий, который у червя носил еще скромный характер, у всех насекомых сильно развивается и обнаруживает уже очень сложное строение.

Паук, который сидит в паутине набрасывается на муху, запутавшуюся в паутине, и пожирает ее. Это тоже врожденная программа поведения. Чем она определяется? Оказывается, что сигналом, вызывающим реализацию этой программы действия, является вибрация. Когда муха запутывается в паутине, паутина начинает вибрировать и паук бросается на муху. Характерно, что достаточно приложить к паутине вибрирующий камертон, чтобы вызвать такое же поведение: паук вылезает из своего гнезда и бросается на камертон, производя все движения, которые он производил в отношении мухи.

Аналогичные факты можно наблюдать и в поведении позвоночных. Лягушка подстерегает свою жертву; когда она видит летящую мошку, она делает прыжок и заглатывает жертву. Таким образом, вид летящей мошки вызывает у лягушки инстинктивные действия. Было высказано предположение, что признаком, реализующим индуктивный акт, в этом случае является мелькание. Это легко проверить в специальных опытах. Если на маленьком волоске прикрепить бумажку и сделать так, чтобы это бумажка мелькала перед лягушкой, последняя непременно бросится на нее. Значит, у комара инстинктивное действие, вызывается блеском, а у паука — вибрацией, у лягушки — мельканием.

Приведу еще один пример. Профессор П.К. Анохин и его сотрудники показали, что когда в гнезде грача появляются птенцы и отец подлетает к гнезду с червяками, которые он несет в клюве, возникает следующее поведение птенцов, как только отец подлетает к гнезду, птенцы сейчас же раскрывают рты и готовятся к тому, чтобы заглотать пищу. Чем же вызывается это сложное инстинктивное действие? Оказывается и здесь оно вызывается простыми сигналами. Этим сигналом является звук «карр», который испускает подлетающий грач, и колебание, которое возникает от того, что он садится на край гнезда. И если сотрудники П.К. Анохина в искусственных условиях давали птенцам этот звук «карр» или колебали край гнезда, грачата делали точно такие же движения, какие они делали в ожидании пищи. Так что и здесь был найден этот врожденный механизм, реализующий сложные врожденные программы поведения.

...Из всего сказанного можно сделать два очень существенных вывода. Первый вывод заключается в том, что удивительные по своей целесообразности инстинктивные врожденные программы действий, которые у беспозвоночных являются основными формами поведения, построены по рефлекторным механизмам. Они вызываются элементарными факторами — относительно простыми сигналами, которые вызывают включение всей сложной программы. Такими факторами является отражение отдельных простейших свойств или признаков (блеск, вибрация, мелькание, колебание, затемнение темени, мягкая шерсть). Причем, во всех этих случаях это могут быть отражения несложных образов, а элементарно сенсорно воспринимаемых свойств, которые и включают сложные врожденные программы. Значит, врожденные сложные программы поведения включаются простейшими сенсорными факторами.

Второй существенный вывод заключается в том, что программы сложного инстинктивного поведения включаются не любыми свойствами, воспринимаемыми животными, а только теми свойствами, которые соответствуют способу жизни животных или, как говорят, их «экологии». Можно сказать, что экологи-

ческие механизмы, определяющиеся экологическими условиями, иначе говоря, сложные врожденные программы поведения вызываются сигналами, которые соответствуют экологическим условиям жизни животных.

...Все эти положения дают возможность ответить и на второй важный вопрос — на вопрос о том, чем отличаются инстинктивные формы поведения от разумных форм. На этом вопросе следует остановиться подробнее.

Известно, что разумные формы поведения отличаются тонким учетом ситуации и значительной пластичностью. Они предполагают учет каждого изменения ситуации и пластичные изменения поведения, которое соответствовали бы новым условиям, появившимся во внешней среде. Естественно, что для этого необходим тонкий анализ условий среды, ставших перед животным соответствующей задачей, и выработка реакций, меняющихся при измененных условиях.

Существует ли такая пластичность поведения на этих стадиях эволюции, где доминируют врожденные наследственно закрепленные программы поведения? Обнаруживают ли инстинктивные формы поведения такую же изменчивость и пластичность, как и разумные формы поведения?

Наблюдения позволяют ответить на этот вопрос и обнаружить глубокое отличие инстинктивного поведения от разумного. Как показывают эти наблюдения, инстинктивные программы поведения являются целесообразными только в строго определенных ситуациях, в тех, которые и являются наиболее постоянными для способа жизни данного животного. Поэтому инстинктивные программы поведения, проявляющие максимум целесообразности в мало меняющихся условиях, становятся совсем не целесообразными, если условия, в которых находится животное, быстро меняются. Эта особенность характерна для основного биологического принципа существования насекомых: насекомые приспособлены к постоянным условиям среды с помощью прочных, унаследованных закрепленных программ поведения. Однако, если условия меняются, насекомые не могут приспособиться к ним путем

выработки новых форм поведения и вымирают. Этим поведением насекомых и отличается коренным образом от поведения высших позвоночных.

Я уже привел выше примеры, показывающие с какой легкостью эти врожденные механизмы теряют свою адекватность при небольших изменениях среды. Вы помните, что комар откладывает яйца на блеск воды в пруде, и это целесообразно, но если он так же реагирует на блеск зеркала, поведение лишается целесообразности. Паук реагирует на вибрацию паутины, вызванной запутавшей в ней мухой, — и это целесообразно; но камертон, вызывающий такую же вибрацию паутины, — приводит к реализации той же программы поведения, и это уже перестает быть целесообразным. Следовательно, стадия сенсорной психики и вызываемого отдельными сигналами инстинктивного поведения еще не обеспечивают нужного анализа ситуации, и именно поэтому инстинктивное поведение может легко потерять свою целесообразность.

Относительно мало подвижности врожденных инстинктов как программ поведения, которые легко становятся в изменяющихся условиях нецелесообразными, можно показать на таком опыте.

Есть разновидность осы, которая прежде чем откладывать яички в нору или зарыть там пищу, проделывает сложную и очень целесообразную программу врожденного поведения. Она оставляет добычу на входе, вползает в нору, обследует ее, и только если в норе никого нет, втаскивает в нее пищу, оставляет ее в норе и улетает. Естественно, что это очень целесообразные действия. Учитывает ли оса эти условия, делающие это обследование норы необходимым? Для ответа на этот вопрос был произведен такой опыт: когда оса прилетает в нору, оставляет у входа добычу и уходит обследовать норку, экспериментатор отодвигает эту добычу на два сантиметра. Оса выходит из норы, не находит оставленную добычу на прежнем месте, ползет дальше, находит добычу, снова подтаскивает ее к норе, а затем опять... оставляет у входа и снова ползет в нору. Если в это время экспериментатор опять отодвигает добычу, оса, вернувшись из норы, снова ищет добычу, снова под-

таскивает, и уходит обследовать нору. Такое действие продолжается и дальше, в результате оса так и оказывается не в состоянии втащить добычу в нору, подчиняясь косной, твердо упроченной программе врожденного инстинктивного поведения.

Это убедительно показывает, что инстинктивная программа действует очень четко, очень приспособлено в стандартных условиях и оказывается совершенно неадекватной в изменившихся условиях.

Другой пример. Пчела откладывает мед в ячейки, а потом запечатывает эти ячейки. Это действие бесспорно целесообразно и напоминает разумное действие. Для того, чтобы проверить это, был проведен опыт. Дно ячеек было срезано, и мед, отложенный пчелами, проваливался в пустоту. В этом случае поведение пчелы не менялось. Она откладывала столько меда, сколько обычно откладывалось в ячейку, закладывала пустую ячейку, а затем закрывала мед в следующую ячейку, не учитывая, что срезанное дно делает бессмысленным ее работу. Таким образом, программа поведения, которая была очень целесообразной в стандартных условиях, становилась бессмысленной в изменившихся условиях. Значит, инстинктивное поведение пчелы не приспособлялось к изменившимся условиям, и ее инстинкт, оставаясь мало пластичным, легко теряет свой целесообразный характер.

Все это позволяет прийти ко второму большому выводу, характеризующему инстинктивную деятельность животного. Инстинктивное поведение, осуществляющееся по сложной наследственно упроченной программе, четко приспособлено к стандартным условиям видового опыта, но оказывается неприспособленным к изменившимся индивидуальным условиям. Поэтому достаточно немного изменить стандартные условия, чтобы инстинктивное поведение теряло свой целесообразный характер. Именно этим инстинктивные формы поведения животных отличаются от разумных форм поведения, которые меняются в соответствии с изменившимися условиями.

Мы остановились на характеристике этого этапа в развитии поведения, когда основные акты поведения определяются унаследованными врожден-

ными программами. Как эти программы сформировались в процессе развития вида, остается неизвестным: возможно, что это произошло путем мутации, возможно этот процесс происходил другими путями. Решение этого вопроса остается задачей будущего. Успех современной науки заключается в том, что относительно более ясным стал другой вопрос — о механизме реализации этих программ и о тех условиях, которые вызывают эти сложные инстинктивные формы поведения. Поэтому тот факт, что сложные инстинктивные программы поведения возникают как ответы на воздействия относительно элементарных раздражителей и, что таким образом, инстинктивное поведение следует рассматривать как особую разновидность рефлекторного поведения, выработанного в процессе эволюции — представляется для нас столь важным.

В. Морозов

Этот удивительный дельфин⁴

Природа не устает нас удивлять

Дельфины — своеобразная сенсация века: о них говорят, пишут, ими любуются в «дельфиньих цирках» — океанариумах, их не перестают снимать на киноленту, показывать по телевидению, наконец, их продолжают пристально изучать. И как это ни парадоксально, чем ближе мы узнаем дельфина, тем очевиднее становится, что зверь этот полон для нас загадок.

Загадочно прежде всего происхождение дельфинов. Мы точно знаем, что их далекие предки жили на суше. Но кто они были? Ответить на этот вопрос трудно, поскольку, переселившись в море, они изменили свой облик, став больше похожими на рыб, чем на земных зверей. На этот счет у ученых имеются лишь догадки.

---

⁴ Популярная психология: хрестоматия для студентов пединститутов / Сост. В.В. Мироненко. — Москва : Просвещение, 1990. — С 100–106

Одним словом, «...происхождение китообразных,— как пишет американский специалист по дельфинам Ф.Г. Вуд,— остается для нас тайной, скрытой в глубине геологических эпох».

Удивительно и необъяснимо дружелюбие дельфина по отношению к человеку. Огромная раскрытая зубастая пасть (у афалины 88 зубов типа тигриных клыков) невольно вызывает чувство опасения. Но не бойтесь оказаться среди этих добродушных зверей, они не только не принесут вреда, но будут даже спасать, если вы вдруг начнете тонуть. При отлове любого дикого зверя, особенно если это хищник, человек вполне обоснованно опасается его клыков и когтей. А вот при отлове дельфинов (сегодня их отлавливают у нас только для научных целей) ситуация нередко складывается иная: человек бросается в гущу мечущихся зверей, подтянутых аломаном к борту судна, и начинает их всячески успокаивать, например поглаживать. Это приводит к желаемому результату и спасает зверей от возможных травм, не дает им запутаться в сетях.

Удивительна терпеливость этих животных к всевозможным экспериментальным воздействиям, вплоть до хирургических операций, которые не вызывают никаких признаков агрессивности по отношению к человеку. А ведь на свободе дельфины умеют постоять за себя, даже если на них нападает такой хищник, как акула. Не загадка ли это?

Долго необъяснимой оставалась огромная скорость движения дельфинов — до 40 км в час. Известный специалист по биомеханике профессор Грей подсчитал, что при том огромном сопротивлении, которое оказывает вода движущемуся в ней физическому телу, дельфин должен был бы обладать как минимум в 7, а то и в 10 раз более мощной мускулатурой, чтобы развивать в воде такую высокую скорость.

Попытку объяснить противоречие, получившее известность как «парадокс Грея», предпринял Макс Крамер. Он показал, что дело заключается, по видимому, в очень эластичной коже дельфина, которая гасит турбулентность обтекающего его тело водного потока. Все корабли при своем движении как

бы рвут воду в клочья, на что уходит много энергии. Дельфин не рвет водную ткань, он словно бы ввинчивается в нее своим хорошо обтекаемым сигарообразным телом, легко проскальзывая между ее слоями. При этом его кожа гасит все виды сопротивления воды.

Очередным секретом владеют дельфины, умея нырять на глубину до 300 м без каких-либо признаков кессонной болезни. Известно, что давление воды с глубиной возрастает — примерно на одну атмосферу через каждые 10 м. Поэтому у водолазов при глубоководных погружениях в крови растворяется большое количество компонентов дыхательной смеси, проникающих в кровь из легких. Если быстро возвращаться с глубины на поверхность, то давление этих растворенных в крови газов не успеет уравновеситься с атмосферным, произойдет их бурное выделение в кровь, отчего кровь человека «закипит» от множества пузырьков, как «закипает» бутылка шампанского при откупоривании пробки. Достаточно одному из пузырьков закупорить кровеносный сосуд, питающий важный участок мозга, — и исход кессонной болезни может стать роковым для водолаза.

Как удастся дельфину не заболеть кессонной болезнью, стремительно вынырнув с глубины 300 м? Как ему удастся не дышать под водой до четверти часа?..

Проблема пресной воды — очередная загадка дельфинов. Все живущие на Земле гибнут от отсутствия пресной воды значительно раньше, чем от голода. Как же обходится без воды дельфин? Может быть, как считают некоторые, он довольствуется пресной водой, получаемой вместе с рыбой, которой питается? Не исключена такая возможность, что сильно развитая почка дельфина действует как опреснитель морской воды. Исследователи обнаружили, что в выдыхаемом дельфином воздухе содержится значительно меньше водяных паров, чем в воздухе, выдыхаемом наземными животными, и даже меньше, чем их содержится во вдыхаемом самим дельфином воздухе.

Это, безусловно, пример жесткой экономии пресной воды организмом, однако вряд ли можно считать, что дельфин довольствуется лишь таким способом пополнения запаса воды для нужд своего организма.

Они поют, слушают и «разговаривают»

Разнообразны голоса дельфинов-белух, дельфинов-афалин и многих других китообразных. У многих поэтому возникает вопрос: а не является ли в самом деле богатая звуковая сигнализация дельфинов и китов их языком, при помощи которого они объясняются, передавая друг другу сложную информацию? Ведь по относительным размерам мозга они стоят где-то между обезьяной и человеком, да и к обучению способны, что свидетельствует об уме и сообразительности.

К настоящему времени в решении этого вопроса исследователи занимают разные позиции. Выразителем наиболее крайней точки зрения был американский исследователь Джон Лилли, известный многим по книге «Человек и дельфин». «Когда-нибудь люди смогут разговаривать с представителями других видов. Я пришел к этому заключению после тщательного анализа данных, полученных в наших опытах с дельфинами», — писал он в своей книге.

Работа Лилли была воспринята как научная сенсация века.

Еще бы! Ученый утверждал, что дельфины, обладая развитым интеллектом, способны общаться между собой на языке свистов. Они способны также копировать человеческий смех и всевозможные звуки, даже звуки речи, которые они произносят в свойственной их звукообразующему аппарату высокой тональности и сжато, но главное — с подозрением на осмысленность ситуации!

Наиболее резко против позиции Дж. Лилли выступил его давнишний коллега по изучению дельфинов Ф.Г. Вуд. Признавая в Лилли человека блестящего ума, Вуд все же считает, что, приписав дельфинам несвойственные им лингвистические способности, Лилли принял желаемое за действительное. После неудачных попыток научить дельфина английской речи Лилли за-

крыл свою лабораторию и «Институт исследований общения» в Майами. Имеются, однако, сведения, что Лилли не оставил надежду доказать всему миру свою правоту: в числе новых методов он намерен использовать ЭВМ в качестве посредника в системе общения «человек — дельфин».

Крайне сдержанно относится к мысли о том, что дельфины обладают высоким интеллектом и речеподобной коммуникационной системой, наш соотечественник цетолог (цетология — наука о китообразных) профессор А.Г. Томилин. Он считает, что звуковая сигнализация дельфинов не более как обмен примитивными сигналами типа сигналов бедствия, страха, пищевых, половых и т. п. Иначе говоря, язык дельфинов принципиально ничем не отличается от сигналов других животных. Что же касается способности дельфинов копировать слова и фразы человеческой речи, то это, по мнению А.Г. Томилина,— лишь проявление примитивного рефлекса звукоподражания, свойственного, например, попугаям.

Идеи Лилли породили тем не менее большое число исследований, имеющих целью установить сигнальное значение издаваемых дельфинами звуков и степень сложности их звуковой коммуникации.

О словаре дельфиньего языка

Большой интерес в свое время вызвал опыт американских ученых Т. Лэнга и Х. Смита по изучению способности дельфинов общаться между собой при помощи звуков. Они рассадили двух дельфинов в разные акустически изолированные бассейны. Звуковая связь между бассейнами была налажена наподобие телефонной, то есть каждый дельфин кроме себя мог слышать и соседа.

Записав на магнитофон получасовую «беседу» двух дельфинов-афалин, самца Дэша и самки Дорис, сидящих в разных бассейнах, и проанализировав записи, исследователи установили ряд интересных фактов. Прежде всего оказалось, что при включении телефонной связи» акустическая активность животных значительно усиливалась по сравнению с тем временем, ко-

гда связь была выключена. Далее, при наличии связи сигналы самца и самки часто чередовались между собой, создавая впечатление «диалога», но были и совпадения сигналов по времени, как, впрочем, это бывает и у людей при телефонном разговоре.

То, что у дельфинов существует сигнал, предписывающий «собеседникам» прекратить звуковое общение, по-видимому, вполне реально, так как имеет определенный биологический смысл: дельфин, обнаружив своих врагов — косаток, этим сигналом предупреждает сородичей, и те мгновенно смолкают, затаиваются. Как только опасность миновала, вожак вновь подает сигнал возобновить звуковое общение.

Советские исследователи впервые записали голоса диких дельфинов в естественных для них условиях — во время игр в море, охоты, кормления и т. п. Анализируя записи, сделанные в течение разных экспериментов, ученые выделили несколько десятков сигналов, расположили их в соответствии с тем, как часто они повторяются, и попытались понять их сигнальное значение для животных, связав эти сигналы с той или иной ситуацией. Выявленные закономерности подтверждают, что у дельфинов есть сигнал бедствия, обнаруженный еще Лилли (его зафиксировали при отлове дельфина и при пересадке животного), есть, по-видимому, сигнал страха, издаваемый во время грозы, чистки бассейна, индивидуальные опознавательные сигналы, характерные для каждого конкретного дельфина, наиболее часто встречающиеся эмоциональные сигналы типа длительных свистов, связанные с игровым возбуждением животных, и т. п.

Все это пока укладывается в рамки того, что мы знаем о языке животных. Вместе с тем наши исследователи считают, что дельфины способны комбинировать с разной степенью сложности отдельные неделимые звуковые элементы — нечто вроде фонем или звуков алфавита человеческой речи — в сложные последовательности звуков типа «слов» и «фраз». Это является особенностью языка дельфинов. Экспериментаторы выявили определенные закономерности в построении дельфинами таких

сигналов типа «фраз» — иерархичность использования отдельных элементов алфавита, блоковую структуру построения сложных сигналов и т. д. Птицы, как известно, также способны составлять свою песню из отдельных элементов (слов), комбинируя их в разных сочетаниях. Однако разнообразие элементарных звуковых сигналов дельфинов, а главное, число всевозможных комбинаций отдельных элементов у дельфинов неизмеримо больше.

Исследователи считают, что такого рода построение сигналов, которое отмечают у дельфинов, характерно для коммуникационных систем так называемого открытого типа (к числу которых принадлежит и речь человека), служащих для передачи сложной информации. Но действительно ли дельфины способны использовать столь широкие возможности своего языка? Авторы этих любопытных исследований пока что воздерживаются ответить на этот интригующий вопрос.

Их язык — это язык эмоций

Дельфин, судя по его поведению, очень эмоциональное животное. Об этом говорит неиссякаемая потребность этих зверей проводить время в играх даже в условиях неволи. Как показывают исследования В.М. Бельковича, они даже охоту на рыб проводят как бы играючи, как коллективную игру в «карусель», «котел» и т. п. Игра вперегонки с судами, катание на волне — любимые игры диких дельфинов.

Игра животного — уже сама по себе свидетельство его эмоционального состояния. Наряду с этим у дельфинов существует целый ряд специфических сигналов как голосового, так и неголосового происхождения, характеризующих их эмоциональное состояние. Так, например, свое недовольство дельфин нередко выражает оглушительным шлепком по воде лопастью хвоста. Иногда, заметив что-то незнакомое в воде, например работающего водолаза, дельфин вдруг выпускает из-под воды через дыхало огромный объем воздуха, производящего своеобразный булькающий звук. Счита-

ется, что это сигнал удивления и недовольства. Мне приходилось видеть такие клубы воздуха, выпускаемые мечущимся по вольеру дельфином, когда его ловили, чтобы пересадить в другой вольер.

При внезапно возникшей опасности дельфин нередко издает сильный импульсный звуковой щелчок, а ухаживая за самкой, издает характерные тявкающие звуки. Наконец, некоторые самцы, по-видимому, из числа наиболее агрессивных (по отношению к своим сородичам), нередко щелкают зубами, резко захлопывая раскрытую пасть. Эмоциональный смысл возникающих при этом звуков и вид самого животного обычно не вызывают сомнений.

Все эти эмоциональные отношения между дельфинами сопровождаются соответствующими звуковыми сигналами. Обилие у дельфинов такого рода сигналов привело известных американских специалистов, изучающих дельфинов, супругов Дэвида и Мельбу Колдуэлл, работающих на базе знаменитого Мэрилендского океанариума во Флориде, к убеждению, что язык дельфинов — это язык эмоций. У дельфинов нет языка типа нашей абстрактной речи, считают Колдуэллы. Все, что эти животные хотят сказать друг другу, они говорят на языке эмоций. Например, у них есть так называемый опознавательный сигнал («Привет, это я»), который каждое из животных издает наиболее часто и который по своей акустической структуре индивидуален. Обладая прекраснейшим слухом, дельфины безошибочно узнают по этому опознавательному сигналу каждого из своих сородичей и могут отличить их от чужих.

Колдуэллы провели интересный эксперимент, подтверждающий наличие у дельфинов такого «абсолютного слуха». На магнитофон были записаны свисты нескольких дельфинов в разных ситуациях, — у каждого дельфина — свои свисты. На эту же пленку были записаны свисты восьми дельфинов из другого стада. Один из дельфинов был обучен нажимать на педаль в том случае, когда он слышит сигнал знакомого дельфина, и не реагировать, когда звучит голос незнакомца. Оказалось, подопытный дельфин быстро и точно справился с этой задачей. Более того, через восемь месяцев он с ходу проде-

монстрировал, что помнит, кому какой свист принадлежит. Ему было достаточно слышать свист всего лишь полсекунды, чтобы определить разницу. При этом дельфин различал даже такую разницу в свистах, которую не могла зарегистрировать звукоанализирующая аппаратура. Феноменальная, ни с чем не сравнимая память и тонкость слуха!

Меняется эмоциональное состояние дельфина — в той или иной степени меняется и его опознавательный сигнал. Ясно, что эти изменения прекрасно слышат сородичи дельфина. И именно по этим изменениям «тембра голоса» своего товарища они и судят о том, что с ним произошло. Такова суть теории Колдуэллов о языке эмоций дельфинов.

У человека, как мы знаем, тоже есть язык эмоций, доставшийся нам от наших далеких предков. Изменения тембра голоса, силы, ритмики речи — все это прекрасно говорит нашему слуху, в каком эмоциональном состоянии находится знакомый нам человек, даже если мы его не видим, а говорим с ним по телефону. Но при всем при том у человека имеется и язык сложной речи, акустическая основа которого та же самая, что и у языка эмоций,— характерные изменения акустических (фонетических) свойств звуков.

Поэтому наличие у дельфинов языка эмоций, который свойствен всем животным, не вызывает сомнений. Однако это не отрицает возможности у них и более сложных форм акустического кодирования информации путем различных комбинаций отдельных стандартных звуковых единиц, о чем пишут советские исследователи. Тем более что чудесный слух дельфина и звуковая память создают для этого прекрасные возможности.

Обезьяны, берущие палки⁵

Ученые, исследующие поведение животных, большое внимание уделяют способности животных использовать для своих нужд различные предметы. Чем для них являются эти предметы — игрушкой или орудием? Что лежит в основе действий с ними — врожденные навыки (то есть не связанные с условным рефлексом) или же в некоторых случаях они могут пользоваться предметами целенаправленно? Единого мнения по этим вопросам пока нет.

То, что различные животные используют палки, камни, травинки и т. д. в самых разных формах своего поведения, общеизвестно. Идет ли речь о песчинках, которые краб закладывает в свой отолитовый аппарат после очередной линьки, или о камне, которым стервятник разбивает страусиное яйцо, или о размочаленном кусочке коры (его использует шалашник для раскрашивания возводимых им сооружений), наконец, отломанной ветке, с помощью которой шимпанзе овладевает удаленной от него приманкой, — во всех этих случаях животное удовлетворяет какие-то свои потребности. Однако вряд ли все эти действия можно обобщать одним термином — «предметная деятельность». Внимательное рассмотрение показывает, что в одном случае мы имеем дело с инстинктивным восполнением с каждой линькой повторяемой утраты — песчинки, в другом — с использованием камня в стереотипных условиях пищевого поведения, вероятно, сформированного в порядке подражания действиям родителей, в третьем — с врожденным компонентом токового поведения самца, а в четвертом — с использованием предмета для приближения к себе другого предмета — пищи, игрушки и т. д.

К сожалению, подавляющее число ученых не разделяют эти разнообразные формы «деятельности» животных на разные уровни их организации.

---

⁵ Популярная психология: хрестоматия для студентов пединститутов / Сост. В.В. Мироненко. — Москва : Просвещение, 1990. — С 106–114

Некоторые исследователи относят к орудийной деятельности (то есть такой, которая предполагает определенную целенаправленность) даже те двигательные навыки, которые можно выработать у многих животных дрессировкой, и такие генетически запрограммированные формы поведения, как устройство бобрами плотин, употребление галапагосским выюром колючек кактуса для выковыривания личинок и т. д. Нам представляется это неправильным.

Еще раз хочется подчеркнуть: почти все животные, стоящие на определенном уровне эволюции, используют самые разнообразные природные предметы для своих надобностей. Это касается буквально всех животных. Но только шимпанзе с двухлетнего возраста и другие человекообразные обезьяны (тут возраст пока не выяснен) и, конечно же, с определенного возраста ребенок способны использовать любой предмет для решения какой-то задачи (скажем, подтянуть к себе кусок пищи, игрушку), то есть осуществить целенаправленный акт. Этого никогда не сделают ни собака, ни кошка, ни даже низшая обезьяна.

Поэтому в том процессе, в котором вырабатываются жизненные навыки животных и ребенка, нужно различать предметную деятельность и орудийную деятельность как проявление эволюционного и возрастного становления мозга. Эта теоретическая посылка полна практического содержания в педагогическом аспекте. С одной стороны, не следует искать в поведении ребенка или стараться развивать то, что в данном возрасте отсутствует, а с другой — не следует тормозить или недостаточно тренировать то, что уже соответствует возрасту ребенка.

Опыты с шимпанзе, которые проводились в Институте физиологии имени И.П. Павлова (Колтуши) и в Ленинградском зоопарке, показали, что в возрасте двух — двух с половиной лет шимпанзе в условиях лаборатории уже систематически использует предметы в самых различных ситуациях. По видимому, к указанному сроку у шимпанзе созревают нервные механизмы, позволяющие ему вести себя в определенных ситуациях качественно иным

образом по сравнению не только с другими животными, но даже с низшими обезьянами. Это качество — целенаправленное использование предметов, а также выбор из множества наиболее подходящего.

Достаточно подростку шимпанзе дать новую незамысловатую игрушку, как он моментально включает ее в игру, при этом легко убедиться в том, как по-разному он ее использует. Эта особенность поведения антропоидов неоднократно была отмечена И.П. Павловым на знаменитых «средах». Рассказывая о своем впечатлении от знакомства с прибывшими в Колтуши Розой и Рафаэлем, Павлов отмечает: «...первый факт, который чрезвычайно поражает, первый вывод, который я делаю из наблюдения за этими обезьянами,— это чрезвычайно высокое развитие у них исследовательского рефлекса». Павлову же принадлежит изумительно тонкая индивидуальная характеристика шимпанзе, по-разному относящихся к предметам: «Роза умнее Рафаэля. Она представляет высокий тип «интеллигентности», в то время как Рафаэль — просто утробистый господин. Единственно, что его привлекает — это еда. У Розы, наоборот, еда на втором плане. У нее часто превалирует сильное желание поиграть или даже «помастерить» — открыть какую-нибудь коробку и т. д. Когда она занята, а вы предлагаете ей еду, то она ее отталкивает: цель занятий ее другая».

Неукротимая тяга обезьян к предметам, особенно новым, стремление поиграть ими, использовать их для различных нужд отмечались многими отечественными и зарубежными исследователями. Расскажу о наших работах.

Во время семи экспедиций в Псковскую и Ленинградскую области (1972—1980 гг.) у нас была возможность наблюдать и заснять на киноплёнку то, как шимпанзе в естественной обстановке либо в ходе эксперимента широко пользовались палками, стеблями травы, камнями, раковинами... Одни предметы они использовали как бы для того, чтобы увеличить естественную длину конечности, другие — для самообслуживания (почесывались, очищали шерсть, доставали до того места тела, до которого просто так не дотянуться), третьи — для усиления некоторых действий. Мы неоднократно имели случай

убедиться (и в лаборатории, и в природных условиях) в том, что физические свойства рычага хорошо известны уже подростку шимпанзе. В случае необходимости предметы могут быть достаточно точно брошены в цель.

Чтобы дать представление о сложности и точности действий шимпанзе, следует рассказать об инциденте, который произошел в нашей лаборатории с двумя подростками шимпанзе, Ладой и Невой, летом 1956 года, когда обезьяны смогли выбраться из надежно закрытого вольера. Разбор этого случая, а также двукратное воспроизведение обезьянами основных действий, благодаря которым они оказались на свободе, установили следующее. Лада и Нева помещались в обширном вольере, где кроме полок находился небольшой стол, прочно прикрепленный к углу вольера. Довольно основательная крышка стола (30 мм толщины) имела небольшой напуск вдоль всей его длины. Эта деталь существенна для понимания происшедшего.

Когда закончился рабочий день, лаборантка закрыла на два замка дверь вольера, занавесила обширные окна, одно из которых было в полутора метрах от решетки вольера, и ушла из лаборатории. Как выяснилось впоследствии, она допустила ошибку: ключи от вольера оставила на лабораторном столе, а не вынесла в коридор. Ближайший край стола, на котором лежала связка, был в 2,7 м от решетки вольера.

Связка этих ключей, до которых было чуть меньше трех метров, безраздельно завладела вниманием обезьян. Первое, что сделали обезьяны (вероятнее всего, Лада, так как во время воспроизведения этого случая именно она дважды повторила выход из вольера), отбили нависавший край столешницы и получили в свое распоряжение палку длиной около метра. Кто проделал эту главную операцию, которая не была нами воссоздана при последующем воспроизведении выхода, неизвестно. Обследование всей длины отщипа показало, что скрытых дефектов в толще доски не было, однако она несла на себе множество следов от довольно основательных, уже постоянных клыков обезьян. При помощи этой палки обезьяны дотянулись до ближайшей оконной занавески и, сдернув с подвесок, втоптали ее в вольер. Далее, набро-

сив штору, как лассо, на стол, обезьяны смогли придвинуть к себе связку ключей. Заключительный этап уже никаких усилий не требовал: с открыванием замка каждая из обезьян справляется за считанные секунды.

Поведение обезьян после того, как они оказались вне клетки, лишний раз говорит об их неукротимом «стремлении исследовать» (Павлов) все, что оказывается для них новым. Поутру обезьян обнаружили в помещении антропидника возле лабораторного стола, уставленного различной посудой и растворами. Вот этой-то посудой и растворами и занимались обезьяны, ничего не разбив и, вероятно, ничего не приняв внутрь. При нашем появлении они не обратили на нас ни малейшего внимания и словно пробудились ото сна, когда мы стали их звать к себе.

Мне могут возразить: то, что обезьяны отломали кусок столешницы именно в те часы, когда их внимание было мобилизовано забытой связкой ключей, — простое совпадение. Прямых доказательств обратного нет, разве только то, что этот стол годами стоял на своем месте, по нему ежедневно прыгали эти же обезьяны, но никаких попыток к разрушению столешницы они никогда не делали.

Важна сама по себе поэтапность событий, которые Лада затем дважды продемонстрировала, доставая ключи. Воссоздав всю обстановку выхода (в проверочном наблюдении не было только момента отторжения куска столешницы), мы выделили в ней четыре главных эпизода: отлом нависавшего края столешницы; доставание палкой занавеси и втягивание ее внутрь вольера; набрасывание занавеси на связку ключей и подтягивание их к вольеру; открывание замков и выход обезьян на свободу.

Самым сложным действием в техническом смысле был, конечно, третий эпизод. Прицельно набросить громоздкую занавесь на связку ключей — дело непростое. Лада бросала занавесь одним концом, удерживая в руках другой, не рискуя при неудачном броске и ключей не достать, и занавеси лишиться. Вот, наконец, при очередном броске занавесь накрыла ключи, и обезьяна со всеми предосторожностями, очень медленно тянет ее к себе. По

звучу сдвигаемых ключей, вероятно, она определяет, что дело близится к завершению, но вдруг занавесь соскальзывает, а ключи остаются на столе, слегка сдвинутые в нужном направлении. Дальше следуют все новые и новые броски. Вот ключи упали со стола на пол, вот они уже на середине между столом и решеткой, наконец, до них уже можно дотянуться рукой. Занавесь тут же отбрасывается, и ключи используются по прямому назначению.

За всем этим в проверочных испытаниях мы следили скрытно и появлялись в помещении, когда обезьяна начинала открывать замок. Если отбросить время на отщеп куска столешницы, то на все остальное требовалось около получаса.

Этот эпизод из нашей лабораторной практики указывает на сложность действий шимпанзе, каждое из которых несет «орудийную нагрузку», то есть включает изготовление предмета, а также целенаправленное его использование. Это первое, а во-вторых, он не исключает того, что и разрушение крышки стола имело в своей основе целенаправленный характер, тем более что откусывание лучин от доски для дальнейшего употребления их в конкретной экспериментальной задаче — явление для шимпанзе заурядное.

И опять хочется вспомнить высказывание И.П. Павлова относительно предметной деятельности Розы и Рафаэля, которые «едой даже меньше занимаются, а больше, например, механическим воздействием на окружающую природу». Павлов рассказывает, что шимпанзе свойственно не только проявление напряженного внимания к внешним предметам, но и обнаружение способа воздействия на них также с помощью предмета. «В помещении, где находились обезьяны, обрезали трубу и забили ее пробкой, так две обезьяны потратили три часа на то, чтобы эту пробку вытащить, и, в конце концов, достали гвоздь и гвоздем выковыряли эту пробку». А далее комментарий: «Человек несомненно двигался вперед не только благодаря слову, но и благодаря своим рукам».

Вот далеко не полный список случаев, когда наши шимпанзе в природных условиях Псковской области целенаправленно использовали предме-

ты: обследовали соломинками черепаху, перекатывали с помощью палочки личинки дубового шелкопряда, с помощью небольших палочек обследовали ежа, бросали палки и водоросли в аквалангиста, которого они испугались. Шимпанзе по кличке Тарас сломил длинную хворостину и заклинил ею дверцы проблемного ящика, он же бросил камни в чучело крокодила, вдруг появившееся в реке, и многое другое.

Следовательно, шимпанзе могут как использовать уже готовый предмет, так и проделать несколько операций, чтобы затем воспользоваться подготовленными предметами для своих целей. Мы наблюдали это несколько раз у Сильвы и Читы, когда они делали из тонких веток черемухи, ивы и лещины небольшие очищенные от коры палочки и добывали ими из муравейника муравьев. В одном из опытов Тарас не мог дотянуться до столика, который был сооружен в воде на некотором расстоянии от берега. А на столе лежало лакомство. Походив вдоль берега, Тарас повернулся и исчез в ближайших кустах. Вскоре он вернулся с длинным байдарочным веслом. Это было несомненное воспоминание о когда-то увиденном предмете, с которым Тарас, по-видимому, играл, но в нужный момент экспериментальной ситуации весло было принесено, и с его помощью шимпанзе несколько раз пытался достать до столика. Длины весла не хватало. Тогда Тарас положил его на воду и пытался пройти по нему как по мосту. От первого же нажима ногой весло потонуло. Тарас вынул его из воды и стал играть с ним.

Второй впечатляющий случай связан с этим же Тарасом. Он пытался добыть баночку компота из аппарата с самозахлопывающейся дверцей (эту задачу поставили перед животным экспериментаторы). Чтобы открыть дверцу, следовало потянуть за ручку, достаточно удаленную от аппарата. Длины двух рук обезьяны не хватало, чтобы с помощью рукоятки одной рукой открыть дверцу, а другой дотянуться до приманки. Перепробовав всевозможные приемы, Тарас ушел от аппарата в ближайшие кусты. По дороге он поднял небольшую хворостинку и тут же ее бросил. Через несколько мгновений он потянулся к сухим веткам ольхового куста, отломил короткую тонкую ве-

точку и снова бросил. После этого Тарас выломал довольно длинную и прочную хворостину и с нею вернулся к аппарату. Не проявляя никаких признаков игры, он с силой потянул за рукоять тяги, открыл дверцу и вскоре довольно точно заклинил ее концом хворостины. Как только шимпанзе оценил все происшедшее, он тут же оставил рукоять и хворостину, стремительно отправился к аппарату, легко отжал дверцу и добыл баночку с компотом.

В опытах, когда приманка (конфета, яблоко) опускалась на дно узкой и довольно глубокой ямки (80 см), Сильва воспользовалась ветками орешника, выломанными ею из куста, росшего от ямки в 11 м. До этого Сильва безуспешно пыталась добыть лакомство с помощью рук и ног.

Любопытно, что из четырех шимпанзе, живших на острове, только Сильва пользовалась специально подготовленными палочками для доставания приманки из глубины. После осмотра куста она выбирала подходящий ствол, пригибала его к земле и откусывала или отламывала от него несколько веток. С пучком зелени она направлялась к ямке, усаживалась и принималась за подготовку палочек. Для этого Сильва брала одну из веток и перекусывала ее в одном-двух местах, а получившиеся фрагменты очищала от листьев, небольших веточек и иногда коры. Из нескольких подготовленных таким образом палочек обезьяна почему-то брала только одну, другие бросала и приступала к доставанию приманки. Если палочка оказывалась неподходящей прочности или длины, Сильва снова шла к кусту, и цикл подготовки повторялся. Приманка в этом опыте была добыта только с помощью четвертой палочки, которая оказалась и достаточно длинной, и прочной.

Другие шимпанзе в этой же ситуации пользовались подобранными сухими хворостинами или нетолстыми палками. Осмотрев ямку, Тарас, Гамма или Бой быстро оглядывали полянку, где до опыта специально все было чисто прибрано, и отправлялись в лес. Они подбирали не все валявшиеся сухие ветки или палки, некоторые из них, подняв, бросали, но потом, остановившись на определенной, поднимали эту хворостину, подходя к ямке, удаляли с нее все лишнее и принимались доставать лакомство. То обстоятельство, что

шимпанзе подбирали с земли или отламывали от кустов и деревьев лишь ветви, наиболее подходящие в данной ситуации, а после короткого испытания быстро отбрасывали те, что не годятся, указывает на способность этих животных оперировать планом действия. Да и свойства многих предметов окружающего мира обезьяны достаточно полно и надолго запоминают и при необходимости используют вполне адекватно ситуации.

На одной из «сред» по поводу поведения шимпанзе в опытах исследователя В. Келера И.П. Павлов сказал следующее: «Самым замечательным номером самой «умной» из его обезьян, Султана, было удлинение палки за счет двух палок, когда ни одна из палок в отдельности не доставала через решетку до банана».

Наши опыты с составлением палок, проведенные на нескольких детенышах и подростках шимпанзе (Бой, Гамма, Тролль, Тарас, Бой-2), показали, что они ничем не отличаются от выдающегося Султана, чем опровергли этот «критерий гениальности» для шимпанзе.

В наших экспериментах мы применяли набор предметов, состоящий из двух коротких палок (назовем их А и Б) и небольшого куса алюминиевой проволоки (прямого или согнутого в виде кольца). Обе палки в нескольких местах по длине были просверлены. Кроме того, одна из палок имела отверстия с обоих торцов. Задача же состояла в том, чтобы достать лакомую пищу, находящуюся за пределами клетки.

Все шимпанзе, получив в свое распоряжение такой набор, проявляли к нему напряженное внимание — исследовали, обкусывали палки, сгибали и ломали проволоку. Очень редко, взяв какой-либо предмет из набора, обезьяна тянулась в сторону приманки, но тут же оставляла эту попытку. Надо отметить, что у шимпанзе отличный глазомер: еще не взяв предмета в руку, он большей частью определяет, следует это делать или нет.

Каролина, самая старшая из обезьян, после того как ей надоело играть с набором, уже во втором опыте удлинит палку, вставив проволоку в просверленное в торце палки отверстие, и достала приманку. Она ни разу не

вставила проволоку в поперечные отверстия палки и тем более не соединяла проволокой обе палки через поперечные сечения, как можно представить из свойств набора. Тогда мы изогнули проволоку в кольцо; это не остановило обезьяну. Она довольно быстро его расправила и получившуюся дугу соединила с торцом палки. Любопытно, что если длина получившейся конструкции была недостаточной, Каролина еще и еще разгибала конец проволочной дуги, чем достигала успеха в решении задачи — доставала приманку.

Таким же образом осваивали набор Гамма и Тарас, лишь период игры с набором у них длиннее.

Подростки Бой и Тролль достаточно долго просто играли палками, часто вставляли проволоку в их поперечные отверстия, хотя такой конструкцией для доставания приманки почти не пользовались. Однако со временем с этой задачей справились и они.

Другой набор состоял из 12 предметов: длинная палка (80 см), «рогатина», кусок материи, короткая палка (30 см), кусок веревки, моток алюминиевой проволоки, две палки из предыдущего опыта — А и Б, кусок алюминиевой проволоки, две короткие палки (по 30 см), годные для стыковки, кирпич. Расстояние же от решетки вольера до приманки определялось с учетом длины руки шимпанзе таким образом, чтобы ее невозможно было достать с помощью короткой палки, палок А и Б.

Полученные результаты удивительно сходны и отличаются только деталями. Все обезьяны (вне зависимости от возраста) брали в первую очередь длинную палку и быстро достигали успеха. Когда мы убирали из набора длинную палку (по условиям эксперимента использованный раз предмет изымался), шимпанзе в зависимости от индивидуальных черт поведения переключались на такие предметы, как моток проволоки (Тролль), «рогатина» (Каролина, Тарас), две короткие палки для составления в одну (Гамма), кусок материи, веревки (Бой). Палки А, Б и кусок проволоки обезьяны использовали неохотно, даже когда в наборе оставалось мало предметов. Но вот короткую палку и кирпич никто никогда не пытался использовать.

Анализ полученных фактов показывает, что шимпанзе на основании зрительной оценки и, вероятно, собственной практики способны классифицировать предметы по их функциональным качествам, соединять их в устойчивые конструкции или, наоборот, разъединять, а также частично подготавливать. Самое главное, что, вероятно, определяет предметную деятельность антропоидов,— это способность обобщить несколько предметов в подклассы, а последние свести в классы. Метод исключения предметов, применяемый нами в опытах, позволил нам убедиться в том, что шимпанзе, обобщая различные предметы, делит их на два класса: первые — достаточные для овладения приманкой, вторые — недостаточные для этого.

По-видимому, уровень предметной деятельности человекообразных обезьян следует расценивать как качественно новую форму поведения, возникшую в процессе эволюции отряда приматов.

Вполне возможно, что обнаруженный уровень орудийной деятельности отражает способность шимпанзе и других антропоидов к более глубокому по сравнению с другими животными анализу связи предметов и явлений, что можно отнести за счет того, что «большие полушария у обезьян развились больше, чем у других, причем развились именно в связи с разнообразием двигательных функций» («Павловские среды»).

ЛИЧНОСТЬ

А.Н. Леонтьев

Индивид и личность⁶

В психологии понятие индивида употребляется в чрезмерно широком значении, приводящем к неразличению особенностей человека как индивида и его особенностей как личности. Но как раз их четкое различение, а соответственно и лежащее в его основе различение понятий «индивид» и «личность» составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово «личность» употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим «личность животного» или «личность новорожденного». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т. д.; то же, конечно, и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения; кстати сказать, это обстоятельство лишней раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида: раздвоенный, «разделенный» индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не «полипняк».

---

⁶ Фрагмент пятой главы «Деятельность и личность» из книги «Деятельность. Сознание. Личность. – Москва, 1975. – С. 175–188.

Но личность представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся. Потому-то мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека.

Личность есть специальное человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности. Как и сознание человека, как и его потребности (Маркс говорит: производство сознания, производство потребностей), личность человека тоже «производится» – создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности.

Выразим это иначе: особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности), так что первые уничтожаются; они сохраняются, но именно как особенности индивида. Так, особенности высшей нервной деятельности индивида не становятся особенностями его личности и не определяют ее. Хотя функционирование нервной системы составляет, конечно, необходимую предпосылку развития личности, но ее тип вовсе не является тем «скелетом», на котором она «надстраивается». Сила или слабость нервных процессов, уравновешенность их и т. д. проявляют себя лишь на уровне механизмов, посредством которых реализуется система отношений индивида с миром. Это и определяет неоднозначность их роли в формировании личности.

Чтобы подчеркнуть сказанное, я позволю себе некоторое отступление. Когда речь заходит о личности, мы привычно ассоциируем ее психологическую характеристику с ближайшим, так сказать, субстратом психики — цен-

тральными нервными процессами. Представим случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту. Подобная грубо анатомическая исключительность очень далека от того класса особенностей, которые входят в перечни особенностей личности (в так называемую их «структуру»), тем не менее, ее значение для формирования личности несопоставимо больше, чем, скажем, слабый тип нервной системы. Подумать только, сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик — в сторонке; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как «подпирать стенку». Как сложится в этих условиях его личность? Этого невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже столь грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. Сама по себе она не способна породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям и вообще никаких собственно психологических особенностей человека как личности. Парадокс в том, что предпосылки развития личности по самому существу своему безличны.

Личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм, все они характеризуются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, т. е. наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами эти деятельности, процесс их объединения — возникновения, развития и распада связей между ними — есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям.

Изучение процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капи-

тальную задачу психологического исследования. Ее решение, однако, невозможно ни в рамках субъективно-эмпирической психологии, ни в рамках поведенческих или «глубинных» психологических направлений, в том числе и их новейших вариантов. Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредованной процессами сознания, которые и «сшивают» отдельные деятельности между собой. Поэтому демистификация представлений о личности возможна лишь в психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, ее строения, ее развития и ее преобразованиях, о различных ее видах и формах.

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различием понятий «индивид» и «личность». Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как «субъекта природы» и «субъекта общества».

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. Оно радикально меняет понимание ее предмета и разрушает укоренившиеся в ней схемы, в которые включаются такие разнородные черты или «подструктуры», как, например, моральные качества, знания, навыки и привычки, формы психического отражения и темперамент. Источником подобных «схем личности» является представление о развитии личности как о результате наслаивания прижизненных приобретений на некий предсуществующий метапсихологический базис. Но как раз с этой точки зрения личность как специфически человеческое образование вообще не может быть понята.

Мне представляется, что, для того чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще высту-

пает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса, самостоятельной силой реакции, но эта сила может действовать только через внешнее, в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность: ее конкретизация, ее развитие и обогащение — словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее носителя. Теперь, т. е. в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия.

Деятельность как основание личности

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные «образующие» личности — этого высшего единства человека, изменчивого, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство, свою аутоидентичность.

Реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно деятельности субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, объединяющим их. Тем не менее оно единственно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности.

Прежде всего на этом пути устраняется главная трудность: определение того, какие процессы и особенности человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными. Дело в том, что, взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к лично-

сти. Едва ли, например, разумно рассматривать как «личностные» операции письма, способность чистописания. Но вот перед нами образ героя повести Гоголя «Шинель» Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и притягательный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, которые он принес домой, если же таковых не случалось, он снимал копии нарочно, для себя, для собственного удовольствия. «Написавшись всласть, – повествует Гоголь, – он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра».

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг одного из главных мотивов на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность, в этом качестве они и выступили как характеризующие личность.

Иногда дело обстоит иначе. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает иное, а именно, что они являются лишь средством достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, – оболочку, которая зависит от условий, иногда случайных. Вот почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе еще ничего не говорит о его личности; ее особенности обнаруживают

себя не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает, может быть, в процессе своего труда, а может быть, и вне этого процесса.

Общий вывод из сказанного состоит в том, что в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования обращается — не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризующим ими деятельности, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными.

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности вступают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простого пучка, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта — общими и индивидуальными, врожденными и приобретаемыми прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант.

Другое дело — иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, «узлы», соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые «узлы», с образования которых у ребенка начинается самый ранний этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с детьми-дошкольниками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу — достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило — не вставать со своего места. Как только ребенок принялся решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды после ряда безуспешных попыток малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас вошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что лежит за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: 1) общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача; 2) решение задачи и 3) общение с экспериментатором после того, как ребенок взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, т. е. осуществляли двоякую деятельность: одну — по отношению к экспериментатору, другую — по отношению к предмету (награде). Как показывает наблюдение, в то время когда ребенок доставал предмет, ситуация не переживалась им как конфликтная, как ситуация «ошибки». Иерархическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, *post faktum*: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, личностному смыслу.

Описанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря на всю наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в бо-

лее раннем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и «спрятанных» формах они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызения совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову, оно лишь опосредствует и, так сказать. Резюмирует его.

В.Н. Мясищев

Понятие личности в аспектах нормы и патологии⁷

Личность — высшее интегральное понятие. Личность характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности. В анализе эту систему можно дробить на бесконечное количество отношений личности к различным предметам действительности, но как бы в данном смысле эти отношения частичны ни были, каждое из них всегда остается личностным. Самое главное и определяющее личность — ее отношения к людям, являющиеся одновременно взаимоотношениями. В этом пункте субъективное отношение, отчетливо проявляясь в реакциях и действиях, обнаруживает свою объективность, а индивидуально-психологическое становится социально-психологическим. Отношения человека избирательны прежде всего в эмоционально-оценочном (положительном или отрицательном) смысле. Отношения человека представляют сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и

---

⁷ Текст дается по книге «Психология отношений. — Москва, Воронеж, 1995. — С. 48–53.

переживаниях. В свою очередь они образуются и формируются в процессах деятельности.

Избирательные отношения человека многосторонни и сложны, но не разрозненны, а составляют единую сформированную его опытом индивидуальную иерархическую историческую систему, внутренне связанную, хотя, может, быть, и противоречивую. Так, потребность и идеал могут вступать в конфликт друг с другом, вместе с тем в идеале или в требованиях долга, так же как и в потребностях, заключено внутреннее побуждение к действию. Идеал, первоначально как внешнее требование или правило, в процессе развития становится внутренним требованием.

Сознание, чувство и воля представляют то процессуальное триединство, которое выражается потенциально в отношении к каждому объекту и проявляется в различных отношениях, в интересах, в той или иной эмоциональной (положительной или отрицательной) оценке, в той или иной степени действенной активности — влечения, желания, стремления или потребности. Отношение — сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности. Отношения поэтому являются движущей силой личности.

Психологи неоднократно отмечали, что у личности могут преобладать органические, личные или сверхличные (общественные) цели, мотивы или потребности. Характеризуя личность, обычно говорят об ее направленности. Этот термин, однако, не вполне удовлетворителен. В сущности, речь идет о доминирующих отношениях, т. е. о большей или меньшей активности, реактивности, аффективности в отношении к тем или иным объектам. Так, доминировать могут «животные», конкретно личные или идейные интересы. Отношения человека представляют систему, образующуюся в результате его развития, воспитания и самовоспитания. Подобно тому, как объекты окружающей действительности имеют разную важность для человека, в системе его отношений имеется иерархия господствующих и подчиненных отношений. Эта система постоянно меняется, развивается, но всегда определяющую

роль играют отношения между людьми, в целом обусловленные структурой общества, т. е. лежащими в его основе общественно-производственными отношениями. Общественно-историческая обусловленность личности обнаруживается прежде всего в том, что в характеристике одних личностей самым важным являются общественные, а других — личные интересы.

Первый план характеристики личности образуют доминирующие отношения последней. С вопросом о доминирующих отношениях связаны вопросы о том, для чего живет данный человек, что для него является смыслом жизни: руководят ли им социальный идеал блага или цели личного преуспевания или человек вообще не ставит перед собой отдаленных задач и целей, еле справляясь с захлестывающими его повседневными заботами.

Хотя важнейшей, и не только философски, но этически, психологически и житейски, проблеме счастья до сих пор уделяется мало внимания в научных исследованиях, она теснейшим образом связана с проблемой личности, ее целей, отношений и воспитания. Нельзя недооценивать и медицинскую сторону вопроса, так как болезнь или инвалидность вызывают реакцию личности (слабодушие, отчаяние, болезненное депрессивное состояние), крайним следствием которого может быть самоубийство. Другие болезненные формы выражают неудовлетворенность или конфликт с исходом в преступление или в реактивное невротическое или психотическое состояние.

Вторая группа свойств охватывает психический уровень человека. Это не только уровень его желаний, но и уровень его достижений. Определить данный уровень — значит ответить на вопросы: чего достиг человек, каковы его возможности, какой след он оставил в жизни общества, иначе говоря, каково историческое значение личности. Здесь опять-таки тесно соприкасаются психологический и социологический аспекты рассмотрения личности. Богатство личности определяется богатством ее опыта и, выражая уровень ее развития, неразрывно связано с ее сознательностью и ее самосознанием, под которым подразумевается способность личности правильно отражать действи-

тельность в ее настоящем и прошлом, а также предвидеть будущее, правильно оценивать себя самого и свое место в действительности.

Уровень развития личности одновременно является уровнем развития ее функциональных возможностей, ее, говоря языком психологических понятий, интеллектуальных, волевых, эмоциональных свойств. Сюда же относятся и такие еще малоизученные свойства, как сложность, тонкость, дифференцированность личности.

Аспекты общественного и культурного развития личности полностью не совпадают. Общественное развитие человека выражается той ролью, которую играют в его поведении общественные интересы по сравнению с личными. Культурный же уровень личности выражается соотношением идейных элементов индивидуального опыта и органических («витальных») импульсов поведения. Конечно, наиболее высокий уровень развития характеризуется сочетанием коллективизма с высокой культурой. Однако культурно развитый человек может быть индивидуалистом, а культурно не развитый — коллективистом. Культурное развитие первого, какого бы высокого уровня оно ни достигло, неполноценно, ущербно, ибо недоразвиты общественные связи и мотивы поведения. Коллективизм второго оказывается стихийным, примитивным, ибо не сочетается с высоким культурным уровнем, необходимым для обеспечения общественной сознательности человека. Ступени общественного и культурного развития отличаются различной ролью, которую на каждой из них играют для личности общественные и личные отношения.

Избирательная направленность отношений определяет и внешние и внутренние реакции личности. В социальном плане — это полюса внешней социальности и внутренней отзывчивости личности к другим людям и требованиям коллектива. Уровень развития и избирательность отношений характеризуют содержание личности.

Третьим существенным компонентом является динамика реакций личности. Она соответствует тому, что в психологии называется темпераментом

и с физиологической стороны освещено И.П. Павловым как тип высшей нервной деятельности.

Следует только подчеркнуть, что: 1) темперамент проявляется во всех сторонах личности, в том числе в ее интеллектуальной и идейной жизни; 2) темперамент обнаруживается лишь в области активных отношений личности; 3) темперамент также может меняться под влиянием жизненных условий.

Четвертый компонент характеристики личности — это взаимосвязь основных компонентов, или общая структура личности. Сюда относятся пропорциональность, гармоничность, цельность личности, ее широта и глубина, ее функциональный профиль, т. е. соотношение различных свойств психики или то, что по преимуществу называют характером личности.

Эта сторона важна для понимания таких волевых и моральных свойств, как устойчивость, настойчивость, выдержка, самообладание, отзывчивость, внимание к человеку, принципиальность, честность и противоположные им отрицательные качества. В названных свойствах, как в едином узле, связываются доминирующие отношения человека с уровнем его развития в целом, в отдельных сторонах и в динамике темперамента.

Это может быть показано на примере полярных свойств — коллективизма и индивидуализма. Во-первых, они выражают противоположные направления движущих сил человеческого поведения. Во-вторых, в общественно-историческом плане они выступают как разные уровни процесса развития от стихийного индивидуализма и коллективизма к сознательному. Наконец, они суть особенности характера личности, проявляющиеся на каждом шагу ее жизни.

Единство в структуре личности, соотношение в ней идеального и материального, социального и индивидуального следует рассматривать в связи с ее историческим развитием. Человек формируется в социальной среде, и в ходе этого процесса у него вырабатываются такие способы действия, которые благоприятствуют возникновению и развитию сознательных психических свойств, преобразованию биологического социальным (когда социальное

из внешних условий, воздействий, требований, образцов, знаний и впечатлений переходит во внутренние потребности, привычки, требования личности к себе и к окружающим). Индивидуальное — постепенно, критически, не без борьбы, реорганизуется социальным и становится социальным, не утрачивая индивидуальности, но приобретая новый «социализированный» характер.

Несмотря на многообразие и изменение свойств личности, она в нормальных условиях остается единой. Это единство основывается на синтезе реакций и тенденций индивида, регулируемом его центральной нервной системой, на единстве его жизненного опыта. Личность многообразна в своем единстве, и различные люди, имея общие свойства, обладают как типичными, так и индивидуальными особенностями. Поэтому наряду с общими закономерностями развития личности важную теоретическую и практическую задачу представляет исследование психических особенностей человека.

С позиций монистически материалистического и исторического понимания личности человек есть сложное развивающееся единство физиологического и психического, биогенного и преобразующего его социогенного.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ

А. Журавлев

Какого цвета звук А!⁸

Этот эстрадный номер не сулил ничего неожиданного. Со сцены звучали хорошо известные стихи Сергея Есенина:

*Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком...*

Но с первыми звуками голоса за спиной чтеца на прозрачных колоннах стал постепенно разгораться желтый свет. Снизу он был светлым, вверху темнел, сгущаясь до темно-коричневого. За сценой тихо зазвучали грустные, похожие на органные аккорды в средних, иногда низких октавах. Потом по этому фону медленно, как во сне, поплыли зеленоватые и красно-оранжевые пятна. В самом верху экрана вдруг вспыхнул голубой блик. На фоне тихих аккордов прозвучала высокая чистая нота:

*И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*

Цветовой фон чуть темнеет, на нем трепещут темно-красные и коричнево-желтые вспышки. Чтец продолжает:

*Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.*

Осенние краски продолжают играть на экране, но к концу строфы они мрачнеют, музыка становится тревожнее, погромыхивают басы. Вот еще раз вспыхивает красный в последнем слове строфы:

*Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.*

---

⁸ Популярная психология : хрестоматия для студентов пединститутов / Сост. В.В. Мироненко. – Москва : Просвещение, 1990. – С. 228–232

Вот экран становится серо-синим, и на нем вспыхивает и гаснет желтый блик, как одинокий осенний лист, осветленный солнцем на фоне хмурого неба. Эхом затихает последний аккорд, свет гаснет.

Впечатляющее исполнение, не правда ли? Для сегодняшних дней ничего удивительного — просто взяли, разработали игру света, написали музыку, нашли чтеца и устроили чтение с сопровождением.

А если я вам скажу, что эту музыку и партитуру игры красок написал... сам С. Есенин? Точнее — этот цвет и музыка зашифрованы в звуках его стихотворения. Каким образом? Категоричность подобного высказывания неприятностораживает. Может ли быть, чтобы звуки речи, сами по себе ничего не обозначающие, вызвали представление о цвете? А если это и так, то неужели поэт специально подбирал гласные, чтобы они своим цветом рисовали картины, настолько точно соответствующие содержанию стихотворения? Конечно же, нет, ничего он специально не подбирал.

Звук и цвет

Какого цвета звук А? Большинство скажет: «Никакого». Но если вам предложат выбрать какой-нибудь, любой цвет для А из шести следующих: белый, черный, желтый, синий, красный, зеленый? Вам, очевидно, кажется, что такой выбор будет совершенно случайным. Однако представьте себе, что если этот вопрос задать, скажем, 100 испытуемым, родной язык которых русский, по крайней мере 75 из них «случайно» выберут красный. Для И большинство назовут синий, для Ы — черный.

Подобные эксперименты проводились уже много раз. Особенно эффектен такой эксперимент. Испытуемым раздается по 6 квадратиков бумаги разного цвета и предлагается на каждом написать одну из 6 букв: Э, О, Ы, У, И, А. И все. Ни о каких цветозвуковых соответствиях, ни о какой окраске звука не идет речи. Казалось бы, каждая буква запишется примерно одинаковое число раз на квадратике каждого цвета. Получается же, что в основном пишут на красном квадратике, И — на голубом, О — на желтом или белом, У — на сине-

зеленом, Ы — на черном или коричневом. И только для Э не складывается четкой картины, хотя несколько большее число выборов падает на желто-зеленый цвет. Если отбросить белый и черный, то особенно четко в чистые цвета окрашены только три звука А, И, О.

Исходя из этих экспериментов, можно попробовать сделать осторожный вывод: а что если гласные звуки речи почти для всех говорящих одинаково окрашены? Хотя, конечно же, мы этого и не осознаем. Более того, звуки имеют и другие признаки. Специальные эксперименты показали, что есть звуки темные и светлые, яркие и тусклые, нежные и грубые, радостные и печальные.

От чего зависят эти свойства звука? Не мистика ли это — наличие у звуков таких признаков, как радостный, печальный, нежный или грубый. Это сложная особая проблема. И о ней нужен специальный разговор. Сейчас нам важно посмотреть, проявляются ли в речи обнаруженные свойства звука.

Особенно чутко к звукам речи относятся, как известно, поэты. По словам С.Я. Маршака, в стихах имеет значение «не только каждое слово, но и каждый звук, каждая гласная и согласная». И конечно, в стихотворениях талантливой, тонко чувствующего язык человека должна проявиться эта интересная особенность звука. Поэт, допустим, пишет о небе. Все поэты пишут о небе. О синем небе, предположим. И вот оказывается, что поэт, не осознавая никаких звукоцветовых соответствий, подбирает гласные таким образом, что больше всего среди них оказывается звуков синего цвета (ведь речь в стихотворении идет о синем небе, помните?), то есть И.

С другой стороны, если в любом стихотворении подсчитать количество гласных, то больше всего наверняка будет звуков А и О: они наиболее часто встречаются в речи. Значит, задача в том, чтобы установить, чаще или реже, чем обычно, встречается звук И в данном стихотворении. За норму логично принять частотность звуков в обиходной разговорной речи. Таким образом, необходимо подсчитать, как часто встречаются гласные в стихотворении, определить долю каждого из них и сравнить полученные данные с соответствующими долями гласных в обычной разговорной речи. Кроме того,

нужно учесть, что ударные звуки в речи заметнее, значит, их «вес» следует увеличить, например, удваивая присчете каждый ударный.

Предположим, в результате таких подсчетов мы видим, что в интересующем нас стихотворении гораздо больше нормы звуков И, да и под ударением они стоят чаще, чем в обычной речи. А звуков А и О меньше нормы, особенно ударных. О чем это говорит? Ясно, что поэт бессознательно нагнетает в стихотворении звук И, в то время как звуков А и О избегает. Читаем первые строки стихотворения:

Воздух прозрачный и синий,

Выйду в цветочные чащи.

Путник, в лазурь уходящий,

Ты не дойдешь до пустыни.

Воздух прозрачный и синий.

Три раза здесь упоминается синий (голубой) цвет: синий, лазурь, синий. Нет, не случайно в стихотворении доминирует синий И. Поэт самым подбором гласных окрашивает стихи, подчеркивает, поддерживает нужный ему цветовой образ. Причем вторым по частотности, тоже несколько превышая норму, идет звук У (как мы помним, сине-зеленый, минорный, темный, тихий). Какова его роль? Тот, кто любит поэзию, наверное, заметит, что синева в этом стихотворении не яркого, радостного тона. Это скорее синяя дымка. Подбери художник только И-звуки, они способствовали бы изображению праздничного синего неба, нажим на У дал бы цвет штормового моря или грозовой тучи; и поэт, оставляя доминирующим светлый сине-голубой, приглушает его, заставляет звучать в светлом, но минорном тоне.

Но, может быть, эти страннейшие для психологически не подготовленного к подобным выводам человека соответствия звука и цвета — не что иное, как случайные совпадения? Эксперименты, проделанные над довольно большим количеством стихов показывают: слишком высок процент корреляции между подбором звуков и содержанием, чтобы считать эти соответствия случайностью.

За кулисами

Мы начали эту статью с воображаемого концерта. Давайте еще раз послушаем и посмотрим тот же концерт. Только на этот раз из-за кулис.

Современные машины еще не умеют распознавать речь человека, и потому сопровождать чтение машине придется «по бумажке». Текст стихотворения вводится в машину за несколько минут до выступления. По частотам гласных машина заранее находит доминирующие во всем тексте звуки, а по характеру расположения ударений задает общий музыкальный ритм.

Доминирующие гласные определяют общий характер сопровождения. По характеристикам «мажорный — минорный» и «светлый — темный» задается общий световой и музыкальный тон. Характеристики «громкий — тихий» и «яркий — тусклый» определяют силу звука и интенсивность цвета. Цвет доминирующих гласных задает общую цветовую гамму. Если доминирует не один, а несколько гласных, то первый (с частотностью, превышающей норму в наибольшей степени) управляет верхними источниками света, второй — нижними. Интенсивность цвета каждого из этих гласных пропорциональна величине отклонения его частотности от нормы.

Допустим, в стихотворении «Отговорила роща золотая» доминируют гласные Ы и О. Значит, они задают начальный световой тон — желтый снизу, темнеющий до коричневого вверху. А в стихотворении «Воздух прозрачный и синий» первый доминирующий И (с сильным отклонением частотности от нормы) залил бы чистым голубым почти весь экран, и только снизу этот фон приглушился бы темным сине-зеленым У. И снова поражает точное соответствие цветового фона общему настроению стихотворения: это не знойное полуденное небо, а, пожалуй, летний вечер (вспомните: «месяца желтая прелесть»), когда на земле уже синяя тьма, а вверху небо еще светится голубым.

Каждый гласный, встречающийся в тексте стиха, зажигает источник своего цвета и заставляет звучать определенные музыкальные аккорды. Безударные гласные зажигают свет постепенно и не очень сильно. Гаснет свет тоже по-

степенно, так что если один и тот же гласный повторяется почти подряд, то каждый новый импульс наслаивается на не успевший погаснуть старый.

Для интерпретатора большое значение имеет также ритм повторения ударных: чем чаще они расположены, тем резче вспыхивают и быстрее гаснут источники света, тверже и четче звучит музыка. Например, строка из поэмы В. Маяковского «Хорошо» «Пых-дых, пых-тят...» вызвала бы резкую, все усиливающуюся пульсацию темно-коричневого, подсвеченного красным цветом.

Разнообразие сменяющихся на протяжении произведения ритмов ударений создает интересную картину движения красок и звуков.

Конечно, рассказ о цвете и музыке не передает и малой доли того впечатления, которое, очевидно, получит человек от цвето-музыкальной симфонии поэтического произведения, когда интерпретатор будет построен.

Трогательная и наивная надежда изобретателей — скажет скептически настроенный читатель. Кто знает, может быть, этой надежде суждено сбыться?

Е. Головаха, А. Кроник

Психологическое время: удивительные свойства сжиматься и прерываться⁹

Что такое хорошие часы?

Странный вопрос — конечно же, те, которые точно указывают время. Они не подводят нас, остановившись за час до назначенной встречи, не ускоряют и не замедляют свой ход. Но, наверное, каждому знакома ситуация, когда именно беспристрастно точные часы хочется заставить идти по-другому. Вспомним популярный у преподавателей и студентов анекдот о двух стадиях скучной лекции: вначале слушатели нетерпеливо посматривают на часы, удив-

---

⁹ Популярная психология : хрестоматия для студентов пединститутов / Сост. В.В. Мироненко. – Москва : Просвещение, 1990. – С. 247–253

ляясь медленному движению стрелок, а затем прикладывают часы к уху — идут ли они вообще. Иллюстрируя теорию относительности, иногда в шутку говорят, что время течет по-разному для сидящего на раскаленной плите и для влюбленного в минуту свидания.

О том, что движение минутной стрелки не соответствует психологическому ощущению времени, свидетельствует и не совсем обычный эксперимент, описанный советским ученым Г.Б. Борисовским. Он предлагал слушателям две записи «Пророка» Римского-Корсакова — в исполнении Петрова и Шаляпина — и просил оценить время исполнения в обоих случаях. Оказалось, что у слушателей Петрова психологическое время лишь немногим больше физического, а у Шаляпина — бесконечно больше. Слушатели даже приблизительно не смогли оценить, как долго звучал голос гениального певца, несколько минут превратились для них в неизмеримо больший интервал времени внутреннего, психологического.

Психологи установили, что, оценивая небольшие интервалы времени (в пределах нескольких минут) без часов, одни люди, склонны переоценивать их длительность, другие же — недооценивать. «Психологическая минута» оказывается короче или длиннее в зависимости от настроения человека — плохое настроение растягивает ее, кажется, что время тянется слишком долго. Но если мы увлечены интересным делом, то время как бы сжимается. В связи с этим Поль Фресс, известный многочисленными исследованиями восприятия времени, предлагает любопытный критерий оценки отношения к труду: если слишком часто кажется, что работа тянется удручающе долго, можно говорить о слабом интересе к ней.

Американские ученые Р. Кнэпп и Дж. Гарбатт тоже обнаружили связь между переживаниями времени и стремлением к успеху в деятельности. Исследователи составили список метафор, которые чаще всего используются в художественной литературе, чтобы передать переживание времени. Оказалось, что у людей с сильно выраженной «потребностью в достижении» время ассоциируется с такими образами: «быстро ткущееся полотно», «ускоряющийся поезд»,

«галопирующий всадник», «струя в полете», «убегающий вор», «стремительный водопад», «ураган». Они переживают время сжатым, ускоренным, напряженным. А когда успех дела не слишком волнует человека, время воспринимается иначе: «громадное небесное пространство», «спокойный неподвижный океан», «лестница, ведущая вверх», «дорога через холм».

Психологическое время способно не только ускорять или замедлять свое течение, сжиматься или растягиваться, оно может Переживаться непрерывным или прерывистым, разорванным на отдельные части. Как, например, у Гамлета: «Порвалась связующая нить. Как мне обрывки их соединить?» Особенно остро переживают прерывность времени больные с поражением правого полушария мозга. Советские ученые Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова обнаружили у них феномен «остановки времени»: оно для больных «как будто прервалось».

Может, Гамлет был просто болен? Конечно же, нет, хотя мы имеем основания говорить о некотором душевном надломе, психологическом кризисе. Не случайно Д. Гранин, точно чувствующий нюансы психологического времени, именно через ощущение его прерывности передает сложную жизненную ситуацию героя своего романа «Картина»: «Никогда еще время в этом кабинете не двигалось так медленно. Оно растягивалось, разрывалось на мелкие события, а в промежутках оно останавливалось».

Переживание прерывности времени в каком-то смысле близко с ощущением «конца жизни», «застоя», «тупика», а ощущение непрерывности — признак «нормального», бескризисного течения жизни, гармоничной связи и преемственности прошлого, настоящего и будущего.

Как видим, формы переживания и свойства психологического времени весьма многообразны. «Сжатое — растянутое», «непрерывное — прерывистое» — наиболее распространенные и типичные его измерения. Однако по отношению к ним нечувствительны стрелки даже самых точных часов. Ведь этими стрелками движут механизмы, не зависящие от того, чем и как заполнена жизнь. У психологического времени свои «механизмы», работа которых за-

висит именно от того, как человек живет и как он видит свою жизнь в прошлом и будущем.

Почему сжимается время?

Объяснить причины этого пытались довольно давно. И Кант первым предположил: чем больше впечатлений получает человек в течение какого-то времени, тем более продолжительным впоследствии оно ему кажется. Измерять психологическую длительность времени числом воспринимаемых событий предлагал также французский философ XIX века М. Гюйо, автор книги «Происхождение идеи времени». С его точки зрения, только этим можно объяснить загадку, как в несколько секунд сновидения укладывается множество событий, которые в реальности потребовали бы часов и дней.

С развитием экспериментальной психологии достаточно ясное «событийное» объяснение натолкнулось на много противоречащих ему фактов. Оказалось, что заполненные минуты, как правило, оцениваются более «длинными», чем пустые, но если разнообразными впечатлениями наполнены недели, месяцы, годы жизни то кажется, что они идут быстро. Эта разница в восприятии длинных и коротких отрезков хронологического времени — лишь первое противоречие «событийной» концепции.

Второе следует из закона, сформулированного американским психологом У. Джемсом на рубеже XIX—XX столетий: «Время, заполненное разнообразными и интересными впечатлениями, кажется быстро протекающим, но, протекши, представляется при воспоминании о нем очень продолжительным. Наоборот, время, не заполненное никакими впечатлениями, кажется длинным, протекая, а протекши, представляется коротким».

Почему так? Ответить на это с позиции событийного подхода тоже трудно. Это и не удивительно. Ведь не события сами по себе, а их причинные и целевые связи определяют переживания прошлого, настоящего и будущего.

Напомним о трех типах связей: реализованных, потенциальных, актуальных. Реализованные — это связи событий хронологического прошлого, потенциальные — связи событий хронологического будущего, актуальные —

связывают прошлое с будущим. В зависимости от того, какие преимущественно связи имеет, с точки зрения человека, то или иное событие его жизни, оно будет принадлежать психологическому прошлому, будущему или настоящему.

Естественно, взаимосвязь одних и тех же жизненных событий разные люди видят по-разному. Предположим, два молодых человека одновременно поступили в один и тот же вуз, одновременно защитили дипломный проект, поступили на работу и оба хотят сделать крупное изобретение и получить повышение в должности. Однако понимание жизни у них разное.

Первый считает, что все в его жизни происходило и произойдет самой собой — «потому, что...», то есть каждое последующее событие происходит вследствие предыдущего. Это — своеобразная логика «жизненного эскалатора»: достаточно встать на первую ступеньку — и дальнейшее движение обеспечено. Иначе видится связь тех же событий второму молодому человеку. Он считает, что для подлинного успеха естественный ход событий необходимо подкреплять особыми усилиями, предпринимаемыми «для того, чтобы...». Он давно решил сделать крупное изобретение. Для этого избрал вуз, писал диплом, искал и нашел определенное место работы. Не чуждо ему и стремление продвинуться (поступил на работу, предполагая возможность повышения в должности). Оставим читателю самому решить, какой из вариантов отношения к жизни предпочтительнее. Нас интересует пока лишь то, как может переживаться время каждым из героев.

Чем отличается их восприятие событий? Прежде всего — количеством актуальных связей. В первом случае — всего одна такая связь, которая делает актуальными только два события — поступление на работу и изобретение, остальные полностью принадлежат психологическому прошлому или будущему. У второго человека — пять актуальных связей и, значит, все названные события в большей или меньшей мере актуальны. Мы считаем, что именно удельный вес актуальных связей отражается в переживаниях растянутого или сжатого времени. Чем актуальнее события, тем ближе концентри-

ругаются они вокруг психологического часа, делая прошлое «недавним», а будущее — «скорым», сжимая время в переживании человека. И наоборот, низкая актуальность событий отодвигает их в «давнее» прошлое или «нескорое» будущее, растягивает психологическое время. Такой механизм переживания времени подобен восприятию пространства: в глубоком горном ущелье оно кажется сжатым, а на открытой равнине — растянутым.

Итак, идея состоит в следующем: много актуальных связей — время сжимается, мало — растягивается. Следовательно, растянутым оно будет в первом случае («человек на эскалаторе») и сжатым — во втором. Это не значит, конечно, что переживания времени заданы раз и навсегда. Если, например, наш «созерцатель» увидит в прошлом дополнительные причины своих будущих событий или более целеустремленно отнесется к их достижению, осознав новые актуальные связи между прошлым и будущим, то и у него время «сожмется».

Это предположение мы проверили в эксперименте. В нем участвовали мужчины и женщины в возрасте 28-42 лет. Каждого мы просили назвать пятнадцать самых важных событий своей жизни (прошлого, настоящего и будущего), упорядочить их в хронологической последовательности, а затем указать, есть ли в каждой паре событий связи типа «причина — следствие» или «цель — средство». После этого просили оценить свои переживания времени по ряду шкал, в том числе по шкале «сжатое — растянутое». Как мы и предполагали, у тех, кто оценивал время сжатым, актуальных связей оказалось значительно больше, чем у людей с растянутым временем. В целом же время чаще переживалось; сжатым, и это особенно характерно для мужчин. Соответственно и актуальных связей у мужчин было больше, чем у женщин.

В предельно сжатом психологическом времени прошлого и будущего нет — все в настоящем, все актуально. Ожидаемые события приближаются настолько, что нередко возникает иллюзия их полной реальности — иллюзия, чреватая преждевременными поступками. Известный психолог Курт Левин описал случаи из юридической практики, когда заключенные, которым

сообщали о предстоящем досрочном освобождении из тюрьмы за хорошее поведение, совершали попытки к побегу за несколько дней до освобождения. Столь неожиданные и не соответствующие ситуации поступки связаны, на наш взгляд, с тем, что после известия о скором освобождении в сознании заключенного формировалось множество новых актуальных связей, и «освобождение» переживалось как происходящее «сейчас», то есть время предельно сжималось в переживании и человек совершал несвоевременные действия.

Но если понятен механизм переживания времени, значит, можно им управлять. Так, человек в напряжении, в цейтноте может снять это напряжение, сознательно отвлекаясь от многих «суетных» мыслей о том, «почему» и «для чего» совершаются в его жизни те или иные события, тянущиеся из прошлого в будущее. Этот «рецепт» интуитивно был найден весьма давно: «Возбужденные страстью попадают в поток, как паук в сотканную им самим паутину. Мудрые же, уничтожив поток, отказавшись от всех зол, странствуют без желаний» (Дхаммапада).

Разумеется, странствовать без желаний далеко не всем захочется. Есть и противоположная проблема — человеческая потребность в сжатом, продуктивном времени. Тогда можно сознательно насыщать его актуальными событиями и связями. «Время есть деление, — писал Н. Рерих. — Время есть мысль... Если обсуждаются истинные ценности человечества, то прежде всего для обращения с ними нужно будет время, прекрасно наполненное».

Однако и на этом напряженном пути человека могут подстергать опасности, если его сознание целиком поглощено одними актуальными связями, а реализованные и потенциальные отсутствуют. Это ситуация «горения», полной поглощенности делами и заботами, которые необходимо немедленно решить. В таком состоянии человек отказывается от тех событий будущего, которые еще не полностью подготовлены в мыслях и действиях минувшего, то есть отказывается от мечты, грез и фантазий. Кроме того, он забывает в прошлом все, что «не идет в дело», видя в нем только средства или причины будущих свершений.

Чрезмерно сжатое, напряженное время сопутствует активной деятельности, насыщенному настоящему. Однако его никогда не хватает на то, чтобы остановиться хотя бы на миг, оглянуться назад, или не спеша поразмыслить над тем, что, может быть, никогда и не произойдет, но могло бы случиться. Не отдавая себе отчет в отдельных (неактуальных) последствиях своих поступков и решений или отказываясь от анализа уже пройденного, человек рискует попасть в ловушку «злободневности», в которой он всегда будет испытывать цейтнот, независимо от того, каким реальным временем располагает. Разжать эти тиски времени способны лишь воспоминания и мечта, которые, насыщая время реализованными и потенциальными связями, оптимизируют степень его напряженности, делают его более растянутым в переживании человека.

Времен связующая нить

Прерывность времени наглядно проявилась, когда психолог Т. Коттл предложил разным людям изобразить на листе бумаги свои представления о личном прошлом, настоящем и будущем с помощью трех кругов. Круги могли быть любой величины и как угодно располагаться относительно друг друга. В эксперименте обнаружились различные типы временных представлений: круги прошлого, настоящего и будущего соприкасались, пересекались, включались друг в друга, обнаруживая меньшую или большую непрерывность психологического времени. Однако многие нарисовали «атомарную» картину — круги прошлого, настоящего и будущего располагались порознь, в полном отрыве друг от друга. Эти результаты подтвердились и в наших исследованиях, проведенных по той же методике.

Как видим, нити времени были разорваны не только у Гамлета. Что стоит за этой метафорой, благодаря чему время может переживаться прерывистым?

Прерывность и непрерывность легко ассоциируется с определенными пространственными образами. Мы говорим о прерывной и непрерывной ли-

нии, о глубоких обрывах или о непрерывности водной глади. Если, например, дорога ведет за горизонт, создается впечатление ее непрерывности, но если виден конец дороги, а за ним — места нехоженые, впечатление будет противоположным — прерывающегося пространства.

Во времени тоже есть своеобразные «маршруты» — от одного события к другому. Они могут быть протяженными, связывающими хронологически отдаленные друг от друга события, близкими во времени. Аналогия позволяет в первом приближении описать возможный «механизм прерывности»: чем короче хронологическая протяженность актуальных связей между событиями, тем более прерывистым переживается время.

Но связь между событиями может быть весьма проблематичной: является ли одно событие причиной или целью другого? Маловероятная связь подобна неизведанному пути, а связь с высокой вероятностью — проторенной дороге. И если две дороги равны по протяженности, то непрерывнее будет, видимо, та, изведенная, на которой меньше препятствий, временно или окончательно прерывающих путь. Следовательно, для понимания природы прерывности необходимо учитывать не только протяженность связи, но и уверенность в ее наличии.

Итак, чем меньше протяженность и вероятность актуальных связей событий в представлении человека, тем более прерывистым переживается время. Это значит, что непрерывным его переживает тот, кто уверенно связывает в своей жизни события далекого прошлого с далеким будущим, у кого актуальные связи настоящего тянутся на многие годы и десятилетия. А если эти связи коротки и человек в них сомневается, то его время будет прерывистым, последовательностью не связанных друг с другом «авантюрных» событий.

Проверяя это предположение, мы просили участников эксперимента оценить свои переживания времени по шкале «непрерывное — прерывистое», а затем сравнивали, чем различаются представления о взаимосвязи событий своей жизни у людей с непрерывным и прерывистым временем. Эти различия существенны: при непрерывном времени актуальные связи тянутся

в среднем 25 лет, при прерывистом — 16 лет. Но даже эта сравнительно короткая шестнадцатилетняя связь событий оказывается проблематичной — нет полной уверенности в том, что прошлое событие является причиной или средством достижения будущего.

Ленинградский психолог Е.С. Кузьмин выделяет три типа личности в зависимости от их отношения к делу: стратеги, тактики, операционалисты. Стратеги достигают высшего мастерства в своем деле, согласовывают свои действия с долговременной перспективой. Операционалисты полностью идут на поводу у ситуаций, часто не справляются с новыми задачами. Тактики занимают промежуточное положение. По данным Кузьмина, стратегов — 10–20 %, тактиков — 50–60 %, операционалистов — 15–20 %. Видимо, и в отношении к собственной жизни есть подобные типы. Жизненный стратег связывает далекие друг от друга события, мыслит уверенно и крупномасштабно, переживает время непрерывным. Для стратега жизнь — это долгий, цельный жизненный путь, для тактика — сменяющие друг друга дороги, для операционалиста — запутанные, теряющиеся и прерывающиеся тропки.

«Как восстановить связь времен?» Чтобы время стало непрерывным — соединились его нити, необходимо «повременить», не спешить осуществлять те цели, уверенность в достижении которых еще не созрела.

Конечно, этот способ не единственный и вряд ли лучший для всех ситуаций. Есть и другие приемы. Например, поставить перед собой новые, отдаленные цели, осознать дальние последствия нынешних действий, ясно понять, что в казавшемся далеким и почти забытом прошлом скрыты условия и средства будущих событий. Тогда возникнут сильные, актуальные длительные связи, и они сделают психологическое время непрерывным. Высшая форма этой непрерывности — чувство преемственности времен, когда источники и результаты собственных свершений человек видит, а историческом прошлом и будущем.

Выход в исторический масштаб времени — это вынесение важных для человека событий жизни за ее биологические пределы. В таком случае не

рождение и смерть, с точки зрения самого человека, начинают и завершают его жизненный путь, а события, происходящие в жизни предшествующих и последующих поколений. Содержание таких «исторических событий» для человека может быть самым разным. У одних это — деяния и заветы прадедов, достижения детей и внуков, у других — поступки великих: людей прошлого или признание и благодарная память потомков. Но в любом случае осознание исторического масштаба своей жизни расширяет временной кругозор человека, насыщает его время «сверхсильными», уходящими в историческое прошлое и будущее, но, тем не менее, актуальными связями. Соединяя события, разделенные порой столетиями, можно осознать культурно-историческую значимость собственных идей, действий, поступков. Тогда смерть перестает быть событием, которое при одной мысли о нем полностью отсекает все актуальные связи, прерывая психологическое время личности.

Вот почему, несмотря на то, что с каждым годом смерть объективно все ближе, время может переживаться как непрерывное. Известно ведь, что интерес к истории у большинства людей с возрастом растет, растет и чувство ответственности перед будущими поколениями. Подтверждается это и психологическими данными, которые обнаруживают, что с переходом от юности к зрелости эгоцентрическая концепция времени сменяется историко-центрической.

В заключение еще несколько слов о том, какие часы могли бы измерять психологическое время — растягивающееся и прерывающееся. Механизм этих часов скрыт в наших собственных представлениях о жизни, о взаимосвязи причин и следствий событий, жизненных целей и средств их достижения. Удастся ли перевести внутренний счет связей прошлого, настоящего и будущего на язык измерительной техники — покажет будущее.

Феноменальная память¹⁰

Несколько лет назад крупнейший современный математик и кибернетик фон Нейман сделал сенсационное сообщение. По его расчетам получилось, что в принципе человеческий мозг может вместить примерно 10^{20} единиц информации. В переводе на общепонятный язык это означает — каждый из нас может запомнить всю информацию, содержащуюся в миллионах томов крупнейшей в мире Библиотеки имени Ленина.

На первый взгляд такое заявление, такие подсчеты кажутся фантастическими. Но обратимся к фактам существования феноменальной памяти, поражающей воображение, кажущейся немислимой. Они взяты из разных эпох, это разные люди, в разных ситуациях и запоминали они разное.

Историки утверждают, что Юлий Цезарь и Александр Македонский знали в лицо и по имени всех своих солдат — до 30 000 человек. Этими же способностями обладал и персидский царь Кир. По имени и в лицо знал каждого из 20 000 жителей греческой столицы знаменитый Фемистокл. А Сенека был способен повторить 2000 не связанных между собой совершенно отдельных слов, услышанных лишь раз.

Гениальный математик Леонард Эйлер поражал всех необыкновенной памятью на числа. Он помнил, например, шесть первых степеней всех чисел до ста. Академик А.Ф. Иоффе по памяти пользовался таблицей логарифмов. Другой наш замечательный ученый академик С.А. Чаплыгин мог безошибочно назвать номер телефона, по которому он звонил лет пять назад случайно всего один раз. А великий русский шахматист Алехин мог играть по памяти «вслепую» с 30–40 партнерами.

Все это примеры памяти людей, так сказать, оставивших след в истории. Но и обыкновенные люди тоже регистрируют в течение жизни миллио-

---

¹⁰ Пекелис, В. Твои возможности, человек! / В. Пекелис. — Москва, 1984. — С. 36—44.

ны событий, впечатлений, и именно это накопление воспоминаний делает необъятным наше интеллектуальное богатство.

Человек прекрасно сохраняет в памяти и краски заходящего солнца в какой-то из вечеров, и едва заметные события жизни, и слова, и звуки — все, что оставляет след, что его трогает, все, что он невольно отмечает и выбирает из океана быстротекущей жизни. Причем и здесь можно отметить множество удивительного.

Профессор В.В. Солодовников в одной из лекций привел такой пример. Шесть каменщиков под гипнозом ответили через полгода на вопрос, какую форму имела трещина в шестнадцатом кирпиче в пятом ряду восточной стены дома номер такой-то по улице такой-то. И это через полгода после кладки! После того, как через их руки прошли тысячи разных кирпичей!

Некто Э. Гаон заучил наизусть все 2500 книг, которые прочитал за свою жизнь. Мало того, он мог не задумываясь вспомнить из них любой отрывок. Рассказывают, что кассир польского футбольного клуба «Гурник» Леопольд Хелд помнит не только все результаты, но и все подробности игр клуба. Однажды во время телевизионной передачи комментатор спросил Хелда: «Чем кончился матч «Гурника» и «Одра» из Ополе четыре года назад? Ответ последовал моментально: «Мы выиграли 4:0, встреча состоялась 18 августа, было 27 тысяч болельщиков, общая сумма дохода 235 тысяч злотых. Три гола забил Поль и один Цзолтисик...»

Интересны случаи феноменальной образной памяти людей художественного склада.

Французскому рисовальщику Гюставу Доре (автору широкоизвестных иллюстраций в книге Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль») издатель однажды поручил сделать рисунок с фотографии какого-то альпийского вида. Доре ушел, забыв взять с собой фотографию. На следующий день он принес совершенно точную копию. Известно также, что самый удачный портрет президента Линкольна нарисовал его провинциальный почитатель, неизвестный художник из штата Нью-Джерси. Восторженный поклонник видел президен-

та всего один раз. Узнав об убийстве Линкольна, он был охвачен горем и нашел утешение, нарисовав по памяти портрет.

Русский художник Н.Н. Ге по памяти изобразил абсолютно точно комнату одного из петергофских дворцов. «Я в голове, в памяти принес домой весь фон картины «Петр I и Алексей» — с камином, с карнизами, с четырьмя картинами голландской школы, со стульями, с потолком и освещением,— был всего один раз в этой комнате, и был умышленно один раз, чтобы не разбивать впечатления, которое я вынес», — писал об этом художник.

А музыканты? Моцарт мог точно записать большую, сложную пьесу, слышанную лишь однажды. Композитор А. К. Глазунов легко восстанавливал утраченные партитуры музыкальных произведений.

Интересный случай из биографии замечательного русского пианиста и композитора С.В. Рахманинова приводят многие авторы. Однажды к Танееву должен был приехать Глазунов, чтобы сыграть только что написанную пьесу. Любивший подшутить Танеев спрятал в другой комнате молодого Рахманинова — тогда студента консерватории. Через некоторое время после того как Глазунов окончил играть, Танеев позвал Рахманинова. Юноша сел за рояль и, к величайшему удивлению Глазунова, повторил полностью его сочинение. Композитор был озадачен: откуда студент мог знать произведение — ноты автор никому не показывал.

Понятно, к вершинам смогут приблизиться не все — лишь единицы. Но вот углубить, улучшить, расширить — и не надо бояться этого слова — «феноменизировать», да, не удивляйтесь — разбудить скрытые в каждой возможности, достичь необычного для себя — это по плечу каждому.

Чудо-счетчики

Ни одна из возможностей нашего мозга не кажется столь удивительной, как загадка чудо-счетчиков.

В зрительном зале погас свет. На сцену, ярко освещенную огнями рампы, вышел человек в строгом черном костюме — не цирковой артист, не

конферансье, не исполнитель популярных песенок. У него в руках мел и тряпка. Они как-то непривычны на сцене.

Эстрадный номер начинается. Сотни зрителей с неослабевающим вниманием следят за исполнителем.

Назовите мне, пожалуйста, — обращается артист к зрителям, — многозначное множимое и многозначный множитель, и прошу вас найти вместе со мной их произведение.

Один миллион пятьсот девяносто четыре тысячи триста двадцать три умножьте на три тысячи четыреста пятьдесят шесть, — просят из зала.

Проходит несколько секунд, и все читают на доске результат — 5 509 980 288.

Артист терпеливо ждет, пока зрители перемножат на бумаге числа. После этого он называет также все промежуточные результаты, полученные при умножении.

Что же собой представляет это дарование? Никакое описание, никакой рассказ не могут дать о нем полного представления. Нужно присутствовать при живой демонстрации, чтобы понять, до какой степени справедлив эпитет «чудо».

Вот рассказ об эксперименте, проведенном одним из исследователей с мадемуазелью Осака. Испытуемую просили возвести в квадрат 96, получить десятую степень того же числа. Она делала это моментально. Затем предлагали извлечь корень шестой степени из 40 242 074 782 776 576. Она отвечала тотчас и без ошибок.

В 1927 году доктор Ости и математик Сент-Лаге экзаменовали слепого счетчика Луи Флери. Среди поставленных задач была следующая: дается число, нужно разложить его на куб некоторого числа и четырехзначное число.

Флери предложили число 707 353 209. Он размышлял 28 секунд и дал решение: 891 в кубе и 5238. Ему предложили 211717 440. Ответ последовал через 25 секунд: 596 в кубе и 8704.

В Ванском районе Западной Грузии живет Арон Чиквашвили. Он свободно манипулирует в уме многозначными числами. «Счетный механизм» Чиквашвили не знает усталости и ошибок.

Как-то друзья решили проверить возможности чудо-счетчика. Задание было суровым: сколько слов и букв скажет диктор, комментирующий второй тайм футбольного матча «Спартак» (Москва) — «Динамо» (Тбилиси). Одновременно был включен магнитофон. Ответ последовал, как только диктор сказал последнее слово: 17427 букв, 1835 слов.

На проверку ушло... пять часов. Ответ оказался правильным.

Среди чудо-счетчиков особенно большой популярностью пользуются задачи, в основе которых лежит календарное исчисление. Переносясь мысленно через века и тысячелетия, преодолевая трудности недесятичных соотношений (ведь неделя состоит из 7 дней, сутки из 24 часов, час из 60 минут и т. д.), они за несколько секунд способны проделать сотни операций и сообщить, что 1 января 180 года была пятница. И все это делается с учетом високосных лет, смены календаря в 1582 году и т. д. Они, например, могут сказать, сколько секунд прошло со времени смерти Нерона до падения Константинополя. Однажды за беседой два счетчика Иноди и Дагбер шутя задавали друг другу вопросы такого рода: какой день недели будет 13 октября 28 448 723 года?

Некоторые задачи, которые люди-счетчики решают как бы шутя, всего за несколько секунд, по мнению математиков, потребовали бы многих месяцев обычного счета. После этого пришлось бы в течение длительного времени проверять полученные результаты или же прибегнуть к помощи электронной машины.

Какими же методами оперируют чудо-счетчики? Приходит ли «дар» с детства, в юности или приобретается, воспитывается в течение жизни?

Пытались объяснить эту способность исключительной памятью, тем, что психологи называют «гипермнезией». Конечно, до какой-то степени мы

сталкиваемся здесь с проявлением поистине чудовищной памяти, но одной памятью не объяснить существа явления.

Рассказывают, что отец Гаусса обычно платил своим рабочим в конце недели, прибавляя к каждодневному заработку плату за сверхурочные часы. Однажды, после того как Гаусс-отец закончил расчеты, следивший за операциями отца ребенок, которому было едва три года, воскликнул:

— Папа, подсчет неверен! Вот какая должна быть сумма.

Вычисления повторили и с удивлением убедились, что малыш указал правильную сумму!

Несколько лет назад газеты сообщали о юном математическом феномене Бориславе Гаджански.

— Можешь ли ты, Борислав, извлечь корень двадцать второй степени из числа 348 517 368 454 361458 872?

Мальчик на минуту задумывается.

— Восемь.

— А теперь извлеки корень тридцать первой степени из числа 538 436 517 832 435 456 582.

Еще минута на размышление.

— Четыре.

В свои одиннадцать лет Борислав Гаджански из югославского города Зренянина отлично знал высшую математику в объеме программы вуза и без помощи карандаша и бумаги производил сложнейшие математические расчеты.

Проявляется ли этот дар очень рано или очень поздно, его появление всегда стихийно. Происходит молниеносное превращение. Владелец дара иногда бывает «отсталым» во всех других областях, но среди цифр он чувствует себя как дома и очень быстро достигает фантастической виртуозности.

Что же происходит с чудо-счетчиком дальше?

Обычно их умение бесконечно совершенствуется вплоть до глубокой старости. Но бывает и так, что мало-помалу оно исчезает, по мере того как его обладатель получает обычное для всех детей образование. Например,

Ампер стал одним из крупнейших ученых, но он потерял способность к устному счету, по мере того как расширялись его познания в области классической математики. Наоборот, Гаусс и Эйлер соединяли вплоть до смерти обе стороны своей гениальности.

Интересно, что многие люди-счетчики не имели вообще никакого понятия, как они считают: «Считаем и все! А как считаем, бог его знает». Такие ответы не удивительны. Некоторые из счетчиков были совсем необразованными людьми. Англичанин Бакстон, счетчик-виртуоз, так никогда и не научился читать, не знал цифр. Американский негр счетчик Томас Фаллер умер неграмотным в возрасте 80 лет.

Такие люди всегда очень интересовали психологов и математиков, которые старались выяснить, в чем секрет их способностей. Но объяснения, которые чудо-счетчики давали, пытаясь раскрыть свое умение, на первый взгляд казались странными, и даже очень.

Например, Урания Диамонди говорила, что владеть цифрами ей помогает их цвет: 0 — белый, 1 — черный, 2 — желтый, 3 — алый, 4 — коричневый, 5 — синий, 6 — темно-желтый, 7 — ультрамарин, 8 — серо-голубой, 9 — темно-бурый. Процесс вычисления представлялся ей в виде бесконечных симфоний цвета.

Монде и Кальбюрн ясно видели, как перед их глазами выстраиваются ряды цифр, начертанные чьей-то невидимой рукой. Их «прием» заключался в том, чтобы прочесть эту «волшебную» запись. Брат Урании, Перриклес Диамонди, говорил: «Цифры как бы скапливаются у меня в черепной коробке».

Очень «прост» метод Иноди. Ему казалось, будто вместо него считает чей-то голос, и пока этот внутренний голос производит вычисления, сам он либо продолжает разговаривать, либо производит более легкие подсчеты, либо наигрывает на флейте. Морис Дагбер производит головокружительные вычисления, играя на скрипке.

Несколько лет назад во Франции, в Лилле, в присутствии авторитетного жюри из физиков, инженеров, кибернетиков, математиков и психологов

Морис Дагбер вступил в спор с электронной вычислительной машиной, производящей около миллиона операций в секунду.

Дагбер заявил, что признает себя побежденным лишь в том случае, если машина решит семь задач раньше, чем он десять. И что же?

Дагбер решил все 10 задач за 3 минуты 43 секунды, а электронная машина только за 5 минут 18 секунд!

Ученые считают, что дар феноменального счета в том виде, в каком он наблюдается у взрослых счетчиков, является в какой-то степени даром «воспитанным» (то есть приобретенным в результате систематических упражнений). Бродя по джунглям чисел люди-счетчики зачастую находят приемы, которые дают им возможность сокращать вычисления.

Пожалуй, единственная научно обоснованная и достаточно подробно разработанная система резкого повышения скорости устного счета создана была в годы второй мировой войны цюрихским профессором математики Я. Трахтенбергом. Она известна под названием «Системы быстрого счета».

История ее создания необычна. В 1941 году гитлеровцы бросили Трахтенберга в концлагерь. Чтобы уцелеть в нечеловеческих условиях и сохранить нормальной свою психику, Трахтенберг начал разрабатывать принципы ускоренного счета. За четыре страшных года пребывания в концлагере профессору удалось создать стройную систему ускоренного обучения детей и взрослых основам быстрого счета.

После войны Трахтенберг создал и возглавил Цюрихский математический институт, получивший мировую известность. Система Трахтенберга позволяет резко ускорить процесс выполнения операций умножения, деления, сложения, возведения в степень и извлечения корня.

Как мы видим, быстрый счет — это уже не тайна за семью печатями, а научно разработанная система. Раз есть система, значит, ее можно изучать, ей можно следовать, ею можно овладеть. До какой степени совершенства, до какого уровня возможностей? Это покажет, конечно, только практика.

Искусственный интеллект – глазами психолога¹¹

*Машина живет глубокой и одухотворенной жизнью,
но семени от машины не существует.
Осип Манделъштам (1922 год)*

Я с радостью и надеждой воспринимаю все известия о том, что строятся новые, все более совершенные компьютеры, а так как постоянно использую в своей работе ЭВМ, меня, психолога, то есть ученого, профессионально изучающего человеческое сознание и мышление, не оставляет вера, что с помощью новых машин мы получим наконец новые сведения о человеке. Естественно, что грядущие компьютеры пятого (а теперь говорят уже и о шестом!) поколения, наделенные способностью общаться с человеком напрямую и даже приспосабливаться к его индивидуальности, обещают новые возможности и дарят новые надежды.

Однако я боюсь, что в сознании кибернетиков может произойти опасное смещение понятий. Да, правда, что компьютеры одну за другой осваивают функции, свойственные, казалось бы, только человеку. Но они, как это ни парадоксально, все меньше оказываются при этом способными моделировать человеческое мышление, поскольку выполняют эти функции совсем иным, чем мы, люди, способом. И, стало быть, с каждым новым поколением ЭВМ все дальше уходят от нас, превращаясь во все более совершенные орудия, но лишая нас надежды когда-либо увидеть в них модели человеческих эмоций, воли, действия.

Потому-то сам термин «искусственный интеллект» вызывает у меня чувство, похожее на затянувшееся изумление. Ведь мы же не называем молоток, топор, отвертку, пилу человеческой рукой, хотя они, несомненно, представляют собой овеществленное человеческое действие. Мы говорим о ручном

---

¹¹ Популярная психология: хрестоматия для студентов пединститутов / Сост. В.В. Мироненко. – Москва : Просвещение, 1990. – С 295–299

инструменте, об орудийных действиях человека. Но почему мы столь же осторожно не поступаем в случае с интеллектом, со сложнейшей формой человеческой деятельности? Компьютер следовало бы называть не искусственным интеллектом, а инструментом интеллектуального действия или овеществленным документом интеллекта, который может существенно облегчать, ускорять, повышать точность принятия решения, но может с тем же успехом ускорять принятие хуже того — реализацию неправильных решений.

Если бы речь шла только о термине, то есть только о словах, которыми называют то или иное научное направление, не стоило бы, конечно, тратить столько энергии на попытки его изменить или хотя бы развенчать. Но слова обладают способностью воздействовать на сознание, их смысл и значение формируют определенное отношение к обозначаемым ими понятиям. И в среде не психологов может укорениться представление, будто машины пятого, шестого, ну, в крайнем случае, седьмого поколения будут уже «почти людьми».

А это далеко не так.

«Наука отнюдь не является логическим построением, ищущим истину аппаратом. Познать научную истину нельзя логикой, можно лишь жизнью. Действие — характерная черта научной мысли». Академик В.И. Вернадский, которому принадлежат эти слова, со свойственной ему необыкновенной пронизательностью отнюдь не смешивал логику и научно-исследовательскую (в том числе и мыслительную) деятельность. Но ведь именно на таком смещении основаны идеи об общности или близости работы компьютера и человеческого интеллекта! Они базируются либо на пренебрежении психологической реальностью, либо на смещении предметов изучения психологии и логики. Другими словами, так называемый «искусственный интеллект» строится в настоящее время на логико-математических, намеренно очищенных от психологии основаниях, а потом, сознательно или бессознательно, уподобляется интеллекту человеческому.

Профессионалы в области вычислительной техники привыкли судить о процессе мышления лишь по его результату, что, впрочем, естественно, так как сам процесс этот в значительной своей части скрыт от самонаблюдения. Другими словами, они рассматривают и анализируют предмет мышления, а не мышление как предмет, также доступный анализу. Вычислительная техника даже обещанного пятого поколения сможет имитировать лишь самую незначительную долю одного из компонентов умственных способностей человека, а именно — некоторую часть их операционно-технического компонента. А, скажем, воля и эмоции остаются за бортом этих исследований.

Процедуры машинных и человеческих решений принципиально различны. К мудрым словам В. И. Вернадского о том, что действие — характерная черта научной мысли, можно добавить, что оно характерно и для всякой мысли вообще, которая всегда возникает из действия и действием остается. Анри Бергсон, один из крупнейших мыслителей, писал, что история эволюции, в процессе которой сложился интеллект, показывает нам, что способность понимания есть нечто, связанное со способностью к действию, — то, что когда-то называли умным деланием. И это умное делание должно рассматриваться как необходимое условие действительности интеллекта, мысли, разума.

Содержащийся в книге А. Бергсона «Творческая эволюция» комплимент «Физика — это испорченная логика» чаще всего воспринимается как ирония. На самом же деле он подчеркивает действенный характер этой науки.

Исследования искусственного интеллекта не испорчены никакими попытками применить их к постижению тайн человеческого мышления, а ведь в этом прямой долг этого научного направления, коль скоро оно одолжило для своего названия слово «интеллект».

Происхождение мысли принадлежит к числу классических проблем философии и психологии. Замечательное поэтическое выражение — и решение — этой проблемы дал Гете:

Написано: «Вначале было Слово» —
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало,
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была не далека!
Ведь мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу, — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит,
Но свет блеснул, — и выход вижу я:
В Деянии начало бытия!

(Гете. «Фауст». Перевод Н. Холодковского)

Здесь Гете выразил не только искания Фауста, но дал концентрированную и прозрачную по своей ясности характеристику поисков неисчерпаемого источника духовной жизни, который осуществляет вся психология, включая и современную. Деяние, или человеческое действие, богаче, чем стоящая перед ним цель, руководящий им образ, регулирующая его протекание программа, стоящие за ним мотивы и намерения. Иное дело, что психологическая наука сравнительно недавно приступила к исследованию структуры действия, его функций, законов становления и развития. Пионеры в этой области — наши отечественные ученые Н.А. Бернштейн и А.В. Запорожец.

Психологический анализ процессов мышления предполагает учет человеческой субъективности, анализ мотивационной сферы, в том числе и борьбы мотивов, изучение процессов целеполагания, характеристику целей и их смены. Оно и понятно, поскольку всякая деятельность, чтобы быть таковой, должна включать: цель, средство, результат. Свобода в выборе и полагании целей с неизбежностью влечет за собой свободу в выборе средств и спо-

собов достижения результата. А отсутствие какого-либо из этих компонентов или даже жесткая фиксация его превращают умственную деятельность человека в нечто иное, например, в искусственный интеллект. Другими словами, интеллектуальную, умственную деятельность человека в принципе нельзя рассматривать вне особенностей его движения, восприятия, памяти и других форм деятельности. Деятельность в целом — это органическая система, где, как в живом организме, каждое звено связано со всеми другими, где все отражается в другом и это другое отражает в себе все. Но такая сущностная аналогия идет много дальше. Деятельность, имеющая сложное строение, непрерывно развивается, — как и всякая органическая система, создает недостающие ей органы, в качестве которых на сей раз выступают новые образы и программы поведения, новые способы действия, новые цели и средства их достижения и так далее.

Нетрудно видеть, что столь сложный по своему строению процесс невозможно свести к логико-математическим структурам. Ссылки на то, что компьютер способен решать задачи, недоступные человеческому мышлению, скорее должны были бы приводить к заключению, что он и решает их нечеловеческими способами. Не стоит забывать, что умственное человеческое действие не только предметно, но и социально по своему происхождению, то есть оно направлено не только на предмет, но и на другого человека. Человеческое мышление всегда диалогично, и в этом смысле оно не принадлежит только субъекту мышления.

Главная черта человеческого интеллекта — способность к творчеству, и, пожалуй, именно по этому параметру следовало бы сопоставлять интеллект естественный и искусственный. Однако, несмотря на то, что акты творчества во всех их проявлениях издавна привлекали к себе внимание ученых, они остаются загадочными и трудными для исследования. (К счастью, смутные представления о том, что такое творческое мышление, озарение, интуиция, не делают эти явления менее частыми.)

Нам — не только психологам, но всем людям вообще — надо найти средства, с помощью которых оказалось бы возможным проникнуть в удивительный мир человеческого мышления, во все его реальные пласты и формы. Реалистическая позиция состоит в том, что возможности научно-технического прогресса и человеческого мышления неограниченны. Поэтому можно надеяться, что работы по искусственному интеллекту, вне зависимости от того, насколько удачен этот термин, приведут все-таки к созданию новых машин и устройств, специально приспособленных к тому, чтобы помочь решить эту грандиозную задачу. Удалось же сделать то, что казалось невозможным всего несколько лет назад. Пусть же они, успешно справляясь со своими сегодняшними неотложными проблемами, не забывают и о своем долге перед наукой о человеческой душе — психологии, который ЭВМ пятого поколения, увы, вернуть не смогут.

Айян Д.

10 способов освободить ваш творческий гений¹²

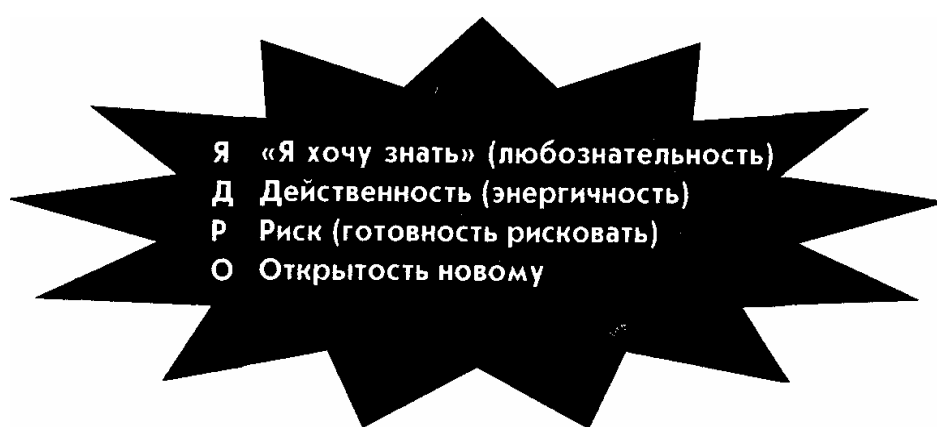
...А вы — творческая личность?

Все сказанное в этой главе сводится к тому, чтобы помочь вам распознать и устранить те страхи и ложные представления о творчестве, которые берут начало из стереотипов, предрассудков и чужих мнений. Чем в большей степени вы освободитесь от внешних ограничений, тем скорее вы поймете, что единственным истинным источником творчества является ваша собственная личность. Ваши творческие способности произрастают из уникальной смеси личных качеств и различных типов мышления, которые и определяют вашу индивидуальность. Для того чтобы сделать свою жизнь более творческой, нужно немедленно начать питать и развивать свой *творческий дух*.

---

¹² Айян, Д. Эврика! / Д. Айян. – СПб. : Питер Паблишинг, 1997. – 352 с. – (Серия «Тренировка ума»). (С. 29–36)

Что мы понимаем *под творческим духом*? Мы уже поняли, что творчество зависит не только от ваших интеллектуальных способностей или конкретных навыков — например, музыкальных или атлетических. Однако это отнюдь не означает, что творческий дух нельзя оценить, нельзя воспитать, равно как и не означает, что невозможно узнать, какие именно качества в наибольшей степени способствуют творчеству. По моему мнению, существуют четыре основных элемента, из которых и складывается творческий дух. Я называю их Я Д Р О — то есть сердцевиной духа творчества .

В отличие от способности поставить балетный спектакль или решить задачу по физике, эти качества присущи каждому человеку. Без этих качеств жить творческой жизнью трудно — даже, можно сказать, невозможно.

Давайте посмотрим, как каждое из этих качеств поддерживает огонь творчества.

...Творческому духу, прежде всего, свойственна любопытность. Без интереса к тому, что происходит в мире, как и почему работает то или иное устройство, какие вокруг властвуют законы природы и идеи, нет стимула к творчеству.

Любопытность заставляет человека исследовать область за областью и искать все новые и новые пути исследования. Любопытность побуждает изобретать, экспериментировать, строить. Чарльз Хэнди в своей книге *«Неблагоразумный возраст»* замечает: «Необходимость может быть

матерью изобретения, а любознательность — матерью открытия».

В детстве мы были страшно любопытны. Мы спрашивали обо всем, и сами давали ответы, придуманные нами же. У взрослых любопытство вдруг резко куда-то исчезает. Фраза «пустое любопытство» предполагает, что подобное времяпрепровождение — в отличие от полезного знания — суть слабость, бесцельная трата времени. Любопытство часто смиряется ложной скромностью («Никогда не смогу понять, как работать с компьютером») или ссылкой на недостаток времени («Хотел бы научиться готовить, да времени совсем нет. Хотя, впрочем, жена готовит так хорошо, что займусь-ка я лучше чем-нибудь другим...») Иногда страх, замаскированный под так называемый «здоровый смысл», не дает вам окунуться с головой в новое дело или поехать в неизведанный район — а ведь в молодости вы непременно бы так и поступили!

Мало-помалу взрослый человек очерчивает вокруг себя множество границ, за пределы которых невозможно продвинуться в своем развитии. Мы бессознательно создаем «зону комфорта»: в ней мы чувствуем себя в безопасности и боимся высунуть из нее нос. Выйти из зоны комфорта становится все труднее и труднее, границы нашего существования утверждаются незыблемо. Зона комфорта превращается в рутину жизни — специфический набор приемлемых людей, мест, вещей, мыслей, которые становятся нашей жизненной территорией.

Утратив любознательность, мы утрачиваем и способность к творчеству. Жизнь, в которой каждое событие запрограммировано, не дает пищи для творчества, не дает новых идей, способных «подкормить» творческий дух. Поглотившая нас рутина не позволяет встречаться с новыми людьми или хотя бы слышать о новых веяниях. Она не поставляет новой информации и поэтому не способна навести вас на блестящую мысль.

Представьте себе, как бы выглядел наш мир, если бы в свое время некоторые люди не проявили любопытства:

- Если бы Ньютон, поглядев на упавшее яблоко, просто вяло подумал: «Что это было?», то кто открыл бы Закон всемирного тяготения?
- Если бы бактериолог Александр Флеминг после того, как уронил немного хлебной плесени в бактериальную культуру, просто помыл все чашки Петри в своей лаборатории и из любопытства не заглянул в микроскоп, то кто открыл бы пенициллин?
- Если бы любопытство Эдвина Лэнда не было подстегнуто нетерпением его трехлетней дочери в ожидании изготовления снимков, то кто изобрел бы моментальную фотографию?
- Если бы Питер Ходжсон согласился с мнением всего научного мира, что компания «General Electric» ничего не сможет сделать с необычным кремниевым соединением, то разве имели бы мы сейчас изделия из силикона?
- Если бы Перси Спенсер, постояв перед работающей радарной установкой и обнаружив в кармане растаявшую шоколадку, просто отнес бы испачканные брюки в чистку, то кто создал бы микроволновую печь?
- Если бы инженер ВМС США Ричард Джеймс не обратил внимания на поведение брошенной плоской пружины, то поколения детей были бы лишены радости игры в спинки (разноцветные пружинки из мягкой пластмассы, способные «передвигаться»)!

Понять суть любопытства помогает образ воронки: в горлышке воронки находится вся масса информации, накопленная вами в течение жизни. Она отфильтрована в вашем сознании и доступна при необходимости. Это есть *то, что я знаю*.

В широкой части воронки находится та информация, о которой вы знаете только то, что она существует, но ее предстоит изучить, чтобы внести в свою базу данных. Это есть *то, что я знаю, что этого я не знаю*.

Выше воронки и далее во всем пространстве космоса находится огромнейшая масса информации, о которой вы не имеете ни малейшего представления. Это все знание и вся мудрость Вселенной. Это есть *то, про что я не знаю, что этого я не знаю*.

Любознательность — это процесс исследования того, что находится выше горлышка воронки. Чем больше информации протекает через воронку, тем эффективнее подпитывается дух творчества.

...Подобно любопытству, открытость всему новому есть жизненно важное средство поддержания творческого духа, так как именно такая открытость позволяет нам воспринимать новые идеи и включать их в сферу своего мышления. Если вы будете всегда придерживаться старых проверенных представлений, то вы никогда не сможете выйти за установленные рамки.

Открытость ведет нас на тот перекресток, где встречаются творчество и новаторские идеи. Творческие натуры открыты для новых представлений, людей, мест, вещей. Творчество расцветает, когда питается мыслями других людей. Если вы отвергаете, осмеиваете или игнорируете чужие мысли, то вы никогда не сможете выйти из своей зоны комфорта и исследовать широкий мир за ее пределами.

По странной иронии судьбы, открытость новому дается людям заметно труднее, чем любознательность. Люди вроде бы и хотят что-то исследовать, но как только наталкиваются на новое понятие, которое им не нравится, они немедленно замыкаются и отвергают его; они отталкивают все новое, не допуская его до своего разума и сердца. Новые идеи подобны страшным снам: они непонятны и в то же время угрожают каким-то глубинным устоям наших верований и представлений и потому пугают. Говоря языком конкретных цифр, человеку требуется в среднем только десять секунд, чтобы начать высказывать причины, по которым новое не будет работать.

Вспомните, когда вы в последний раз повстречались с чем-то ранее неизвестным, попробовали новое блюдо экзотической кухни, посетили незнакомое место? Скажите, вы восприняли это или сразу же отвергли только потому, что эти явления не смогли вписаться в вашу зону комфорта?

Открытость новому проявляется также и в способности распознавать счастливые совпадения в жизни. Закрытый ум часто проходит мимо судьбоносных встреч и событий, которые могут впоследствии обернуться откры-

тиями и изобретениями. (В следующей главе обратите внимание на рассуждение о синхронности.)

...Творчество требует риска. Без желания рисковать большинство творческих начинаний закончились бы крахом. Писатель рискует, когда отдает свое произведение в печать и отправляет в торговую сеть; художник рискует, выставляя свои картины; актер рискует, выходя на сцену. Предприниматель рискует своим капиталом и репутацией, начиная новый проект.

Риск тесно связан с зоной комфорта. Если вы терпимо относитесь к риску, то вы позволяете себе покидать зону комфорта и выходить в широкий мир, где вас ждут новые встречи, идеи, информация. Если вы боитесь рисковать, то постоянно пребываете в зоне комфорта, недоступной для потенциальных проблем, которые могут подвигнуть вас на какие-нибудь эксперименты. Творческий риск можно поделить на несколько категорий:

Прыжок в темноту. Этот тип риска ощущается инстинктивно, на уровне кишечного тракта. Он возникает при таких видах деятельности, которые способствуют выделению адреналина, например, различные спортивно-авантюрные предприятия (прыжки) с парашютом или сплав по реке на плоту) и общественная деятельность (публичные выступления).

Искушение судьбы. Вы вроде и хотите сотворить нечто новое, но ранее вы уже потерпели фиаско на этом поприще и потому считаете, что изначально обречены на неудачу. Даже если разум убеждает вас в том, что бояться нечего, душа продолжает твердить свое.

Все поставить на карту. Этот вид риска связан с возможностью в результате творческой попытки получить или потерять большие деньги. Люди, не склонные рисковать, предпочитают вкладывать деньги консервативно, но есть и любители высоких ставок.

Стать посмешищем. Этот вид риска связан с боязнью стать объектом осмеяния или осуждения. Многие творческие предприятия связаны с необходимостью выставлять свою работу на суд публики. Любители риска относятся к этому спокойно, но те, кто не любит рисковать, робеют.

Даже крупные компании иногда рискуют, а иногда стараются избежать риска. Так, корпорация «*Apple Computer*» довольно смело разработала и внедрила совершенно новую систему, шедшую вразрез с традиционным подходом, однако несколько позже проявила излишний консерватизм, отказав в праве другим производителям совершенствовать операционную систему *Macintosh*. Стремление «*Apple Computer*» защитить созданную ими операционную систему побудило компанию «*Microsoft*» разработать конкурирующую под названием *Windows*, которая впоследствии и захватила рынок персональных компьютеров.

...И наконец, последнее качество, необходимое для поддержания духа творчества — **энергичность**. Энергия — это искра зажигания для вас. Без достаточной *умственной* энергии результаты вашего творчества могут пострадать от недостатков, порожденных неверными рассуждениями и ущербным мышлением, и как следствие, не будут внедрены в жизнь. Без достаточной *физической* энергии ваши творческие идеи так и будут пылиться на полке. В некотором смысле все творчество есть энергия, поскольку идеи, составляющие ваше творческое мышление, суть набор электрических импульсов вашего мозга. Без энергии волн мозга творчество невозможно.

Термином «энергия» определяется также степень страсти, которую вы вкладываете в творчество. Если вы увлечены проектом или вносите много личного в порученное вам дело, то чувствуете ответственность и воодушевление. Вы способны сконцентрировать именно ту энергию, которая необходима для выполнения работы, и это воздается вам сторицей. Чем больше вы любите свое дело, тем больше энергии ему отдаете и тем более творческим оно становится. Если вы не энергичны, то весь процесс превращается в борьбу и творчество умирает.

Доктор Михали Шикшентмихали из Чикагского университета определил состояние высокой энергии как критическую составляющую интеллектуального и творческого успеха. В результате сложнейших исследований он пришел к выводу, что человек выполняет работу более успешно, если входит

в состояние, близкое к тому, что испытывает пловец, подхваченный водным потоком. Когда человек находится «на гребне волны», его энергетический уровень очень высок, и это способствует обострению его мышления и собранности. Человек в таком состоянии не нуждается в передышке, не знает сомнений, он действует как бы инстинктивно.

Подумайте, что вы умеете делать по-настоящему хорошо: в спорте, в искусстве, в музыке, в чем-то ином... В такие моменты, когда вы увлечены предметом своей деятельности, вас подхватывает течение, и вы способны реагировать и отвечать только на то, что необходимо — без сознательного осмысления.

Достижение такого состояния является важным элементом творчества. Вы как бы сливаетесь со своим делом, вы полностью поглощены работой, вы не совершаете ошибок, вы продуктивны и полны вдохновения.

Б. Додонов

Эмоция как ценность¹³

Как известно, существует два вида оценивания действительности: эмоциональное и рациональное, словесное. Словесные оценки «хорошо — плохо», «опасно — неопасно», «красиво — некрасиво» и т. д. выступают как мера ценности предметов, событий, поступков. Иначе обстоит дело с эмоциональными переживаниями человека. Обозначая ценность определенных явлений действительности, они и сами являются своеобразными ценностями. Люди поэтому могут не только любить кого-то, но, как отмечали, например, Байрон и Толстой, любить самое любовь, переживания любви. При этом ценность эмоций может быть как опосредованной убеждениями человека моральной ценностью, так и непосредственной ценно-

---

¹³ Популярная психология: хрестоматия для студентов пединститутов / Сост. В.В. Мироненко. – Москва : Просвещение, 1990. – С 334–338

стью, уходящей своими корнями в природную потребность организма в эмоциональном насыщении.

Когда поэт, обращаясь к судьбе, восклицает: «Пошли мне бури и не-настья, но от покоя сохрани!» — он подчеркивает прежде всего моральную ценность эмоций, противопоставляя их преступному равнодушию. Но эмоции желанны для нас и помимо всякой своей ценности как регулятора морального поведения. Если человека долго ничего не волновало, не тревожило, он начинает испытывать настоящий эмоциональный голод. Как и всякая другая неудовлетворенная потребность, эмоциональный голод имеет свое специальное эмоциональное выражение. Это хорошо известное всем чувство скуки, которое человек испытывает, когда ему нечем заняться или когда он занимается однообразной работой, не доставляющей ему необходимого разнообразия переживаний. Эмоциональный голод не просто неприятен — он мешает нормальному развитию человеческого организма в период детства и губительно действует на него в зрелом возрасте.

К эмоциональному насыщению неосознанно стремятся даже животные, однако лишь у людей потребность в эмоциях становится индивидуально дифференцированной и прочно связывается с процессами определенной деятельности, осознаваясь как склонность к ней. Так природная необходимость эмоций не только для ориентации организма, но и для его нормального развития и функционирования приобретает чисто человеческий статус самодовлеющей ценности.

То, что человеческие эмоции одновременно выступают в роли оценки и в роли ценности, не означает, что эти две их роли нераздельны. Напротив, в каждой из двух своих ипостасей эмоция бывает представлена также и в двух разных системах отношений. Первая система — это отношение субъекта деятельности к ее целям, промежуточным результатам и разного рода обстоятельствам, облегчающим или затрудняющим их достижение. Вторая — его же отношение к самой деятельности. Поясним сказанное на довольно простом примере. Скажем, кто-либо из наших читате-

лей любит в свободное время поиграть в шахматы. Каждый раз как он садится за доску с тем или иным интересным для него партнером, он мечтает выиграть. Выигрыш выступает для него как ценность и цель, само же эмоционально окрашенное желание выиграть — как оценка значимости той цели, которую человек поставил перед собой уже в начале игры. Чем значимее цель, тем больше желание ее достигнуть.

Выигрыш у сильного партнера способен поднять шахматиста в собственных глазах и в глазах других игроков выше, чем выигрыш у слабого, поэтому и желание в первом случае сильнее. Но вот началась игра. Создалась острая и сложная позиция с обоюдными шансами. К желанию выиграть присоединяются теперь волнение и особое интеллектуальное чувство проблемной ситуации, своеобразное «когнитивное страдание». Эта эмоция — тоже оценка, отражающая сложность позиции. Если в то время, когда игрок обдумывает ход, раздается посторонний шум, он, возможно, вызовет у шахматиста раздражение, то есть невербальную (несловесную) отрицательную ситуацию, которая мешает ему сделать правильный ход и тем самым достичь необходимого промежуточного результата.

Но вот играющему удалось хорошо разобраться в позиции, выработать многообещающий план дальнейшей игры, который, как он надеется, приведет его к победе. В этом случае он испытывает радость как оценку удачного решения проблемы, а возможно, и гордость — как оценку своих способностей. Если же вскоре выясняется, что его расчет оказался ошибочным, это будет оценено эмоцией разочарования, а если план сорвется из-за простой небрежности, например неудачной перестановки ходов, игрок испытает досаду. Однако не все еще потеряно, игра продолжается, а в процессе ее шахматист продолжает испытывать множество новых разнообразных переживаний-оценок, в том числе и немало эстетических от того или иного красивого хода как со своей стороны, так и со стороны противника (вот оно — «бескорыстие» эстетических эмоций!). Наконец, игрок может бурно обрадоваться, выиграв партию, или огорчиться и почувство-

вать себя уязвленным, проиграв ее. И все эти эмоции по отношению к цели игры будут не чем иным, как оценками.

Но нас заинтересовал еще один вопрос: сел ли данный человек за доску только ради самоутверждения или у него был и другой мотив? Такой мотив безусловно существовал, более того, в данном случае он скорее всего был даже основным, поскольку речь идет об игре, а не о продуктивной деятельности. Таким мотивом было удовольствие от игры. Из чего же оно сложилось? Да из тех же самых переживаний, которые рождало у шахматиста оценивание определенных ситуаций и эффектов его деятельности в данный момент. Но поскольку субъекта побуждало к игре желание получить удовольствие от нее, то последнее и все, стало быть, составляющие его конкретные переживания в системе отношений «субъект — деятельность» выступали уже как ценности. На основании этого примера и подобных ему мы делаем вывод, что человек не безразличен не только к результатам деятельности, к той пользе, которую она приносит, но и к ее эмоциональному содержанию.

В зависимости от того, в какой роли мы рассматриваем эмоцию, меняются и многие другие ее характеристики. Так, отрицательные эмоции, выступая в качестве оценок, всегда отталкивают субъекта от оцененной им ситуации или побуждают к ее преодолению, уничтожению. Они же в качестве ценностей могут иной раз не отталкивать, а притягивать личность к определенным занятиям. Интуитивно такую диалектическую двойственность эмоций очень верно подметил А. С. Пушкин, когда писал о Татьяне Лариной:

...Тайну прелесть находила

И в самом ужасе она:

Так нас природа сотворила,

К противоречию склонна.

Всякое наслаждение, понуждающее нас к деятельности, вообще никогда не состоит из одних положительных эмоций. «Музыка наслаждения» — это всегда сложная структура из разных эмоций «при таком их сочетании,

когда возникающие отрицательные переживания достаточно быстро «снимаются» положительными «Люблю накал борьбы, — написал в анкете один из опрошенных, нами студентов факультета физвоспитания Симферопольского университета, отвечая на вопрос, за что он любит спорт. Когда выходишь на финишную прямую, буквально задыхаешься от недостатка кислорода, в висках стучит, ноги не поднимаются, а темп бега все нарастает... Именно это я люблю. Если на соревнованиях не было спортивной борьбы на дистанции, я остаюсь неудовлетворенным от бега: не было тех ощущений, о которых мечтал, становясь на старт».

Каждый полет для абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу Владимира Мартемьянова, по его словам, «был наслаждение», и к самолету он поэтому спешил «с радостным волнением и нетерпением... как когда-то спешил на свидание с девушкой». И вот из чего складывалось это наслаждение: «Сначала бросаю самолет отвесно вниз. Высота предательски быстро теряется, а нужной скорости все нет. С ужасом понимаю: так можно лететь до самой земли — и все безрезультатно... Началась жестокая схватка с разжиженным жарой коварным испанским небом...» Великое наслаждение испытывал А. С. Пушкин, создавая свои творения. «И ведаю: мне будут наслаждения... — писал он, — порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь».

Не только спорт или поэзия, но и самый обыкновенный труд бывает мил людям за то, что он заставляет их переживать, волноваться, грустить, ликовать. Муки и радость творчества неразделимы и лишь в сочетании друг с другом приносят наслаждение творцу. Если эмоция в роли оценки выступает, говоря словами А. Н. Леонтьева, как «механизм движения деятельности», то есть выполняет служебную функцию, побуждая к деятельности ради «помеченной» ею ценности, то в качестве самостоятельной ценности она становится одним из мотивов деятельности. Следовательно, эмоция, выступая одновременно в двух ипостасях, двояким образом участвует и в обусловливании деятельности, в ее организации.

Знание, что эмоция постоянно выступает и как ценность, положительная или отрицательная (антиценность), позволяет глубже понять природу многих психологических явлений: склонностей, которые представляют собой человеческую потребность в определенных видах деятельности не только как в средствах достижения желанных целей, но и как в источниках желанных («ценных») переживаний, удовольствия от деятельности, и конкретно исследовать состав последнего для каждого конкретного случая. Иногда искусствоведы прямолинейно считают, что мажорность или минорность стиля писателя, грустный или веселый тон его произведений определяется его характером. «Пессимист, меланхолик,— пишет, например, Л.А. Зеленев, — на все откликается грустной нотой; художник с оптимистическим складом характера тяготеет к созданию образов, звучащих мажорно».

На самом же деле не все так просто. Тон творчества в гораздо большей мере определяют не те эмоции, которые чаще всего испытывает художник, а те, которые для него наиболее ценны. Подтверждение этому можно найти, например, в «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя: «На меня находили припадки тоски... Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать». О своем «невеселом и задумчивом характере» говорили и многие другие писатели, получившие известность как юмористы (Джером К. Джером, М. Зощенко и др.).

А. Курпатов

Средство от депрессии¹⁴

Депрессия в нашей жизни

Быть образованным человеком и не знать, что депрессия — это самый опасный враг нашей цивилизации, невозможно. Так что сейчас не-

---

¹⁴ Курпатов, А. Средство от депрессии / А. Курпатов. — СПб. : Издательский дом «Нева», 2003. — 256 с.

большой познавательный и небезынтересный, как мне представляется, культурный ликбез.

Иголка даже в стоге сена — это может быть больно!

Человечество постепенно справляется с бедностью и болезнями. Его экономическое благополучие последовательно улучшается (не так быстро, как бы того хотелось, но успехи в этой области все-таки никак нельзя отрицать). Политики вроде бы «научаются» договариваться, а точнее, поставлены в такие условия, что не могут не договориться. Коммунально-бытовые вопросы решаются с помощью фантастических подчас достижений современной науки. Даже телесные недуги — и те, благодаря фармакологии, новым технологиям, экспериментальной медицине, худо-бедно, постепенно сдают свои казавшиеся незыблемыми позиции. Иными словами, прогресс по всем статьям налицо!

Но беда, как известно, всегда приходит оттуда, откуда ее никто не ждет. И действительно, кому придет в голову, что при такой-то уникальной политической, экономической и социальной конъюнктуре основной проблемой, с которой человечество столкнется в самое ближайшее время, окажется проблема психической патологии? Никому и в голову не придет думать подобным образом! А следовало бы... Достаточно взглянуть в лицо фактам, и они заставят нас думать именно в этом направлении.

Удобная жизненная обстановка — единственное, что может нам дать наша цивилизация. — Оскар Уайльд

Более половины новых изобретаемых в мире лекарственных средств — психотропные препараты, а в частности — антидепрессанты. Что это значит? Буквально следующее: во-первых, проблема психических расстройств актуальна, и актуальности своей терять не желает, во-вторых, решить ее пока не удастся, поскольку, если бы решение было найдено, то в бесконечном изобретении новых психотропных препаратов не было бы никакой надобности.

Индийский принц Сиддхартха Гаутама, более известный как Будда, ознакомившись в VI веке до нашей эры с реалиями человеческого существования, — бедностью, болезнями и смертью, пришел к выводу: «Мир есть страдание». Однако мы, даже справляясь теперь с львиной долей этого «страдания», обнаруживаем, что страдания в нашем мире, как это ни парадоксально, не становится меньше. Даже напротив, количество страдания в нем только увеличивается, причем теперь не от столетия к столетию, а от года к году! Ученые отмечают неуклонный рост как тяжелых психических заболеваний (например, шизофрении), так и менее тяжелых, но от этого не менее неприятных, — неврозов, патологии личности и поведения.

Прошедший теперь уже XX век психологи называли «веком тревоги», и это оправдано. Войны, социальные потрясения, гонка вооружений, терроризм... Но теперь ученые авторитетно заявляют: по мере улучшения жизни людей количество страдающих депрессией будет только увеличиваться! Значит, дело не в условиях жизни человека, а в каких-то психических механизмах, закономерностях функционирования нашего психического аппарата, которые действуют вопреки всяким нашим разумным, как кажется на первый взгляд, ожиданиям...

Механизмы депрессии

Что ж, теперь мы, в общих чертах, знакомы с депрессией. Но прежде чем перейти к разбору ее симптомов, нам необходимо конкретизировать некоторые моменты, а именно — те психические механизмы, которые создают нашу депрессию. Тем, кто уже читал мою книгу «Как избавиться от тревоги, депрессии и раздражительности», они хорошо известны, поэтому здесь я позволю себе быть кратким.

Первый психический механизм, участвующий в образовании депрессии, принцип, по которому работает наш мозг и в норме, называется «принципом доминанты». Он открыт нашим замечательным физиологом, профессором петербургского университета Алексеем Алексеевичем Ухтом-

ским. Суть принципа доминанты состоит буквально в следующем: когда возбуждается какой-то центр мозга, он постепенно оказывается доминирующим и подавляет (тормозит) работу других центров мозга. Более того, возбуждение, возникающее в этих недоминантных центрах, перенаправляется на поддержание и усиление господствующего центра.

Иными словами, при депрессии возникает почти патовая ситуация! У человека формируется «депрессивная доминанта» (система функционирования нашего мозга с соответствующими реакциями, ответами, взаимосвязями, депрессивными мыслями и т. д., и т. п.). А другие центры мозга при этом, напротив, тормозятся, и даже больше того — отдают свое возбуждение разрастающейся депрессии. Человек, страдающий депрессией, оказывается в своеобразном замкнутом круге именно из-за принципа доминанты. Если мы пытаемся его развеселить, ему становится еще хуже. Если мы пытаемся его отвлечь, он с удивительным (но не для физиолога или психотерапевта!) упорством возвращается к своим прежним идеям и подавленности.

Проще говоря, после того, как человек зафиксировался на каком-то депрессивном переживании, оно — это переживание — начинает завоевательную тактику. И если депрессивный очаг организовался сначала в какой-то одной части мозга, то очень скоро он распространится и на прочие его отделы. Было «плохо» что-то, станет «плохо» все.

Доминанта депрессивного больного, словно черная дыра, сжирает все и вся и, несмотря на все усилия, только растет и увеличивается. Поэтому никакое лечение, кроме строго и научно обоснованного антидепрессивного — фармакологического и психотерапевтического, — не возымеет действия. А. А. Ухтомский любил говорить: «Мир таков, каковы наши доминанты». Каков «мир» у человека с депрессивной доминантой, должно быть понятно...

Второй психический механизм, играющий одну из наиважнейших ролей в развитии депрессии, — механизм «динамического стереотипа» (или, проще говоря, — привычки), открытый и научно обоснованный академиком Иваном Петровичем Павловым. Поскольку человек ко всему привыкает, то

он вполне способен привыкнуть и к своему депрессивному состоянию. А как известно, бороться с привычкой — дело неблагоприятное.

И вот окружающие говорят нам: «Да ерунда это все! Брось! Чего ты себя накручиваешь?! Не думай об этом!» А мы вроде бы с ними и согласны, но в голове все равно продолжается прежняя свистопляска — «все плохо, все плохо». Вы думаете, это случайность? Да? А яблоки падают на землю, «потому что они тяжелые», так? Нет, яблоки падают на землю, потому что на них действуют силы тяготения, а депрессия удерживается в нашей голове не сама по себе, а по механизму динамического стереотипа.

Привычка страдать может быть просто привычкой страдать, и это во все не обязательно депрессия. Но зато сам психологический механизм привычки может сыграть с нами злую шутку, если у нас развивается депрессия. Здесь возникает своеобразный порочный круг — мы впадаем в депрессию, свыкаемся с этим, а потом уже не в силах из нее выйти. Более того, если депрессия у нас возникла однажды, и мозг научился быть «депрессивным», то в последующем риск возникновения депрессии у нас существенно возрастает. Если есть заготовленный шаблон, то под него всегда проще подогнать новые обстоятельства.

И самое во всем этом ужасное, что природа, как мы уже знаем, предусмотрела биологический механизм защиты нашей привычки от изменений. Потому всякий раз, когда мы будем пытаться переломить эту свою патологическую склонность к печали и тоске, мозг будет автоматически сопротивляться этим попыткам, генерируя тревогу и внутреннее напряжение, словно бы желая наказать нас за попытки изменить устоявшееся в нашем мозгу положение дел. Поскольку же депрессия и возникала для этих целей, то есть для того, чтобы мы справились с разрушительной силой тревоги, то подобные реакции нашей психики только усиливают депрессивные реакции.

Наконец, **третий основополагающий психический механизм**, который верховодит нами в состоянии депрессии, связан со спецификой того, что

называется языком (или речью). Мы обычно думаем, что сознание — это «ясный рассудок», а бессознательное — это «темные силы». В каком-то смысле это действительно так, однако у сознания с бессознательным очень непростые отношения, я бы даже сказал — сложно организованные, коррумпированные связи. Собственно эти связи открыл опять же российский ученый, выдающийся исследователь психологии человека — Лев Семенович Выготский.

Хочется думать, что мы — существа разумные, а наше сознание в полной мере руководит нашим подсознанием. Блажен, кто верует, и еще он не застрахован от развития тяжелой депрессии, поскольку ситуация на самом деле здесь прямо противоположная. Это не сознание руководит нашим подсознанием, а подсознание, будь оно неладно, руководит нашим сознанием. Сознание послушно исполняет все инструкции, исходящие «снизу», и, мало того, еще желает перед этим «низом» выслужиться. А потому, если в подкорке сидит негативная эмоция, сознание не станет убеждать нас в том, что все прекрасно. Напротив, оно будет всеми возможными способами возвращать и пестовать пессимистическую, депрессивную идеологию.

Наши эмоции «квартируют» именно в бессознательном. Сознанию же остается лишь принять их настрой, а в случае депрессии он соответствующий. Это мы, сами того не подозревая, вынуждены будем кляузничать на свою жизнь, стряпать депрессивные пасквили по поводу «несправедливости мира», собственной «несостоятельности», «бесперспективности будущего» и т. д., и т. п.

И потому подобные речи в устах человека, страдающего депрессией, отнюдь не случайность и, по большому счету, не являются его мнением. Это мнение его депрессии, а его собственное в этот момент просто отсутствует. Подсознание диктует нам соответствующие речи, а наше сознание является лишь их выразителем. Но каким способным, каким одаренным и каким ретивым исполнителем оно в этом случае оказывается! Дух захватывает! Слы-

шать то, что говорит человек, заполучивший депрессию, и не восхищаться возможностями «идеологии» и «пропаганды», просто нельзя!

Вот такой хитрый и хищный зверь — депрессия. И я никому не советовал бы ее недооценивать.

Как избавиться от депрессивных мыслей или степь да степь кругом...)

После того как мы нашли корень зла, после того как мы поняли, что за тревога лежит в основании нашей депрессии, и изменили свое отношение к тому травмирующему нас событию, которое вызвало у нас эту тревогу, необходимо приступить к борьбе с самой депрессией. Тревога и стресс — это не равномерная нагрузка на наш организм, они не просто завоевывают нас, они осуществляют чудовищные по своим последствиям разорительные набеги, словно какие-то хазары или татаро-монгольские полчища.

Мозг человека — это электрическая система, все, что мы с вами думаем и чувствуем, имеет в нем свой материальный субстрат, и этот субстрат — психическое электричество. Тревога в ряду наших переживаний — самый интенсивный, самый мощный скачок напряжения в психической «электросети». Но, как мы с вами знаем, перепады и в обычной электросети — штука опасная: могут и пробки вылететь, и замыкание случиться. Наша психическая электростанция не составляет исключения из этого правила. Вот и возникает у организма необходимость сгладить подобные колебания, утопить возникающие благодаря тревоге пики напряжения.

От самого этого напряжения нашему организму, конечно, никуда не деться. Это только мы с вами, с помощью сознания и здравого рассуждения, можем снять проблему, если понизим ее ставки, а наш организм защищается иначе, он погружает кривую этого графика (где каждый пик — это залп тревоги) в слой своеобразной ваты. Тут-то и выходит на

сцену депрессия, которая, словно снег, застигает, скрадывает эти злосчастные пики. По сути дела депрессия выполняет защитную функцию, она спасает организм от разрушительной силы, но депрессия не способна ликвидировать тревогу, она ее только прячет.

Если вы помните рассказы барона Мюнхгаузена, то подобное сравнение должно быть вам понятно. Одна из историй знаменитого выдумщика посвящена тому, как целую ночь он ехал по заснеженной степи, но так и не нашел места, где можно было бы остановиться на ночлег. Спешившись, он улегся прямо на дороге, а свою лошадь привязал к какому-то колышку, торчащему от земли. Проснувшись, Мюнхгаузен обнаружил, что этим колышком был крест на куполе готической церкви. «Весь город, — поясняет барон, — этой ночью занесло снегом, к утру снег растаял. Я оказался на тротуаре, а моя лошадь болталась на церковной башне».

Примерно тоже самое и происходит с нашим сознанием. Пики обуевающей нас тревоги подобны таким готическим церквям, купола которых словно выстреливают в небо. А депрессия, желая оградить нас от этих «выстрелов», заваливает все снегом, образуется степь. И теперь все, как в песне: «степь да степь кругом, путь далеко лежит, в той степи глухой...» замерзает человек, оказавшийся в холодном плену своей депрессии. По ощущениям ему, конечно, становится легче, он перестает чувствовать свою тревогу, свое напряжение. Но само по себе это напряжение никуда не исчезает, оно просто прячется, а потому подобное, с позволения сказать, «самолечение» ни к чему хорошему привести не может.

Но что же это за снег, застилающий собой тревогу? Тут все просто, это внутренняя речь — то, что человек думает во время своей депрессии. И потому теперь перед нами задача расчистить возникшие снежные (читай — словесные) завалы, которые буквально парализуют всякую нашу активность, лишают нас возможности справляться со своим внутренним напряжением и превращают острую тревогу в хроническую, депрессию.

Холодный плен

Как мы помним, депрессия — это «выученная беспомощность». До тех пор пока мне кажется, что я могу спастись бегством от своих проблем, до тех пор пока мне кажется, что у меня «есть выход», я тревожусь. Когда же я решаю (сам для себя), что «выхода нет», «спасения нет», а главное, что в нем — в этом спасении — нет никакого смысла, я «успокаиваюсь». Разумеется, подобное успокоение — чистой воды фикция и толку от него немного, а где-то глубоко внутри меня самого все равно бушует вулканическая лава внутреннего напряжения, но на безрыбье, как известно...

Так что я, сам того, конечно, не понимая, начинаю формировать в себе состояние безысходности, буквально убеждая себя в том, что «все плохо», что я собой «ничего не представляю» и что «будущего у меня нет». После того как такая внутренняя депрессивная идеология в моей голове сформирована, я оставляю всякие надежды, а главное — желание спастись и спастись. Этот момент — ключевой в развитии депрессии. Мне на мгновение становится легче, я думаю: «Ну и черт с ним! Ну и гори все синим пламенем! Только оставьте меня в покое...» — и замыкаюсь.

Началась аудиенция: я один на один со своей депрессией, со своими мыслями на депрессивные темы. А тем этих, как уже было заявлено, три. Не густо, но зато краски ядерные (черные, очень черные и черные — хоть глаз выколи), а потому, в целом, картина у меня получается живописующая, точнее — живописующая о безжизненности.

И очень скоро я привыкаю так думать (ведь мне стало легче, когда я начал подобную пропаганду, и это «легче» оказалось тем роковым положительным подкреплением, которое закрепило эту привычку). Моя депрессивная идеология постепенно становится моей проповедью и отповедью — «все плохо». И не убеждайте меня в обратном, я все равно не поверю!

Сейчас, с вашего позволения, я скажу пару слов от лица психотерапевта. Когда я говорю с человеком, страдающим депрессией, мне иногда начинает казаться, что он ни за что на свете не откажется от своих пессимистичных утвер-

ждений. И это понятно, ведь если он признается в том, что все его депрессивные мысли — чушь собачья, ему предстоит столкнуться с реальной жизнью, от которой он, благодаря своей депрессии, так успешно сбежал.

Теперь он укрылся в замке снежной королевы, он играет с кристаллами льда — со своими депрессивными мыслями. Он отвык от мира, где есть солнце. Ему уже не хочется покидать место своего заточения, тем более что осуществленный им побег (или арест, которому его подвергла депрессия) не был случаен. В мире, где есть солнце, случаются и грозы, и пожары, в нем действительно не все и не всегда спокойно. Но все-таки согласитесь, это не повод отказываться от реальности и отдавать себя на откуп подавленности.

Так или иначе, но сценарий побега нам известен: надо признать жизнь «отвратительной», убедить себя в собственной «несостоятельности» (или неспособности изменить что-либо к лучшему) и, наконец, объявить будущее вне закона. Такая «игра в слова» — излюбленное занятие людей, находящихся в депрессии.

На заметку

Вступая в борьбу со своей депрессией, помните о двух правилах. Во-первых, и это может показаться странным, мы не должны верить себе, когда мы находимся в депрессии. Наши депрессивные мысли — мысли, навязанные нам депрессией, — это, по большому счету, ее мысли, а не наши. Во-вторых, если у нас уже развилась депрессия, мы сами себя предали, мы становимся союзниками своей депрессии. С одной стороны, депрессивное отношение к миру входит у нас в привычку, а с привычкой, как известно, бороться трудно, и потому в нас будет масса всяческого оппортунизма. С другой стороны, отказ от депрессивной идеологии выталкивает нас обратно в мир, из которого мы, собственно говоря, и бежали посредством своей депрессии, как г-н Керенский — в противоестественном для себя обличье. Разумеется, нам неловко и страшно возвращаться, но что поделать, надо, причем очень! Так что не верьте своей депрессии, не потакайте своей лени, помните — вам нужно выбираться из того снежного заноса, в котором вы оказались.

С.Л. Рубинштейн

Темперамент и характер¹⁵

Потребности, интересы и идеалы, вообще установки и тенденции личности определяют, что хочет человек, его способности — что он может. Но остается еще вопрос о том, что же он есть — каковы основные, стержневые, наиболее существенные свойства человека, которые определяют его общий облик и его поведение. Это вопрос о характере. Тесно связанный с направленностью личности, характер человека вместе с тем имеет своей предпосылкой его темперамент. Темперамент и характер отличны, и вместе с тем тесно связаны друг с другом. Их научное изучение шло не совпадающими, но неоднократно скрещивающимися путями.

Учение о темпераменте

Говоря о темпераменте, обычно имеют в виду в первую очередь динамическую сторону личности, выражающуюся в импульсивности и темпах психической деятельности. Именно в этом смысле мы обычно говорим, что у такого-то человека большой или небольшой темперамент, учитывая его импульсивность, стремительность, с которой проявляются у него влечения, и т. д. Темперамент — это динамическая характеристика психической деятельности индивида.

Для темперамента показательна сила психических процессов. При этом существенна не только абсолютная сила их в тот или иной момент, но и то, насколько она остается постоянной, т. е. степень динамической устойчивости. При значительной устойчивости сила реакций в каждом отдельном случае зависит от изменяющихся условий, в которых оказывается человек, и

---

¹⁵ Психология индивидуальных различий: хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. — Москва : ЧеРо, 2000. — 776 с. — С. 40–69

адекватна им: более сильное внешнее раздражение вызывает более сильную реакцию, более слабое раздражение — более слабую реакцию. У индивидов с большей неустойчивостью, наоборот, сильное раздражение может — в зависимости от очень изменчивого состояния личности — вызвать то очень сильную, то очень слабую реакцию; точно так же и самое слабое раздражение может иногда вызвать и очень сильную реакцию; весьма значительное событие, чреватое самыми серьезными последствиями, может оставить человека безразличным, а в другом случае ничтожный повод даст бурную вспышку: реакция в этом смысле совсем неадекватна «раздражителю».

Психическая деятельность одной и той же силы может отличаться различной степенью напряженности в зависимости от соотношения между силой данного процесса и динамическими возможностями данной личности. Психические процессы определенной интенсивности могут совершаться легко, без всякого напряжения у одного человека в один момент и с большим напряжением у другого человека или у того же человека в другой момент. Эти различия в напряжении скажутся в характере то ровного и плавного, то толчкообразного протекания деятельности.

Существенным выражением темперамента является, далее, скорость протекания психических процессов. От скорости протекания психических процессов нужно еще отличать их темп (количество актов за определенный промежуток времени, зависящее не только от скорости протекания каждого акта, но и от величины интервалов между ними) и ритм (который может быть не только временным, но и силовым). Характеризуя темперамент, надо опять-таки иметь в виду не только среднюю скорость протекания психических процессов. Для темперамента показательна и свойственная данной личности амплитуда колебаний от наиболее замедленных к наиболее ускоренным темпам. Наряду с этим существенное значение имеет и то, как совершается переход от более медленных к более быстрым темпам или наоборот — от более быстрых к более медленным: у одних он совершается, более или менее ровно и плавно нарастая или спадая, у других — как бы рывками, не-

равномерно и толчкообразно. Эти различия могут перекрещиваться: значительные переходы в скорости могут совершаться путем плавного и равномерного нарастания, а с другой стороны, относительно менее значительные изменения в абсолютной скорости могут совершаться порывистыми толчками. Эти особенности темперамента сказываются во всей деятельности личности, в протекании всех психических процессов.

Основное проявление темперамента очень часто ищут в динамических особенностях «реакций» человека — в том, с какой силой и быстротой он действительно реагирует на раздражения. Действительно, центральными звеньями в многообразных проявлениях темперамента являются те, которые выражают динамические особенности не отдельно взятых психических процессов, а конкретной деятельности в многообразных взаимосвязях различных сторон ее психического содержания. Однако сенсомоторная реакция никак не может служить ни исчерпывающим, ни адекватным выражением темперамента человека. Для темперамента особенно существенны впечатлительность человека и его импульсивность.

Темперамент человека проявляется прежде всего в его впечатлительности, характеризующейся силой и устойчивостью того воздействия, которое впечатление оказывает на человека. В зависимости от особенностей темперамента впечатлительность у одних людей бывает более, у других менее значительной, у одних как будто кто-то, по словам Горького, «всю кожу с сердца содрал», до того они чувствительны к каждому впечатлению; другие — «бесчувственные», «толстокожие» — очень слабо реагируют на окружающее. У одних воздействие — сильное или слабое, — которое оказывает на них впечатление, распространяется с большой, у других с очень малой скоростью в более глубокие слои психики. Наконец, у различных людей в зависимости от особенностей их темперамента бывает различна и устойчивость впечатления: у одних впечатление — даже сильное — оказывается очень нестойким, другие длительно не могут от него освободиться. Впечатлительность — это всегда индивидуально различная у людей разного темперамента

аффективная чувствительность. Она существенно связана с эмоциональной сферой и выражается в силе, быстроте и устойчивости эмоциональной реакции на впечатления.

Темперамент сказывается в эмоциональной возбудимости — в силе эмоционального возбуждения, скорости, с которой оно охватывает личность,— и устойчивости, с которой оно сохраняется. От темперамента человека зависит, как быстро и сильно он загорается и с какой скоростью затем угасает. Эмоциональная возбудимость проявляется, в частности, в настроении, повышенном вплоть до экзальтации или пониженном вплоть до депрессии, и особенно в более или менее быстрой смене настроений, непосредственно связанной с впечатлительностью.

Другим центральным выражением темперамента является импульсивность, которая характеризуется силой побуждений, скоростью, с которой они овладевают моторной сферой и переходят в действие, устойчивостью, с которой они сохраняют свою действенную силу. Импульсивность включает обуславливающую ее впечатлительность и эмоциональную возбудимость в соотношении с динамической характеристикой тех интеллектуальных процессов, которые их опосредуют и контролируют. Импульсивность — та сторона темперамента, которой он связан со стремлением, с истоками воли, с динамической силой потребностей как побуждений к деятельности, со скоростью перехода побуждений в действие.

Темперамент находит себе особенно наглядное выражение в силе, а также скорости, ритме и темпе всех психомоторных проявлений человека — его практических действий, речи, выразительных движений. Походка человека, его мимика и пантомимика, его движения, быстрые или медленные, плавные или порывистые, иногда неожиданный поворот или движение головы, манера вскинуть взгляд или потупить взор, тягучая вялость или медлительная плавность, нервная торопливость или мощная стремительность речи открывают нам какой-то аспект личности, тот динамический ее аспект, который составляет ее темперамент. При первой же встрече, при кратковремен-

ном, иногда даже только мимолетном соприкосновении с человеком мы часто сразу по этим внешним проявлениям получаем более или менее яркое впечатление о его темпераменте.

С древности принято различать четыре основных типа темпераментов: холерический, сангвинический, меланхолический и флегматический. Каждый из этих четырех темпераментов может быть определен соотношением впечатлительности и импульсивности как основных психологических свойств темперамента. Холерический темперамент характеризуется сильной впечатлительностью и большой импульсивностью; сангвинический — слабой впечатлительностью и большой импульсивностью; меланхолический — сильной впечатлительностью и малой импульсивностью; флегматический — слабой впечатлительностью и малой импульсивностью. Таким образом, эта «классическая» традиционная схема темпераментов естественно вытекает из соотношения основных признаков, которыми мы определяем темперамент, приобретая при этом соответствующее психологическое содержание. Дифференциация как впечатлительности, так и импульсивности по силе, скорости и устойчивости, выше нами намеченная, открывает возможности для дальнейшей дифференциации темпераментов.

Физиологическую основу темперамента составляет нейродинамика мозга, т. е. нейродинамическое соотношение коры и подкорки...

...Решающее значение имеет в конечном счете не динамика подкорки сама по себе, а динамическое соотношение подкорки и коры, как это подчеркивает И.П. Павлов в своем учении о типах нервной системы.

В основу своей классификации типов нервной системы И.П. Павлов положил три основных критерия, а именно: силу, уравновешенность и лабильность коры.

«Значение силы нервных процессов, — писал Павлов, — ясно из того, что в окружающей среде оказываются (более или менее часто) необычайные, чрезвычайные события, раздражения большой силы, причем, естественно, нередко возникает надобность подавлять, задерживать эффекты этих раздра-

жений по требованию других, так же или еще более могучих внешних условий. И нервные клетки должны выносить эти чрезвычайные напряжения своей деятельности. Отсюда же вытекает и важность равновесия, равенства силы обоих нервных процессов. А так как окружающая организм среда постоянно, а часто — сильно и неожиданно колеблется, то оба процесса должны, так сказать, поспевать за этими колебаниями, т. е. должны обладать высокой подвижностью, способностью быстро, по требованию внешних условий, уступать место, давать преимущество одному раздражению перед другим, раздражению перед торможением и обратно».

Исходя из этих основных признаков, Павлов в результате своих исследований над животными методом условных рефлексов пришел к выделению четырех основных типов нервной системы, а именно:

- 1) сильный, уравновешенный и подвижный — живой тип.
- 2) сильный, уравновешенный и инертный — спокойный, медлительный тип.
- 3) сильный, неуравновешенный с преобладанием возбуждения над торможением — возбудимый, безудержный тип.
- 4) слабый тип.

Деление типов нервной системы на сильный и слабый не ведет к дальнейшему симметрическому подразделению слабого типа, так же как и сильного, по остальным двум признакам уравновешенности и подвижности (лабильности), потому что эти различия, дающие очень существенную дальнейшую дифференциацию на сильном типе, на слабом оказываются практически несущественными и не дают реально значимой дифференциации.

Намеченные им типы нервных систем И.П. Павлов связывает с темпераментами.

Павлов сопоставляет четыре группы нервных систем и соответствующие им типы темпераментов, к которым он пришел лабораторным путем, с древней, от Гиппократовской идущей классификацией темпераментов. Он склонен отождествить свой возбудимый тип с холерическим, меланхолический с тор-

возможным, две формы центрального типа — спокойную и оживленную — с флегматическим и сангвиническим.

Основным доказательством в пользу той дифференциации типов нервной системы, которые он устанавливает, Павлов считает различные реакции при очень трудных встречах раздражительного и тормозного процессов...

...Учение Павлова о типах нервной деятельности имеет существенное значение для понимания физиологической основы темперамента. Правильное его использование предполагает учет того, что тип нервной системы является строго физиологическим понятием, а темперамент — это понятие психофизиологическое, и выражается он не только в моторике, в характере реакций, их силе, скорости и т. д., но также и во впечатлительности, в эмоциональной возбудимости и т. п.

Психические свойства темперамента, несомненно, теснейшим образом связаны с телесными свойствами организма — как с врожденными особенностями строения нервной системы (нейроконституции), так и с функциональными особенностями (мышечного, сосудистого тонуса органической жизнедеятельности). Однако динамические свойства деятельности человека несводимы к динамическим особенностям органической жизнедеятельности; при всем значении врожденных особенностей организма, в частности его нервной системы, для темперамента, они все же лишь исходный момент его развития, неотрывного от развития личности в целом.

Правильно отмечал И.П. Павлов вообще придававший, по-видимому, слишком большое значение типу нервной системы и ее прирожденным свойствам в поведении, что «образ поведения человека и животного обусловлен не только прирожденными свойствами нервной системы, но и теми влияниями, которые падали и постоянно падают на организм во время его индивидуального существования, т. е. зависит от постоянного воспитания или обучения в самом широком смысле этих слов». Темперамент — не свойство нервной системы или нейроконституции как таковой; он динамический аспект личности, характеризующий динамику ее психической деятельности. Эта ди-

намическая сторона, составляющая темперамент, взаимосвязана со всеми остальными сторонами жизни личности и опосредована всем конкретным содержанием ее жизни и деятельности; поэтому динамика деятельности человека и несводима к динамическим особенностям его жизнедеятельности, которая сама обусловлена взаимоотношениями личности с окружающими. Это с очевидностью обнаруживается при анализе любой стороны, любого проявления темперамента.

Так, сколь значительную роль ни играют во впечатлительности человека органические основы чувствительности, свойства периферического рецепторного и центрального аппарата, все же впечатлительность человека к ним несводима. Впечатления, которые воспринимаются человеком, вызываются обычно не изолированно действующими чувственными «раздражителями», а явлениями, предметами, лицами, которые имеют определенное объективное значение и вызывают со стороны человека то или тесное к себе отношение, обусловленное его вкусами, привязанностями, убеждениями, характером, мировоззрением. В силу этого самая чувствительность или впечатлительность и оказывается опосредованной и избирательной. Человек не равно впечатлителен по отношению к каждому впечатлению. Очень впечатлительный по отношению к одному, он может оказаться вовсе не впечатлительным к другому; в жизни постоянно приходится наблюдать, как заостренная впечатлительность или чувствительность сменяется у человека тупой бесчувственностью или даже совмещается с ней. При этом легкость, с которой впечатление откладывается, и устойчивость, с которой оно сохраняется, определяются, конечно, не одними сенсорными его качествами самими по себе и особенностями рецепторного аппарата, его воспринимающего, а всем тем, что определяет значимость впечатления для личности. Поэтому впечатлительность опосредуется и преобразуется потребностями, интересами, вкусами, склонностями и т. д. — всем отношением человека к окружающему, и зависит от всего жизненного пути личности.

Точно так же смена эмоций и настроений, состояний эмоционального подъема или упадка у человека зависит не только от тонуса жизнедеятельности организма. Изменения в тонусе несомненно тоже влияют на эмоциональное состояние, но тонус жизнедеятельности опосредован и обусловлен взаимоотношениями личности с окружающим и, значит, всем содержанием ее сознательной жизни. Все сказанное об опосредованной впечатлительности и эмоциональности всей сознательной жизнью личности относится еще в большей мере к импульсивности, поскольку импульсивность включает и впечатлительность, и эмоциональную возбудимость и определяется их соотношением с мощностью и сложностью интеллектуальных процессов, их опосредующих и контролирующих.

Несводимы к органической жизнедеятельности и действия человека, поскольку они представляют собой не просто моторные реакции организма, а акты, которые направлены на определенные предметы и преследуют те или иные цели. Они поэтому опосредованы и обусловлены во всех своих психических свойствах, в том числе и динамических, характеризующих темперамент, отношением человека к окружающему, целями, которые он себе ставит, потребностями, вкусами, склонностями, убеждениями, которые обуславливают эти цели. Поэтому никак нельзя свести динамические особенности действий человека к динамическим особенностям органической его жизнедеятельности, взятой в себе самой; сам тонус его органической жизнедеятельности может быть обусловлен ходом его деятельности и оборотом, который она для него получает. Динамические особенности деятельности неизбежно зависят от конкретных взаимоотношений индивида с его окружением; они будут одними в адекватных для него условиях и другими – в неадекватных. Поэтому принципиально неправомерны попытки дать учение о темпераментах, исходя лишь из физиологического анализа нервных механизмов вне соотношения у животных с биологическими условиями их существования, у человека — с исторически развивающимися условиями его общественного бытия и практической деятельности. Поэтому принципиально не-

правомерны также попытки определять темперамент динамическими свойствами «натуральной» реакции, изучая «природный» способ реагирования людей на внешние раздражители посредством хроноскопического измерения скорости и динамоскопического измерения интенсивности реакций вне всякого учета отношения человека к тому, что он делает. Этот способ изучения темперамента принадлежит в лучшем случае к той же ступени развития психологической науки, что и изучение памяти на материале бессвязных слогов. В истории науки это уже пройденный этап. Путь современной науки и ее будущего развития идет в другом направлении.

Динамическая характеристика психической деятельности не имеет самодовлеющего, формального характера; она зависит от содержания и конкретных условий деятельности, от отношения индивида к тому, что он делает, и к тем условиям, в которых он находится. Темпы моей деятельности будут, очевидно, различными в том случае, когда направление ее вынужденно идет вразрез с моими склонностями, интересами, умениями и способностями, с особенностями моего характера, когда я чувствую себя в чуждом мне окружении и в том случае, когда я захвачен и увлечен содержанием моей работы и чувствую, что нахожусь в созвучной мне среде.

Даже динамика выразительных движений человека не обусловлена только врожденными органическими особенностями темперамента, тонусом органической жизнедеятельности. Она обусловлена всем образом жизни человека, в которую тонус органической жизнедеятельности включается как зависимый момент.

Живость, переходящая в игривую резвость или развязность, и размеренность, даже медлительность движений, принимающая характер степенности или величавости в мимике, в пантомимике, в осанке, походке, повадке человека, обусловлены многообразнейшими условиями вплоть до нравов той общественной среды, в которой живет человек, и общественного положения, которое он занимает. Стилль эпохи, образ жизни определенных общественных слоев обуславливают в известной мере и темпы, вообще динамические осо-

бенности поведения представителей этой эпохи и соответствующих общественных слоев.

Идущие от эпохи, от общественных условий динамические особенности поведения не снимают, конечно, индивидуальных различий в темпераменте различных людей и не упраздняют значения их органических особенностей. Но, отражаясь в психике, в сознании людей, общественные моменты сами включаются во внутренние индивидуальные их особенности и вступают во внутреннюю взаимосвязь со всеми прочими их индивидуальными особенностями, в том числе органическими и функциональными. В реальном образе жизни конкретного человека, в динамических особенностях его индивидуального поведения тонус его жизнедеятельности и регуляция динамических особенностей его поведения, которая исходит из общественных условий (темпов общественно-производственной жизни, нравов, быта, приличий и т. п.), образуют неразложимое единство иногда противоположных, но всегда взаимосвязанных моментов. Регуляция динамики поведения, исходящая из общественных условий жизни и деятельности человека, может, конечно, иногда затронуть лишь внешнее поведение, не затрагивая еще саму личность, ее темперамент; при этом внутренние особенности темперамента человека могут находиться и в противоречии с динамическими особенностями поведения, которого он внешне придерживается. Но в конечном счете особенности поведения, которого длительно придерживается человек, не могут не наложить раньше или позже своего отпечатка — хотя и не механического, не зеркального, а иногда даже компенсаторно-антагонистического — на внутренний строй личности, на ее темперамент.

Таким образом, во всех своих проявлениях темперамент опосредован и обусловлен всеми реальными условиями и конкретным содержанием жизни человека. Говоря о том, при каких условиях темперамент в игре актера может быть убедительным, Вахтангов писал:

«Для этого актеру на репетициях нужно главным образом работать над тем, чтобы все, что его окружает в пьесе, стало его атмосферой, чтобы задачи

роли стали его задачами — тогда темперамент заговорит "от сущности". Этот темперамент от сущности — самый ценный, потому что он единственно убедительный и безобманный». Темперамент «от сущности» единственно убедителен на сцене потому, что таков темперамент в действительности: динамика психических процессов не является чем-то самодовлеющим; она зависит от конкретного содержания личности, от задач, которые человек себе ставит, и его потребностей, интересов, склонностей, характера, от его «сущности», которая раскрывается в многообразии наиболее существенных для него взаимоотношений с окружающим. Темперамент — пустая абстракция вне личности, которая формируется, совершая свой жизненный путь.

Будучи динамической характеристикой всех проявлений личности, темперамент в своих качественных свойствах впечатлительности, эмоциональной возбудимости и импульсивности является вместе с тем чувственной основой характера.

Образуя основу свойств характера, свойства темперамента, однако, не определяют их. Включаясь в развитие характера, свойства темперамента претерпевают изменения, в силу которых одни и те же исходные свойства могут привести к различным свойствам характера в зависимости от того, чему они subordinируются,— от поведения, убеждений, волевых и интеллектуальных качеств человека. Так на основе импульсивности как свойства темперамента, в зависимости от условий воспитания и всего жизненного пути, могут выработаться различные волевые качества характера: в одном случае на основе большой импульсивности у человека, который не приучился контролировать свои поступки размышлением над их последствиями, могут легко развиться необдуманность, безудержность, привычка рубить с плеча, действовать под влиянием аффекта; в других случаях на основе той же импульсивности разовьются решительность, способность без лишних промедлений и колебаний идти к поставленной цели. В зависимости от жизненного пути человека, от всего хода его общественно-морального, интеллектуального и эстетического развития впечатлительность как свойство темперамента может

в одном случае привести к значительной уязвимости, болезненной ранимости, отсюда к робости и застенчивости; в другом — на основе той же впечатлительности могут развиваться большая душевная чуткость, отзывчивость и эстетическая восприимчивость; в третьем — чувствительность в смысле сентиментальности. Формирование характера на базе свойств темперамента существенно связано с направленностью личности.

В (неопубликованных) наблюдениях Ананьева за жизненным путем нескольких подростков, проведенных на протяжении ряда лет, имеются чрезвычайно поучительные случаи преобразования свойств темперамента и образования на их основе различных свойств характера.

Заимствуем из материалов Ананьева один пример.

«В 1936 г. окончила на "отлично" пединститут студентка М., бывшая очень большой общественницей и влиятельным товарищем в студенческой среде. Волевой образ М. всегда свидетельствовал о значительной твердости ее убеждений и побуждений, о цельности ее жизненной линии. В прошлом М. была очень робкой, застенчивой, молчаливой мечтательницей, терявшейся при любом обращении со стороны учителей и товарищей. Родители особенно баловали и жалели девочку, полагая, что ей суждена тяжелая жизнь вследствие этой слабости ее характера.

Первоначально в школе ее не замечали, а дома компенсировали ее кажущуюся недостаточность ласками и потворством, потому что она была хрупкая и слабенькая и родители считали, что нужно сделать все для того, чтобы она не чувствовала суровости жизни и собственных неудач, так как больших надежд на ее будущее не возлагали. В свое время девочка вступает в пионерский отряд и первоначально ведет себя так же, как и в школе. В пионерском отряде за ряд лет девочка прошла большую школу общественного воспитания, и в ней возникают качества, обладание которыми было для нее ранее невозможно. М. становится деятельной, инициативной, живой, любознательной, настойчивой, решительной и разговорчивой. Она начинает выступать в школьной жизни твердо, уверенно, убежденно, завоевывает авто-

ритет в среде товарищей. В комсомоле М. закалывают основательно, и перед ней раскрываются живые творческие перспективы, которые она расценивает как волевой человек, умеющий завершать свои действия и достигать цели.

В результате воспитания и самовоспитания М. становится, по ее словам, совершенно другим человеком. Это не значит, однако, что у нее ничего не осталось от ее первоначального темперамента, от ее обостренной чувствительности, доходившей ранее до большой уязвимости и ранимости. Она была вначале чрезвычайно уязвимым, ранимым типом, мимозоподобным существом, но эта обостренная чувствительность под преобразующим влиянием воли приводит к образованию новых качеств. Впечатлительность не уничтожается, но выступает в качественно иной форме. Эта девушка пользовалась большой популярностью среди товарищей, в частности, потому, что она была чрезвычайно чуткой, отзывчивой в отношениях с друзьями. Но эта впечатлительность, как видим, выступает уже не в форме робости и застенчивости, как раньше, а в форме чрезвычайно тонкого, искусного понимания нужд товарищей, высокого развития симпатических переживаний и нравственных чувствований вообще; преобразование чувствительности также выражается в превращениях былой уязвимости в высокое развитие эстетических чувств, вкусов и привязанностей».

Приведем еще один пример (из тех же материалов), свидетельствующий о том, что «обостренная чувствительность может быть выработана неправильным воспитанием при первоначальном отсутствии таких природных задатков. Мальчик 12 лет Г. — типичный здоровый и живой сангвиник, воспитывался в семье, продолжавшей поклоняться многим фетишам буржуазного семейного воспитания. На протяжении многих лет мать Г. своей "заботой" и неправильно понятой любовью отучила Г. от самостоятельности, активности и решительности. Вплоть до мелочей все делалось в семье за Г., и он жил на всем готовом во всех отношениях. Все уроки готовились его родными, и ему оставалось лишь воспользоваться готовыми плодами. Мать привозила и отвозила Г. из школы, одевала его и наставляла при товарищах, вы-

зывая насмешки в отношении своего сына. Следствием такого любвеобильного, но порочного воспитания было то, что сангвиник Г. стал основательно трусливым, нерешительным, не уверенным в себе, обидчивым до крайности и ранимым до чрезвычайной степени».

В итоге: темперамент — динамическая характеристика личности во всех ее действенных проявлениях и чувственная основа характера. Преобразуясь в процессе формирования характера, свойства темперамента переходят в черты характера, содержание которого неразрывно связано с направленностью личности.

Учение о характере

Говоря о характере (что в переводе с греческого означает «чеканка», «печать»), обычно понимают те свойства личности, которые накладывают определенный отпечаток на все ее проявления и выражают специфическое для нее отношение к миру и прежде всего к другим людям. Именно в этом смысле мы обычно говорим, что у человека плохой характер или хороший, благородный и т. п. Мы говорим иногда в том же смысле, что такой-то человек бесхарактерный, желая этим сказать, что у него нет такого внутреннего стержня, который определял бы его поведение; его деяния не носят на себе печати их творца. Другими словами, бесхарактерный человек — это человек, лишенный внутренней определенности; каждый поступок, им совершаемый, зависит больше от внешних обстоятельств, чем от него самого. Человек с характером, напротив, выделяется, прежде всего, определенностью своего отношения к окружающему, выражающейся в определенности его действий и поступков: о человеке с характером мы знаем, что в таких-то обстоятельствах он так-то поступит. «Этот человек,— говорят часто,— должен был поступить именно так, он не мог поступить иначе — такой уж у него характер». Читая в художественном произведении о поведении действующего лица, характер которого уже выявился в предшествующем изложении, мы часто не соглашались с автором, казалось бы, вольным поступить с действующими лицами своего произведения, плодом собственной его фантазии, как ему вздумается.

Мы считаем образ действий, приписываемый ему автором, неправдоподобным, потому что он не вяжется с его уже выявившимся характером; такой человек, т. е. человек с таким характером, не мог так поступить.

Характер обуславливает определенность человека как субъекта деятельности, который, выделяясь из окружающего, определенным образом относится к нему. Знать характер человека — это знать те существенные для него черты, из которых вытекает, которыми определяется весь образ его действий. Черты характера — это те существенные свойства человека, из которых с определенной логикой и внутренней последовательностью вытекает одна линия поведения, одни поступки и которыми исключаются как несовместимые с ними, им противоречащие, другие. Но всякая определенность — это всегда и неизбежно определенность по отношению к чему-то. Не существует абсолютной определенности в себе безотносительно к чему бы то ни было. И определенность характера — это тоже не определенность вообще, а определенность по отношению к чему-то, к определенной сфере значимых для человека жизненных отношений. Определенность, составляющая сущность характера, может образоваться у человека по отношению к тому и в отношении того, что ему не безразлично. Наличие у человека характера предполагает наличие чего-то значимого для него в мире, в жизни, определяющего мотивы его поступков, цели его действий, задачи, которые он себе ставит или на себя принимает. Характер представляет собой внутренние свойства личности, но это не значит, что они в своем генезисе и существовании определяются изнутри, системой внутренних органических или внутриличностных отношений. Напротив, эти внутренние свойства личности, составляющие ее характер, выражаясь в отношении к тому, что значимо для человека в мире, через отношение к миру и определяются.

Поэтому первый и решающий вопрос для определения характера каждого человека — это вопрос о том, по отношению к чему, к какой сфере задач, целей и т. д. делает человека определенным его характер. Иной человек представляется в обыденных житейских ситуациях как сильный характер; он

проявляет большую определенность, твердость и настойчивость во всем, что касается бытовых дел и вопросов, но тот же человек обнаруживает сразу же полную неопределенность, бесхребетность, когда дело коснется вопросов иного — принципиального плана. Другой, кажущийся сначала лишенным характера в силу своей податливости в мелочных вопросах обыденной жизни, для него не значимых, пока они не затрагивают существенных для него сфер жизненных задач, вдруг раскрывается как большой характер — определенный, твердый, непреклонный, как только перед ним встают существенные, значимые для него вопросы, задачи, цели. И один и другой из этих людей обладают формально как будто равно сильным или определенным характером — в смысле определенности, твердости, непреклонности, каждый — в существенной для него сфере жизненных отношений, но у одного из них при этом все же ничтожный, мелкий по существу характер, а у другого — более или менее значительный. Весь вопрос в том, в какой мере то, что существенно для данного человека, является также и объективно существенным, в какой мере значимым для индивида является общественно значимое. Этим определяется значительность характера.

Для характера, как и для воли, взятых не формально лишь, а по существу, решающим является взаимоотношение между общественно — и лично значимым для человека. Каждая историческая эпоха ставит перед человеком определенные задачи и в силу объективной логики вещей требует от него как самого существенного определенности в отношении именно этих задач. На них формируется и на них же испытывается и проверяется характер людей. Большой, значительный характер — это характер, который включает в себе определенность человека по отношению к этим объективно существенным задачам. Большой характер поэтому не просто формальная твердость и упорство (такое формальное упорство, безотносительно к содержанию, может быть и большим упрямством, а не большим характером); большой характер — это большая определенность в больших делах. Там, где есть эта определенность в существенном, большом, принципиальном, она неизбежно

скажется и в малом, выступая иногда в нем с особой симптоматической показательностью. Заключаясь в определенности отношения человека к значимым для него целям, характер человека проявляется в его поведении, в его делах и поступках. Проявляясь в них, он в них же и формируется. Он зарождается, закладывается в мотивах его поведения в лабильной, от случая к случаю изменчивой форме, определяемой конкретной ситуацией. Выражающееся в мотивах отношение человека к окружающему, проявляясь в действии, в его делах и поступках, через них закрепляется и, становясь привычным, переходит в относительно устойчивые черты или свойства характера.

Характер человека — и предпосылка и результат его реального поведения в конкретных жизненных ситуациях; обуславливая его поведение, он в поведении же и формируется. Смелый человек поступает смело, и благородный человек ведет себя благородно. Объективно благородные или смелые дела могут первично совершаться, вовсе не требуя особой субъективной смелости или благородства: смелость дел или благородство поступков переходит в смелость или благородство человека, закрепляясь в его характере; в свою очередь смелость или благородство характера, закрепившись в нем, обуславливает смелость или благородство поведения.

К характеру в собственном смысле слова относятся, однако, не все относительно устойчивые свойства личности, которые выделяются и закрепляются в человеке, по мере того как складывается его образ жизни, а только те, которые обуславливают, какие побуждения по преимуществу определяют его действия. К характеру непосредственно не относятся, например, техническая ловкость, вообще свойства, обуславливающие умения человека; в характер включаются только те свойства, которые выражают его направленность.

С другой стороны, не всякое проявление направленности личности, не всякая установка и не всякое побуждение относятся к характеру. Бывают у каждого человека случайные побуждения и случайные действия, вовсе не характерные для него; из того, как он поступил в данных специальных условиях, не вытекает, каково будет его поведение в других условиях, между тем

характерный поступок — это как раз такой поступок, из которого вытекает, как человек поступит в других ситуациях. В характере заключены внутренняя логика, взаимосвязь определяющих его свойств и установок, известная необходимость и последовательность. К характеру относятся лишь те проявления направленности, которые выражают устойчивые свойства личности и вытекающие из них устойчивые личностные, а не только случайные ситуационные установки. Относительно устойчивые свойства личности, которые определяют ее качественное своеобразие и выражают ее направленность, составляют ее характер. Характер выражается в направленности личности, в тех основных действенных ее установках и тенденциях, которые контролируют и регулируют все проявления человека, через которые преломляется и фильтруется то, что он делает. Характерологические свойства личности обуславливают ее направленность, накладывают определенный отпечаток на ее поведение и проявляются в отношении человека к другим людям, к миру и к самому себе.

Поскольку в характере сосредоточены стержневые особенности личности, все индивидуальные отличия в характере приобретают особенную значимость и выраженность. Поэтому вопрос о характере нередко ошибочно даже целиком сводился к одному лишь вопросу о межличностных различиях или индивидуальных особенностях личности. Между тем вопрос о характере — это, прежде всего вопрос об общем строении личности. У каждого человека свой характер и свой темперамент, но тот или иной характер и тот или иной темперамент есть у каждого человека. Характер — это единство личности, опосредующее (обуславливающее) все ее поведение.

Определяя господствующие, характерные для человека побуждения, характер может выразиться как в целях, которые человек себе ставит, так и в средствах или способах, которыми он их осуществляет, как в том, что он делает, так и в том, как он это делает, т. е. характер может выразиться как в содержании, так и в форме поведения. Последняя представляется часто особенно существенной для характера; это отчасти так и есть, поскольку форма яв-

ляется обобщенным выражением содержания. При этом так же как не все свойства человека относятся к его характеру, а только те, которые выражаются в его направленности, так и не все способы поведения показательны для характера. К нему не имеют прямого отношения технические способы — приемы, посредством которых человек осуществляет специальные технические цели, так же как и эти последние. Для него показательны только те способы поведения, которые обнаруживают избирательную направленность личности, с чем человек считается, как он что расценивает, чем он готов поступиться для достижения данной цели и из-за чего готов скорее отказаться, чем идти к ее достижению неприемлемым способом. Другими словами: в способе поведения, в котором проявляется характер, выражается иерархия между возможными различными целями, которая устанавливается для данного человека в силу его характера; он — обобщенное выражение избирательной направленности личности. «Форма», или способ поведения, так понимаемая, действительно является наиболее существенным или показательным выражением характера. В этом смысле можно сказать, что характер определяет способ поведения; но менее всего, возможно, отсюда заключить, что к характеру относится только форма поведения, а не его содержание.

Господствующая направленность человека, в которой проявляется его характер, означает активное избирательное отношение человека к окружающему. В идеологическом плане она выражается в мировоззрении, в психологическом — в потребностях, интересах, склонностях, вкусах, т. е. избирательном отношении к вещам, в привязанностях, т. е. избирательном отношении к людям. Поскольку они служат побуждениями к действиям и поступкам человека, а в этих последних характер не только проявляется, но и формируется, они участвуют в образовании характера. Вместе с тем характер, по мере того как он складывается, обуславливает, какие из всех возможных побуждений определяют поведение данного человека.

Характер теснейшим образом связан и с мировоззрением. Характерное для человека поведение, в котором характер и формируется, и проявляется,

будучи его практическим отношением к другим людям, неизбежно заключает в себе идеологическое содержание, хотя и не всегда адекватно осознанное и не обязательно теоретически оформленное. Своим поведением, каждым своим поступком человек неизбежно — хочет он того или нет, и независимо от того, осознает ли он это, — практически решает мировоззренческие проблемы. Поэтому действенные установки человека, обусловленные свойствами его характера, а следовательно, и эти последние не могут не быть связаны с его мировоззрением. Поскольку то или иное мировоззрение, переходя в убеждения человека, в его моральные представления и идеалы, регулируют его поведение, оно, отражаясь в его сознании и реализуясь в его поведении, существенно участвует в формировании его характера. Единство тех целей, которые оно перед человеком ставит, существенно обуславливает цельность характера. Систематически побуждая человека поступать определенным образом, мировоззрение, мораль как бы оседают и закрепляются в его характере в виде привычек — привычных способов нравственного поведения. Превращаясь в привычки, они становятся «второй натурой» человека. Можно в этом смысле сказать, что характер человека — это в известной мере его не всегда осознанное и теоретически оформленное мировоззрение, ставшее натурой человека.

Потребности, интересы, склонности, вкусы, всевозможные тенденции и установки, а также личные взгляды и убеждения человека — это психологические формы выражения направленности, в которой проявляется характер; содержанием же ее является практическое отношение человека к другим людям и через них к самому себе, к своему труду и к вещам предметного мира. Ведущим и определяющим моментом в формировании характера являются взаимоотношения человека с другими людьми.

Поскольку характер выражается, прежде всего, в отношении к другим людям, в общественном по существу отношении к миру, он проявляется и формируется преимущественно в поступках, т. е. в тех действиях, в которых ведущим и определяющим является практическое отношение действующего

лица как субъекта к другим людям. Смотря по тому, формируется ли характер в замкнутой скорлупе личного благополучия или, напротив, в общем коллективном труде и борьбе,— основные свойства человеческого характера развиваются совершенно по-разному.

Взаимоотношения человека с другими людьми определяют и его отношение к своей деятельности — способность к подвигу, к напряженному героическому труду, творческое беспокойство или, напротив, успокоенность — и его отношение к самому себе: уверенность в своих силах, скромность или преувеличенное самомнение, самолюбие, неуверенность в своих силах и т. д. Ведущая и определяющая роль взаимоотношений с другими людьми в образовании характера подтверждается на каждом шагу жизни; она отражается также в типах и характерах, созданных большими художниками.

В многообразных, тонких, богатых всевозможными оттенками людских отношениях, составляющих основную ткань человеческой жизни, складывается и проявляется величайшее многообразие самых основных для облика личности характерологических черт. Таковы заботливость о человеке, чуткость, справедливость, благородство, доброта, мягкость, нежность, доверчивость и множество других аналогичных и им противоположных свойств. При этом единство характера не исключает того, что в различных ситуациях у одного и того же человека проявляются различные и даже противоположные черты. Человек может быть одновременно очень нежным и очень требовательным, мягким вплоть до нежности и одновременно твердым до непреклонности. И единство его характера может не только сохраняться, несмотря на это, но именно в этом и проявляться.

Эти различия, противоположности и даже противоречия необходимо вытекают из сознательного характера отношения к другим людям, требующего дифференциации отношения в зависимости от изменяющихся конкретных условий. Человек мягкий при всех условиях и ни в чем не способный к твердости — это уже не мягкий, а бесхарактерный человек. А человек доверчивый, который не только не страдает подозрительностью, но ни при каких

условиях не способен к бдительности,— это уже не доверчивый, а наивный или глупый человек.

По отношению человека к другим людям различают характеры замкнутые и общительные. Но эта первая дифференциация, основывающаяся на количественном признаке объема общения, носит внешний характер. За ней может скрываться самое различное содержание. Замкнутость, ограниченность контакта с другими людьми может основываться в одном случае на безразличии к людям, на равнодушии холодной и опустошенной натуры, которой другие люди не нужны, потому что ей нечего им дать (герои Байрона), а в другом — на большой и сосредоточенной внутренней жизни, которая в иных условиях не находит себе путей для приобщения к ней других людей и для своего приобщения к ним (биография Спинозы и др. может служить тому наглядной иллюстрацией). Точно так же и общительность может иметь различный характер: у одних — широкая и поверхностная, с легко завязывающимися и неглубокими связями, у других — более узкая и более глубокая, сугубо избирательная. Общительность людей, которые в равной мере являются приятелями каждого встречного без всякого различия, свидетельствует иногда лишь о большой легкости и подвижности и о таком же по существу безразличии к людям, как и необщительность других людей. Решающее значение имеет, в конце концов, внутреннее отношение человека к человеку по существу.

Само общение с другими людьми существенно участвует в формировании характера. Лишь в процессе общения и воздействия на других людей формируется воздействующая сила характера, столь существенная в общественной жизни способность организовывать людей на совместную работу и борьбу; лишь в процессе общения, подвергаясь воздействиям со стороны других людей, формируется в человеке твердость характера, необходимая, чтобы противостоять внушениям, не поддаваться шатаниям и неуклонно идти к поставленной цели. «В тиши зреет интеллект, в бурях жизни формируется характер», — говорил Гёте.

При длительном общении взаимное воздействие людей друг на друга накладывает часто значительный отпечаток на их характер, причем в одних случаях происходит как бы обмен характерологическими свойствами и взаимное уподобление: в результате длительной совместной жизни люди иногда приобретают общие черты, становясь в некоторых отношениях похожими друг на друга. В других случаях эта взаимообусловленность характеров выражается в выработке или усилении у людей, живущих в длительном повседневном общении, характерологических черт, которые соответствуют друг другу в силу своей противоположности: так отец-деспот с очень властным и нетерпимым характером, подавляя волю своих близких, порождает дряблость, податливость, иногда прибитость и обезличенность у членов своей семьи, живущих в особенно тесном повседневном контакте с ним.

Очень существенной для формирования характера формой общения является воспитание. В своей сознательной организованности и целеустремленности воспитание — общение воспитателя с воспитываемым — располагает целым рядом важнейших средств воздействия: соответствующей организацией поведения, сообщением знаний, формирующих мировоззрение, личным примером, показом исторических деятелей, которые могут служить образцами, примерами, достойными подражания. Если у взрослого общественная практика и мировоззрение играют ведущую роль в формировании характера, то у ребенка в формировании его характера эта ведущая роль принадлежит бесспорно воспитанию.

Общение с другими людьми создает предпосылки и для самостоятельной работы человека над своим характером. В процессе общения, воздействуя на людей и подвергаясь воздействию с их стороны, человек познает других людей и испытывает на практике значение различных характерологических черт. Это познание других людей приводит к самопознанию, практическая оценка характерологических свойств других людей, регулируемая моральными представлениями, — к самооценке и самокритике. А самопозна-

ние, сравнительная самооценка и самокритика служат предпосылкой и стимулом для сознательной работы человека над своим характером.

С отношением человека к человеку неразрывно связано то же по существу своему общественное отношение к вещам, продуктам общественной практики, и собственному делу. В отношении к ним складывается и проявляется вторая существенная группа характерологических черт. Таковы, например, щедрость или скупость, добросовестность, инициативность, мужество в отстаивании своего дела, смелость, храбрость, настойчивость и т. д.

Характер каждого человека включает черты, определяющие как его отношение к другим людям, так и его отношение к вещам — продуктам общественного труда — и к делу, которое он сам выполняет. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Важно и то, какой из этих планов доминирует. Доминирование одного из этих друг друга опосредующих отношений выражает существенную черту характера и накладывает глубокий отпечаток на облик человека. Люди существенно отличаются друг от друга в зависимости от того, преобладает ли для них значение личностного контакта с людьми или объективного контакта с предметным миром.

Образцом субъективно-личностного типа может служить, например, ряд женских образов Л. Толстого — Кити, Анна Каренина и прежде всего Наташа Ростова, женщина, для которой все в жизни преломляется и оценивается через отношения к любимому человеку, все определяется этим отношением, а не отвлеченными объективными соображениями определенного дела.

Опосредованно через отношения к другим людям устанавливается у человека и отношение его к самому себе. С отношением к самому себе связана третья группа характерологических свойств личности. Таковы самообладание, чувство собственного достоинства, скромность, правильная или неправильная — преувеличенная или преуменьшенная — самооценки, уверенность в себе или мнительность, самолюбие, самомнение, гордость, обидчивость, тщеславие и т. д. Неправильно было бы, как это подсказывает лицемерная мораль, отразившаяся на специфически отрицательном оттенке

большинства слов, выражающих отношение к самому себе, — «самоуверенность», «самолюбие», «самомятие» и т. д., считать всякое положительное отношение к самому себе отрицательной характерологической чертой. Достойное и уважительное отношение к самому себе является не отрицательной, а положительной чертой — в меру того, как сам человек является представителем достойного дела, носителем ценных идей.

Каждая характерологическая черта в какой-то мере и каким-то образом выражает специфическое соотношение между отношением человека к окружающему миру и к самому себе. Это можно сказать и о таких, например, свойствах, как смелость, храбрость, мужество.

Существенное значение с этой точки зрения приобретает различие характеров узких, устойчивость которых зиждется на самоограничении, на сужении сферы своих интересов, притязаний, деятельности, и широких натур, которым «ничто человеческое не чуждо», экспансивных людей, умеющих всегда с какой-то большой душевной щедростью отдавать себя. так, что при этом они испытывают не убыль, а обогащение, приобщаясь ко все новому духовному содержанию.

Не следует, однако, внешне противопоставлять друг другу два формальных принципа — самоограничение узких натур и экспансивность натур широких. В каждом конкретном живом человеке во внутренне противоречивом единстве живут и действуют обе эти тенденции. Не существует такого узкого человека, который в какой-то мере не жил бы и не обогащался бы от своей собственной щедрости, который не приобретал бы, отдавая, который не находил бы себя через другого. И нет такой широкой натуры, такого щедрого человека, который не испытывал бы необходимости в самоограничении: если бы он все отдавал всем, он бы никому ничего не дал. Очень существенно, в какой мере благородство щедрости и мудрость самоограничения сочетаются в человеке. Избирательность, в которой они сочетаются, определяет лицо личности. Для того чтобы быть характером, нужно уметь не только принимать, но и отвергать.

Все стороны характера в их единстве и взаимопроникновении как в фокусе проявляются в отношении человека к труду.

В отношении к труду заключено в неразрывном единстве отношение к продуктам этого труда, к другим людям, с которыми человек связан через труд; в отношении к труду заключено и отношение к самому себе — особенно у нас, где оценка человека и его самооценка основываются прежде всего на его труде, на его отношении к труду. В труде же реально устанавливается отношение между характером человека и его одаренностью, между его склонностями и способностями.

То, как человек умеет использовать, реализовать свои способности, существенно зависит от его характера. Нередки, как известно, случаи, когда люди, казалось бы, со значительными способностями ничего не достигают, ничего ценного не дают именно в силу своих характерологических особенностей. (Рудин, Бельтов и другие образы лишних людей могут служить тому литературной иллюстрацией. «Гениальность в нем, пожалуй, и есть, но натуры никакой»,— говорит о Рудине Тургенев устами одного из действующих лиц романа.) Реальные достижения человека зависят не от одних лишь абстрактно, самих по себе взятых его способностей, а от специфического сочетания его способностей и характерологических свойств.

Характер связан со всеми сторонами психики; особенно тесна связь его с волей, являющейся как бы «хребтом» характера. Особенности волевой сферы, переходя в свойства личности, образуют существеннейшие черты характера. Выражения «человек с сильной волей» и «человек с характером» звучат обычно как синонимы.

Однако как ни тесна связь воли и характера, они все же не тождественны. Воля непосредственно связана по преимуществу с силой характера, его твердостью, решительностью, настойчивостью. Но характер не исчерпывается своей силой; он имеет содержание, которое направляет эту силу. Характер включает те свойства и действенные установки личности, которые определяют, как в различных условиях будет функционировать воля.

В волевых поступках характер, с одной стороны, складывается и, с другой, проявляется. Идеиное содержание и направленность волевых поступков, особенно в очень значимых для личности ситуациях, переходят в характер человека, в его действенные установки, закрепляясь в нем в качестве относительно устойчивых его свойств; эти свойства, в свою очередь, обуславливают поведение человека, его волевые поступки; решительные, смелые и т. п. действия и поступки человека обусловлены волевыми качествами личности, ее характера (ее уверенностью в себе, самообладанием, решительностью, настойчивостью и т. п.).

В характер, вопреки очень распространенному мнению, могут включаться не только волевые и эмоциональные, но и интеллектуальные особенности, поскольку они становятся свойствами личности, выражающимися в качественном своеобразии ее отношения к окружающему. Так, легкомыслие, благоразумие, рассудительность, будучи интеллектуальными качествами, являются или могут быть характерологическими чертами. При этом, превращаясь в свойства характера, интеллектуальные качества начинают характеризовать не один лишь интеллект как таковой, а личность в целом.

Поскольку характер включает свойства, выражающиеся в качественно своеобразном отношении человека к другим людям и опосредованном через него отношении к предметному миру и к самому себе, он, очевидно, выражает общественную сущность человека. Характер человека поэтому исторически обусловлен. Каждая историческая эпоха создает свои характеры — типичные характеры эпохи, обусловленные ее общественным строем.

Характер старого строя, основанного на конкуренции и частной собственности, не мог не запечатлеться в типичных чертах характера людей, которые он порождал. Положение «мне дела нет до другого» выражало основную черту, определявшую весь психологический облик мелких буржуа, заботящихся только о себе и мало интересующихся другими людьми. Отсюда с железной необходимостью вытекали ограниченность, косность, безразличие к своему труду, его общественной значимости, пользе и т. д. В рассказах Чехова запечатлена

целая галерея таких мелких тусклых людей, каждый из которых копошится на своем участке. В творчестве Достоевского психология личности, отъединенной от общества, замкнутой в своей скорлупе, раскрыта в заостренно трагическом плане. Исходный ее девиз «мне дела нет до другого» раскрывается здесь в обнаженности и заостренности, доходящей одновременно до карикатурного и трагического: «Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтобы мне чай пить». И из этой исходной позиции по отношению к другим людям с внутренней логикой вытекает ряд производных характерологических черт: объективно не оправданное, преувеличенно высокое мнение о себе; внутренняя опустошенность и болезненные поиски смысла жизни, утрата опорных точек вовне из-за разрыва действенных внутренних связей с другими людьми и бесконечные сомнения, шатания и терзания; отсутствие обязательств, в силу чего как будто все позволено, и вместе с тем отсутствие каких бы то ни было больших притягательных целей, подлинных внутренних стимулов и здоровой решимости.

Совсем иные черты характера становятся типичными для людей, которые воспитываются на коллективном труде и общей борьбе в условиях социалистического общества, поскольку здесь создаются все реальные предпосылки для действительного преодоления противоположности общественно и личностно значимого. Из сознания того, что все достижения каждого отдельного человека в действительности являются коллективными достижениями, проистекают также скромность и спокойная уверенность, основанная на сознании того, что за каждым человеком, делающим порученное ему дело, стоит огромная сила, которая его поддерживает. «В царстве вечного безмолвия, среди вечных льдов мы будем работать спокойно, зная, что о нас думает и заботится вся великая страна», — писал с дрейфующей льдины на Северном полюсе Иван Папанин. «Мне нравятся, — пишет Валентина Захарович, техник, 24-х лет, — партийные люди с сильным характером, даже суровые, которые стесняются своих храбрых поступков, как Молоков, который всегда говорит: "Все очень просто, нет ничего необыкновенного"».

В характере каждого человека есть черты и черточки, которые в своем индивидуальном своеобразии отражают своеобразие его индивидуального жизненного пути, его личного образа жизни. Но в нем же в той или иной мере по большей части представлены — в своеобразном индивидуальном преломлении — и черты, отражающие общие для людей данной эпохи особенности этой эпохи, ее строя, уклада, стиля. В типичных характерах эпохи получают свое типизированное идеальное выражение те общие многим людям данной эпохи, хотя и по-разному у них представленные, черты, которые связаны с характером эпохи. Подлинное понимание типического в различных характерах как реально общего, общего в единичном, типичного в индивидуальном возможно только на этой основе. Эти типичные характеры эпохи, будучи выражением тех черт, которые в характере отдельных людей отражают эпоху, выступают вместе с тем для людей этой эпохи в качестве ее идеалов. Типичный для людей определенной исторической эпохи образ жизни общества накладывает свой отпечаток на их характер, определяя типичные для людей данной эпохи черты характера. Однако в своей конкретной реальности характер человека обусловлен не только типичными чертами образа жизни людей данной эпохи, но и конкретными жизненными обстоятельствами, в которых совершается его жизненный путь, и его собственной деятельностью, изменяющей эти обстоятельства. Общие, типические и индивидуальные черты в характере человека всегда представлены в единстве и взаимопроникновении, так что общее, типическое выступает в индивидуально-своеобразном преломлении; поэтому существенное свое выражение характер человека часто получает как раз в характерном для него индивидуально-своеобразном его поведении, в типических и потому особенно показательных ситуациях

Развитие характера у детей свидетельствует, прежде всего, о несостоятельности той точки зрения, которая считает характер врожденным и неизменным. Нельзя отрицать значение природных особенностей организма в процессе развития характера, но характер человека не является однозначной функцией организма, его конституции, так чтобы можно было сводить харак-

терологические свойства человека к конституциональным биологическим особенностям его организма и выводить первые из вторых. Характер формируется в процессе развития личности как субъекта, активно включающегося в многообразную совокупность общественных отношений. Проявляясь в поведении, в поступках человека, характер в них же и формируется.

Не подлежит сомнению, что можно уже очень рано констатировать у детей более или менее ярко выраженные индивидуальные особенности поведения. Но, во-первых, эти индивидуальные особенности касаются сначала по преимуществу элементарных динамических особенностей, относящихся скорее к темпераменту, чем собственно к характеру, и, во-вторых, проявление этих индивидуальных особенностей в относительно очень раннем возрасте не исключает того, что они являются не просто врожденными задатками, а и результатом — пусть кратковременного — развития. Поэтому в ходе дальнейшего развития они неоднократно изменяются. Они представляют собой не законченные, фиксированные образования, а еще более или менее лабильные схемы характерных для данного индивида форм поведения, которые в своей неопределенности таят еще различные возможности. Наблюдения, которые имеются у каждого человека над людьми, находящимися длительное время в поле его зрения, могут на каждом шагу обнаружить случаи очень серьезной, иногда коренной перестройки как будто уже наметившегося характера. Характер формируется в жизни, и в течение жизни он изменяется; на последующих этапах характер человека становится другим, чем он был на предыдущих. Но то, каким он становится с течением времени, обусловлено, конечно, и тем, каким он был раньше. При всех преобразованиях и изменениях, которые претерпевает характер в ходе развития, обычно все же сохраняется известное единство в основных, наиболее общих его чертах, за исключением случаев, когда особые жизненные обстоятельства вызывают резкую ломку характера. Наряду с этими бывают случаи удивительного единства характерологического облика человека на протяжении всей его жизни, в ходе кото-

рой происходит главным образом как бы разработка того общего абриса и «замысла», который наметился в очень ранние годы.

В процессе развития характера годы раннего детства играют существенную роль. Именно в эти годы закладываются первые основы характера, и потому необходимо уделять внимание воспитанию, которое в эти ранние годы оказывает большое влияние на формирование характера ребенка. Однако в корне все же ошибочна точка зрения тех психологов, которые (как Фрейд и Адлер) считают, что в раннем детстве характер человека будто бы окончательно фиксируется. Это ошибочная точка зрения на развитие характера, которая, не утверждая его врожденности, практически приводит к такому же почти ограничению возможностей воспитательного воздействия на формирование характера, как и теория врожденности характера. Она связана с неправильным в корне пониманием роли сознания в формировании характера. Признание роли сознания, моментов идейного порядка и роли мировоззрения или идеологии в формировании характера с необходимостью приводит в генетическом плане к признанию роли не только младших, но и старших возрастов как периода сознательной, организованной работы над характером.

Вся собственно воспитательная работа должна быть, в конце концов, направлена главным образом на эту задачу воспитания характера. Поскольку сознательная деятельность и мировоззрение играют существенную роль в формировании характера, воспитательная работа, направленная на его развитие, должна быть неотрывна от работы образовательной, от всего процесса воспитания всесторонне развитой личности.

Вместе с тем очевидно, что человек сам участвует в выработке своего характера, поскольку характер складывается в зависимости от мировоззрения, от убеждений и привычек нравственного поведения, которые он у себя вырабатывает, от дел и поступков, которые он совершает, — в зависимости от всей его сознательной деятельности, в которой характер, как сказано, не только проявляется, но и формируется. Характер человека, конечно, обусловлен объективными обстоятельствами его жизненного пути, но сами эти об-

стоятельства создаются и изменяются в результате его поступков, так что поступки человека и жизненные обстоятельства, их обуславливающие, постоянно переходят друг в друга. Поэтому нет ничего нелепее и фальшивее, как ссылка в оправдание дурных поступков человека на то, что таков уж у него характер, как если бы характер был чем-то изначально данным и фатально предопределенным. Человек сам участвует в выработке своего характера и сам несет за него ответственность.

Б.М. Теплов

Способность и одарённость¹⁶

При установлении основных понятий учения об одаренности наиболее удобно исходить из понятия «способность».

Три признака, как мне кажется, всегда заключаются в понятии «способность» при употреблении его в практически разумном контексте.

Во-первых, под способностями понимаются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; никто не станет говорить о способностях там, где дело идет о свойствах, в отношении которых все люди равны. В таком смысле слово «способность» употребляется основоположниками марксизма-ленинизма, когда они говорят: «От каждого по способностям».

Во-вторых, способностями называют не всякие вообще индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей. Такие свойства, как, например, вспыльчивость, вялость, медлительность, которые, несомненно, являются индивидуальными особенностями некоторых людей, обычно не называются способностями, потому что не рассматриваются как условия успешности выполнения каких-либо деятельностей.

---

¹⁶ Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – Москва, 1961, С. 9–20.

В-третьих, понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека. Нередко бывает, что педагог не удовлетворен работой ученика, хотя последний обнаруживает знания не меньшие, чем некоторые из его товарищей, успехи которых радуют того же самого педагога. Свое недовольство педагог мотивирует тем, что этот ученик работает недостаточно; при хорошей работе ученик, «принимая во внимание его способности», мог бы иметь гораздо больше знаний.

Когда выдвигают молодого работника на какую-либо организационную работу и мотивируют это выдвижение «хорошими организационными способностями», то, конечно, не думают при этом, что обладать «организационными способностями» — значит обладать «организационными навыками и умениями». Дело обстоит как раз наоборот: мотивируя выдвижение молодого и пока еще неопытного работника его «организационными способностями», предполагают, что, хотя он, может быть, и не имеет еще необходимых навыков и умений, *благодаря* своим способностям он сможет быстро и успешно приобрести эти умения и навыки.

Эти примеры показывают, что в жизни под способностями обычно имеют в виду такие индивидуальные особенности, *которые не сводятся к наличным навыкам, умениям или знаниям, но которые могут объяснять легкость и скорость приобретения этих знаний и навыков.*

Мы не можем понимать способности... как врожденные возможности индивида, потому что способности мы определили как «индивидуально-психологические особенности человека», а эти последние по самому существу дела не могут быть врожденными. *Врожденными могут быть лишь анатомо-физиологические особенности, т. е. задатки, которые лежат в основе развития способностей, сами же способности всегда являются результатом развития.*

Таким образом, отвергнув понимание способностей как врожденных особенностей человека, мы, однако, нисколько не отвергаем тем самым того

факта, что в основе развития способностей в большинстве случаев лежат некоторые врожденные особенности, задатки.

Понятие «врожденный», выражаемое иногда и другими словами — «прирожденный», «природный», «данный от природы» и т. п., — очень часто в практическом анализе связывается со способностями.

Важно лишь твердо установить, что *во всех случаях мы разумеем врожденность не самих способностей, а лежащих в основе их развития задатков*. Да едва ли кто-нибудь и в практическом словоупотреблении разумеет что-нибудь иное, говоря о врожденности той или другой способности. Едва ли кому-нибудь приходит в голову думать о «гармоническом чувстве» или «чутье к музыкальной форме», существующих уже в момент рождения. Вероятно, всякий разумный человек представляет себе дело так, что с момента рождения существуют только задатки, предрасположения или еще что-нибудь в этом роде, на основе которых развивается чувство гармонии или чутье музыкальной формы.

Очень важно также отметить, что, говоря о врожденных задатках, мы тем самым не говорим еще о наследственных задатках. Чрезвычайно широко распространена ошибка, заключающаяся в отождествлении этих двух понятий. Предполагается, что сказать слово «врожденный» все равно, что сказать «наследственный». Это, конечно, неправильно. Ведь рождению предшествует период утробного развития... Слова «наследственность» и «наследственный» в психологической литературе нередко применяются не только в тех случаях, когда имеются действительные основания предполагать, что данный признак получен наследственным путем от предков, но и тогда, когда хотят показать, что этот признак не есть прямой результат воспитания или обучения, или когда предполагают, что этот признак сводится к некоторым биологическим или физиологическим особенностям организма. Слово «наследственный» становится, таким образом, синонимом не только слову «врожденный», но и таким словам, как «биологический», «физиологический» и т. д.

Такого рода нечеткость или невыдержанность терминологии имеет принципиальное значение. В термине «наследственный» содержится определенное объяснение факта, и поэтому-то употреблять этот термин следует с очень большой осторожностью, только там, где имеются серьезные основания выдвигать именно такое объяснение.

Итак, понятие «врожденные задатки» ни в коем случае не тождественно понятию «наследственные задатки». Этим я вовсе не отрицаю законность последнего понятия. Я отрицаю лишь законность употребления его в тех случаях, где нет всяких доказательств того, что данные задатки должны быть объяснены именно наследственностью.

Далее, необходимо подчеркнуть, что способность по самому своему существу есть понятие динамическое. Способность существует только в движении, только в развитии. В психологическом плане нельзя говорить о способности, как она существует *до начала* своего развития, так же как нельзя говорить о способности, достигшей своего *полного развития*, закончившей свое развитие.

Приняв, что способность существует только в развитии, мы не должны упускать из виду, что развитие это осуществляется не иначе, как в процессе той или иной практической или теоретической деятельности. А отсюда следует, что *способность не может возникнуть вне соответствующей конкретной деятельности*. Только в ходе психологического анализа мы различаем их друг от друга. Нельзя понимать дело так, что способность существует до того, как началась соответствующая деятельность, и только используется в этой последней. Абсолютный слух как способность не существует у ребенка до того, как он впервые стал перед задачей узнавать высоту звука. До этого существовал только задаток как анатомо-физиологический факт.

Не в том дело, что способности проявляются в деятельности, а в том, что они создаются в этой деятельности.

Развитие способностей, как и вообще всякое развитие, не протекает прямолинейно: его движущей силой является борьба противоречий, поэтому

на отдельных этапах развития вполне возможны противоречия между способностями и склонностями. Но из признания возможности таких противоречий вовсе не вытекает признание того, что склонности могут возникать и развиваться независимо от способностей или, наоборот, способности — независимо от склонностей.

Выше я уже указывал, что способностями можно называть лишь такие индивидуально-психологические особенности, которые имеют отношение к успешности выполнения той или другой деятельности. Однако не отдельные способности как таковые непосредственно определяют возможность успешного выполнения какой-нибудь деятельности, а лишь своеобразное сочетание этих способностей, которое характеризует данную личность.

Одной из важнейших особенностей психики человека является возможность чрезвычайно широкой *компенсации* одних свойств другими, вследствие чего относительная слабость какой-нибудь одной способности вовсе не исключает возможности успешного выполнения даже такой деятельности, которая наиболее тесно связана с этой способностью. Недостающая способность может быть в очень широких пределах компенсирована другими, высокоразвитыми у данного человека.

Именно вследствие широкой возможности компенсации обречены на неудачу всякие попытки свести, например, музыкальный талант, музыкальное дарование, музыкальность и тому подобное к какой-либо *одной* способности.

Для иллюстрации этой мысли приведу один элементарный пример. Своеобразной музыкальной способностью является так называемый абсолютный слух, выражающийся в том, что лицо, обладающее этой способностью, может узнавать высоту отдельных звуков, не прибегая к сравнению их с другими звуками, высота которых известна. Имеются веские основания к тому, чтобы видеть в абсолютном слухе типичный пример «врожденной способности», т. е. способности, в основе которой лежат врожденные задатки. Однако можно и у лиц, не обладающих абсолютным слухом, выработать

умение узнавать высоту отдельных звуков. Это не значит, что у этих лиц будет создан абсолютный слух, но это значит, что при отсутствии абсолютного слуха можно, опираясь на другие способности — относительный слух, тембровый слух и т. д., выработать такое умение, которое в других случаях осуществляется на основе абсолютного слуха. Психические механизмы узнавания высоты звуков при настоящем абсолютном слухе и при специально выработанном, так называемом «псевдоабсолютном» слухе будут совершенно различными, но практические результаты могут в некоторых случаях быть совершенно одинаковыми.

Далее надо помнить, что отдельные способности не просто сосуществуют рядом и независимо друг от друга. Каждая способность изменяется, приобретает качественно иной характер в зависимости от наличия и степени развития других способностей.

Исходя из этих соображений, мы не можем непосредственно переходить от отдельных способностей к вопросу о возможности успешного выполнения данным человеком той или другой деятельности. Этот переход может быть осуществлен только через другое, более синтетическое понятие. Таким понятием и является «одаренность», понимаемая как то качественно своеобразное сочетание способностей, от которых зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении той или другой деятельности.

Своеобразие понятий «одаренность» и «способности» заключается в том, что свойства человека рассматриваются в них с точки зрения тех требований, которые ему предъявляет та или другая практическая деятельность. Поэтому нельзя говорить об одаренности вообще. Можно только говорить об одаренности к чему-нибудь, к какой-нибудь деятельности. Это обстоятельство имеет особенное значение при рассмотрении вопроса о так называемой «общей одаренности»...

То соотнесение с конкретной практической деятельностью, которое с необходимостью содержится в самом понятии «одаренность», обуславливает

исторический характер этого понятия. Понятие «одаренность» лишается смысла, если его рассматривать как биологическую категорию. Понимание одаренности существенно зависит от того, какая ценность придается тем или другим видам деятельности и что разумеется под «успешным» выполнением каждой конкретной деятельности.

Переход от эксплуататорского строя к социализму впервые открыл высокую ценность самых различных видов человеческой деятельности и снял с понятия «одаренность» ту ограниченность, от которой не могли избавиться его даже лучшие умы буржуазной науки.

Существенное изменение претерпевает и содержание понятия того или другого специального вида одаренности в зависимости от того, каков в данную эпоху и в данной общественной формации критерий «успешного» выполнения соответствующей деятельности. Понятие «музыкальная одаренность» имеет, конечно, для нас существенно иное содержание, чем то, которое оно могло иметь у народов, не знавших иной музыки, кроме одногласной. Историческое развитие музыки влечет за собой и изменение музыкальной одаренности.

Итак, понятие «одаренность» не имеет смысла без соотнесения его с конкретными, исторически развивающимися формами общественно-трудовой практики.

Отметим еще одно очень существенное обстоятельство. От одаренности зависит не успех в выполнении деятельности, а только возможность достижения этого успеха. Даже ограничиваясь психологической стороной вопроса, мы должны сказать, что для успешного выполнения всякой деятельности требуется не только одаренность, т. е. наличие соответствующего сочетания способностей, но и обладание необходимыми навыками и умениями. Какую бы феноменальную и музыкальную одаренность ни имел человек, но, если он не учился музыке и систематически не занимался музыкальной деятельностью, он не сможет выполнять функции оперного дирижера или эстрадного пианиста.

В связи с этим надо решительно протестовать против отождествления одаренности с «высотой психического развития», отождествления, широко распространенного в буржуазной психологии.

Имеется большое различие между следующими двумя положениями: «данный человек по своей одаренности имеет возможность весьма успешно выполнять такие-то виды деятельности» и «данный человек своей одаренностью предрасположен к таким-то видам деятельности». Одаренность не является единственным фактором, определяющим выбор деятельности (а в классовом обществе она у огромного большинства и вовсе не влияет на этот выбор), как не является она и единственным фактором, определяющим успешность выполнения деятельности.

Учебное издание

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Часть I

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Пособие

Составитель

Поддубская Елена Александровна

Ответственный за выпуск *Е.А. Поддубская*

Редактор *Н.Н. Оляха*

Корректурa, верстка *Н.Н. Оляха*

Подписано в печать 05.12.2007 г. Формат 60×84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 9,53.
Уч.-изд. л. 7,45. Тираж 120 экз. Заказ 640.

Издатель и полиграфическое исполнение
Белорусский государственный аграрный технический университет
ЛИ № 02330/0131734 от 10.02.2006. ЛП № 02330/0131656 от 02.02.2006.
220023, г. Минск, пр. Независимости, 99, к. 2.

